

МУХАММАД РИЗА БАРНАБАДИ

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАЗКИРЕ

Перевод: Н.Н. Туманович

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые “Памятные записки” (*Тазкире*) Мухаммада Ризы Барнабади представляют собой мемуары провинциального гератского помещика, составленные в первые годы XIX в. Произведения этого жанра сравнительно немногочисленны, однако в персо-язычной литературе ко времени, когда наш автор взялся за перо, существовала устоявшаяся традиция их составления. Заметная и почетная роль в сложении этой традиции принадлежала гератскому литературному кругу ¹. Как и в других подобных произведениях, изложение в *Тазкире* ведется в хронологической последовательности, причем по мере приближения ко времени жизни автора его

рассказ становится все более полнокровным, насыщенным фактами.

Событиям XVIII в. посвящено более двух третей “Памятных записок”. Здесь автор выходит за рамки жанра с его узкосемейным бытописанием. Эта часть сочинения должна расцениваться как важный исторический и историко-культурный памятник Афганистана. В описании событий периода феодальных междоусобиц в районе Герата на рубеже XVIII—XIX вв., которые автор наблюдал лично, Мухаммад Риза достаточно добросовестен и надежен, что, разумеется, не исключает определенной тенденциозности его изложения. Существенно при этом то обстоятельство, что в отличие от произведений придворной историографии *Тазкире* отражает интересы местной провинциальной знати.

Тазкире до некоторой степени восполняет пробел в историографии Афганистана и с социально-экономической точки зрения. Данные “Памятных

записок” этого направления можно разбить на три группы.

Во-первых, в *Тазкире* приведены копии семи жалованных грамот султанов и шахов, владевших районом Герата, представителям рода автора.

Грамоты датированы 1580, 1638, 1688 гг., две грамоты 1759 г., по одной 1763 и 1770 гг. Приведена грамота начала XVIII в., которой старший в роде производил раздел земель и имущества между своими сыновьями и дочерьми. В грамотах [10] указываются масштабы землевладений, называются отдельные участки и поместья ².

Во-вторых, в сочинении Мухаммада Ризы приводятся конкретные цифры стоимости пленников, коней, сельскохозяйственных продуктов и инвентаря, ковров, тканей, сосудов, бумаги, книг, лекарств и т. д. и т. п.

В-третьих, в различных местах *Тазкире* разбросаны сведения об аренде земель, мельниц, лавок, мастерских; об извозе и найме лошадей; о торговле, ссудах, залогах, платежах и др.

Эти в подавляющем большинстве конкретные данные позволяют судить о формах феодального землевладения и землепользования, о налогах, повинностях, поставках; получить представление о различных сторонах ведения хозяйства среднего феодала, воссоздать картину его замкнутого быта. Важно отметить, что сведения такого рода почти невозможно отыскать в объемистых исторических хрониках, посвященных афганским шахам, как потому, что придворные хронисты не уделяли этим вопросам должного внимания, так и в силу своеобразия условий жизни в долине Герируда, заметно отличавшихся от горных районов Южного Афганистана, где находились центры афганской государственности — Кабул и Кандагар.

Немаловажно значение труда Мухаммада Ризы и как историко-культурного памятника. Мы находим в нем материалы для суждения о круге мусульманской образованности в XVIII в. в Герате на примере нашего автора. Говоря о своем обучении, автор очерчивает круг школьных знаний (см. ниже). В “Памятных записках” есть ссылки на ряд

исторических трудов и косвенные свидетельства о знакомстве Мухаммада Ризы с историей Средней Азии в самом обширном понимании этого слова. Очевидно, Мухаммад Риза также неплохо разбирался в географии Афганистана, Средней Азии, Ирана и Индии. Он хорошо знал арабский язык и свободно цитировал Коран, через который был знаком с библейскими легендами; смолоду слышал предания, связанные с именами мусульманских, главным образом шиитских, святых. Особо следует остановиться на литературном образовании Мухаммада Ризы. Целый ряд известных сочинений на персидском языке и имена персидских и таджикских поэтов-классиков, встречающиеся в *Тазкире*, показывают, что полученное им литературное образование вошло в плоть и кровь нашего автора. Он сам писал стихи. В них проявляется его любовь к поэтическому слову, уважение к нему и даже попытка найти в нем защиту в тяжелую минуту. [11]

Стихотворные интерполяции *Тазкире*, составляющие примерно пятую часть всего текста, можно разделить

на несколько видов в зависимости от их назначения. Наиболее многочисленны по количеству мелкие стихотворные вставки — одна строка или двустишие — бейт. Они рассыпаны по всему тексту, и редкая страница обходится без нескольких таких вставок. Их задача — иллюстрировать мысль автора, выраженную в прозе, поэтическим образом, сравнением, цитатой из классического произведения того или иного знаменитого поэта. Один из видов таких вставок — хронограммы, т. е. стихи, буквы которых имеют числовое значение, позволяющие прочнее запомнить важную дату — день рождения или кончины, закладки фундамента или завершения постройки и т. п.

Газели и касыды, цитирующиеся в *Тазкире* или полностью приведенные в нем автором, принадлежат либо его предкам, либо ему самому. Многие стихотворения из диванов его предков имеют отвлеченный характер, в том числе большие касыды на религиозные темы. Часть стихов написана по совершенно конкретному поводу: например, отказ от должности, в связи с переписыванием Корана и т. п.

Стихи автора в подавляющем большинстве имеют целевое назначение. Они содержат просьбы, жалобы, восхваления власть имущего, написаны в надежде устроить свои дела, по торжественному либо скорбному поводу (например, элегия на смерть отца).

Большое число образцов произведений представителей рода автора — поэтов средней руки, пользовавшихся определенной известностью у современников, придает “Памятным запискам” значение не только историко-культурного, но и литературного памятника. Эти образцы дают материал для изучения круга поэтов, вносящих свою лепту в формирование литературных традиций. Вместе с тем и в “литературной” части *Тазкире* — в поэтических произведениях предков автора и его самого — могут быть почерпнуты сведения исторического плана, например, в них немало данных о людях, игравших заметную роль в жизни гератского общества.

В *Тазкире* содержатся также копии писем представителей рода автора к различным лицам,

занимавшим в основном крупные посты в государственных образованиях на территории провинции. Эпистолярные произведения, представленные в *Тазкире*, заслуживают самого пристального внимания по нескольким причинам. Прежде всего, это особая область творчества. К письму подходили как к литературному произведению, в котором стремились проявить свою образованность, эрудицию, знакомство с высоким слогом и стилем, не ограничивались обиходным словарным запасом, а прибегали к малоупотребительным формам. Поэтому для многих писем характерна изощренность, вычурность слога. Образность писем под стать образности поэтических произведений [12] (нередки письма в стихах). Все это подчас затрудняет их понимание. Смысл письма иногда заключается лишь в том, чтобы справиться о здоровье, напомнить о себе, послать привет, но это сделано в столь витиеватых выражениях, авторы писем прибегают к столь завуалированным намекам, сравнениям, образам, цитатам из классических произведений, что перевод их связан с особыми

трудностями и известный интерес они представляют главным образом для текстологов и историков культуры как выражение духовной жизни определенных кругов общества.

Для историков большой интерес представляют письма более простые с точки зрения текста, но более содержательные, отправленные по какому-либо конкретному поводу: письма-запросы, письма-предупреждения, напоминания, приглашения и т. п.

* * *

Тазкире Мухаммеда Ризы Барнабади вошло в фонд Азиатского музея (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения Академии Наук СССР) в 1901 г. Ранее рукопись находилась в составе коллекции, проданной бывшему Азиатскому музею бухарским книгопродавцем мир Салихом Миракбаевым. В приобретении коллекции, осуществленном в два этапа (в 1900 и в 1901 гг.), приняли участие русские представители в Бухаре И. В. Игнатъев и Я. Я. Лютш ³.

Внешний вид списка можно представить по его факсимильному воспроизведению — почерк насталик, 17 строк на странице (л. 45а — 18 строк, л. 45б и 61аб — 19 строк), размер текста 23—23,5 х 13—13,5; размер рукописи 29,5 х 20,7. Восточная пагинация, выполненная малиновыми чернилами; при пагинировании допущены две ошибки: пропущены л. 43 и 44, а л. 93 обозначен дважды. Европейская пагинация карандашом сделана, очевидно, во время инвентаризации рукописи в Институте востоковедения в 1936 г.

Текст сочинения занимает 111 л.; всего в рукописи 119 л. (05 + 111 + 003).

В рукописи много приписок. На полях — главным образом стихотворные вставки; на свободных листах 05а и 001б — сведения, тематически и хронологически продолжающие нить изложения автора. Первые в своем большинстве принадлежали Мухаммаду Ризе Барнабади, вторые — его сыну и племяннику. Оба вида приписок составляют значительные дополнения к основному тексту — в

общей сложности примерно 10—12 страниц ⁴. [13]
Бумага рукописи европейского (основной текст) и
русского (подклеенные при реставрации листы)
производства ⁵. Текст писан черными восточными
чернилами, условно называемыми тушью, заголовки,
отдельные фразы, иногда имена и даты —
киноварью. Кустоды имеются только на 55 листах.

Переплет позволяет сделать интересное наблюдение.
Это типичный *мукавва* ⁶, оклеенный зеленой
глянцевой бумагой с красными тисненными
пальметтами и медальоном на крышках; пальметты
содержат имя переплетчика Мулла Йулдаш и дату —
1287/1870-71 год. Корешок переплета и края крышек
выполнены из тонкой красной кожи. Наш переплет
имеет одну обращающую на себя внимание
особенность: соотношение его сторон примерно 3 : 2
вместо обычного для *мукавва* соотношения 2:1, что
подтверждает высказанное нами предположение о
том, что наш список, выполненный в Гератской
области, хранился в семье автора в расшитом виде и
лишь впоследствии был переплетен уже в Средней
Азии ⁷.

Список реставрировался: л. 01—04 и 002—003 вставлены позже; л. 1 наклеен на чистый лист бумаги, подклеены края л. 2, 109—111. Возможно, эта работа была выполнена одновременно с переплетением рукописи.

Дефекты: отсутствует окончание сочинения, имеются лакуны после л. 38, 58, 106. При переплетении списка листы были перебиты; правильный порядок: л. 1—38, 40—44, 46—51, 45, 52—106, 39, 107—111. В тексте на л. 22а, 24а, 46б, 44б отдельные строки не заполнены; на л. 04а стерты и заклеены отпечатки маленьких овальной и восьмиугольной печатей.

На полях листов, содержащих копии грамот, имеются отпечатки двух круглых печатей диаметром 45 и 35 мм. Легенды содержат обращения к Аллаху и дату — 1217/1802-03 г. **[14]** Наша рукопись С 402 (прежний шифр 267d) — один из трех пока известных науке списков *Тазкире*. О второй рукописи этого сочинения, находящейся в Историческом обществе в Кабуле, сообщил в

журнале “Агуана” А. Н. Харави ⁸. Судя по другой публикации Ма'ила Харави, где приводятся в качестве иллюстраций фотографии первой и последней страниц этого списка, она во многом отличается от нашей рукописи С 402 ⁹. Кабульская рукопись меньше по формату, уже в первых строках есть пропуски сравнительно с нашей; там имеется *унван*, в нашей рукописи отсутствующий.

Характерно, что почерк в обеих рукописях весьма сходен, что позволило М. Харави счесть и ту и другую автографами. По словам Ма'ила Харави, кабульская рукопись дефектная. Он не пишет, в чем заключается эта дефектность, но сообщает, что из-за этого недостатка решил отказаться от публикации полного текста, тем более что подробности о движимом и недвижимом имуществе Мухаммада Ризы “не представляют интереса для читателей” ¹⁰.

По-видимому, кабульская рукопись, как и наша, не окончена. В нашем списке С 402 изложение обрывается на середине фразы (л. 1066); на последних л. 107—111 — копии писем автора, непосредственно не связанные с предыдущим

текстом. На фотографии кабульской рукописи четко видно, что здесь переписан фирман 1204/1790 г. (в нашей С 402 отсутствует). По аналогии с нашим списком весьма вероятно, что этот фирман не связан с предыдущим текстом и уж во всяком случае не является концом сочинения, которые обычно оформлялись специальным колофоном ¹¹.

Ма'ил Харави имел возможность познакомиться и с третьим списком *Тазкире*, находящимся в частном владении ¹². При этом он утверждает, что при жизни Мухаммада Ризы со слов автора было записано шесть списков, которые ради сохранности находились “у друзей семьи” ¹³.

Изучение рукописи *Тазкире* было начато с научного описания, выполненного Н. Д. Миклухо-Маклаем. Исследователь особо подчеркнул “значительный интерес сочинения” как источника для изучения истории Гератской области в XVI—XVIII вв., указав, что документы, содержащиеся в списке, “могут быть весьма полезны для изучения феодального землевладения в Хорасане” в этот период ¹⁴. [15]

Опубликованная Ма'илом Харави в 1969 г. книга ¹⁵ имеет подзаголовки титульных листов на персидском и английском языках, которые показывают, что он ставил своей задачей пересказать биографии членов семьи Мухаммада Ризы и остановиться на литературном творчестве “барнабадских мирз”. И действительно, в книге приведены обширные выписки из сочинений старших Барнабади. Особенно большое внимание уделил Ма'ил Харави творчеству Аршада Барнабади (XVII в.): помимо больших цитат по *Тазкире* Мухаммада Ризы им опубликована поэма Аршада Барнабади *Абр-и гаухарбар*, неоднократно упоминаемая в *Тазкире* без приведения ее текста. В своем издании Ма'ил Харави обращает внимание читателей на каллиграфическое искусство владельцев Барнабада, воспроизводя факсимиле их почерков.

* * *

Название родового гнезда нашего автора встречается в различных формах — Барнабад ¹⁶, Бурнабад ¹⁷, Бирнабад ¹⁸, Баранабад. Оно расположено в

шестидесяти километрах к западу от Герата в долине р. Герируд, на древних караванных путях, которые вели через Герат — Нишапур — Мешхед — Серахс — Мерв и в Иран, и в Среднюю Азию. Умеренный приятный климат, который отмечают путешественники ¹⁹, давал возможность заниматься земледелием ²⁰ и садоводством ²¹, разбивать тутовые и шелковичные плантации, а на роскошных лугах разводить коней и рогатый скот ²². Среди местных ремесел особо оговаривается ковроткачество ²³.

По свидетельствам путешественников XIX в., селения в долине Герируда выстроены по персидскому типу — из сырцового кирпича с куполообразными крышами и множеством сводчатых хозяйственных построек ²⁴. Мухаммад Риза описывает Барнабад на рубеже XVIII—XIX вв. как довольно крупное селение, имевшее укрепление (кал'а), мечеть, постоялый двор, баню, свыше двухсот дворов ²⁵, а Зайн ал-Абидин Ширвани говорит, что **[16]** население его было по преимуществу шиитским и что многие обитатели принадлежали к племени шамлу ²⁶.

По сведениям об административном делении 1835 г., Барнабад входил в один из пяти округов Гератской провинции, а именно Гурийанский ²⁷.

Предки нашего автора, по его свидетельству, осели в этом районе в самом начале XV в. Родоначальником был некий Сирадж ад-дин Али, к которому в десятом колене Мухаммад Риза возводит свою родословную. Он поселился в Барнабаде по возвращении из Мекки ²⁸. Было ли это только паломничество или Сирадж ад-дин долгое время жил в Мекке, откуда был он сам родом, — всего этого наш автор не знал. О причинах переезда Мухаммад Риза не упоминает. Вероятно, это было как-то связано с личностью шейха Вахид ад-дина, гробница которого на протяжении XV—XIX вв. была самым почитаемым местом в родовом гнезде семьи Барнабади. Старших в их роде из поколения в поколение хоронили возле могилы Вахид ад-дина. Именно Вахид ад-дин начал строительство пятничной мечети, подле которой разрасталось селение Барнабад. Вполне обоснованным является предположение, что Вахид ад-дин был *муршидом* — духовным наставником

Сирадж ад-дина Али. При этом надо принять во внимание следующие обстоятельства.

Мухаммад Риза Барнабади неоднократно называет и себя, и своих предков *хаксарами* в двойном значении. Себя — главным образом в уничижительно-уменьшительном смысле этого слова — “нижайший, ничтожнейший, смиренный”; говоря *хаксар* о предках ²⁹, Мухаммад Риза, возможно, имеет в виду принадлежность их к суфийскому ордену *хаксаров*, который, насколько известно, в этих краях пополнялся за счет провинциальной знати. Во всяком случае, он настойчиво подчеркивает мнимые или действительные добродетели своих старших сородичей, которые были обязательными для суфиев,— хадж, т. е. паломничество к мусульманским святыням Мекки и Медины ³⁰, замкнутый, даже аскетический, отшельнический образ жизни, отказ от мирской суетности, богоугодная благотворительная деятельность. Это обстоятельство подводит к предположению о принадлежности Вахид ад-дина и Сирадж ад-дина к ордену *хаксаров*.

Мухаммад Риза пишет, что Вахид ад-дин приходился зятем шейху Зайн ад-дину Тайабади, духовному наставнику эмира [17] Тимура ³¹. Исторические хроники времен Тимура действительно называют этого шейха одним из трех духовных покровителей, которым-де Тимур был обязан своими успехами, причем сам Тимур испытывал трепет только перед Зайн ад-дином Тайабади ³². К сожалению, сведения о взаимоотношениях Зайн ад-дина с Тимуром исчерпываются описанием одного свидания, имевшего место в Тайабаде в 1381г. ³³.

Зайн ад-дин умер в 1389г. ³⁴. Сочинение *Максад ал-икбал* упоминает о нем в числе других знаменитостей, похороненных в Герате до середины XV века ³⁵. Возможно, что Вахид ад-дин был не только зятем, но и преемником Зайн ад-дина в качестве *муршида*. В связи с этим не исключено, что на решение родоначальника барнабадцев Сирадж ад-дина о переезде в район Герата повлияли косвенным образом и такие важнейшие события мировой истории этого периода, как смерть Тимура (1405 г.) и то, что его сын Шахрух (годы правления: 1405—

1447) перенес столицу из Самарканда в Герат, который в XV в. стал средоточием культурной жизни ираноязычного мира.

По-видимому, не случаен был и выбор Вахид ад-дином, а вслед за ним и Сирадж ад-дином места для поселения. Ближайший к будущему Барнабаду город Бушендж (Бушанг, или Фушендж) в марте 1381 г. был разгромлен войсками Тимура, все его защитники перебиты ³⁶. Хотя источники упоминают Бушендж и в XV в., но, по-видимому, город полностью не смог восстановиться после погрома. Томашек, Лэ Стрендж, а следом за последним Ма'ил Харави считают, что на месте Бушенджа со временем возник Гу-рийан ³⁷. Таким образом, именно на рубеже XIV—XV вв., когда на месте будущего Барнабада обосновывались Вахид ад-дин и Сирадж ад-дин, здесь, очевидно, еще пустовали земли после нашествия тимуровских полчищ, а селения обезлюдели. Приходилось все начинать заново. Кстати, само название Барнабад, возможно, в те годы звучало как Бурна-абад ³⁸, т. е. буквально “заново освоенная местность” (ср. русские Новоселки,

Новгород и современные Новостройки). В этом буквальном значении названия поселения есть и еще один нюанс: Ма'ил Харави пишет, что жизнь в этой местности невозможна без ирригации, а Мухаммад Риза упоминает о прорытии каналов и арыков первыми же поколениями барнабадцев, т. е. они и в самом деле заново ее осваивали. [18] По-видимому, уже на том этапе предки нашего автора занимали заметное положение в кругу местной феодальной знати, ориентировавшейся на верховных правителей дома Тимуридов. Мухаммад Риза упоминает о том, что у старшего в роде из поколения в поколение хранились грамоты Тимуридов Абу Саида и Хусайна Байкары на имя сына Сирадж ад-дина Джалал ад-дина (вторая половина XV в.).

Хозяйственная и особенно строительная деятельность яркого представителя следующего поколения, Мухаммада Тахира, довольно подробно освещенная на страницах *Тазкире*, свидетельствует о том, что район Барнабада был, видимо, затронут бурными событиями мировой истории, связанными со становлением двух больших государственных

образований — сефевидского Ирана во главе с шахом Исмаилом и узбекской Средней Азии во главе с Шейбани-ханом, однако стабилизация власти в руках Сефевидов благоприятно сказалась на росте благосостояния местной феодальной знати, в том числе рода Барнабади. Мухаммад Тахир пережил своего единственного сына и малолетнему внуку Али Акбару оставил в наследство семь селений, два пахотных участка и доходы с подземного канала, причем об этом наделе автором *Тазкире* сказано, что он был лишь частью владений Али Акбара ³⁹.

Наибольшее преуспеяние владельцев Барнабада, судя по тексту *Тазкире*, связано с именами Мухаммада Аршада (1616—1708) и Абу Талиба (1641—1718). На то, что Барнабади в течение всего XVII в. занимали прочное положение, указывают грамоты шахов, которые подтверждали и расширяли ранее данные им привилегии. Но помимо богатства и знатности Мухаммад Аршад и Абу Талиб славились своим поэтическим талантом. Автор *Тазкире* пишет, что Мухаммад Аршад оставил после себя куллийат и три дивана стихотворений ⁴⁰. При этом слова нашего

автора о том, что произведения Мухаммада Аршада Барнабади были в те времена известны и передавались “молвой из уст в уста и в ближних и в дальних краях” ⁴¹, возможно, не столь большое преувеличение, как это может показаться сначала. В своей книге Ма'ил Харави рассказывает, что в Библиотеке Астана в Мешхеде он видел рукопись, содержащую газели, рубаи, кыта Мухаммада Аршада, а также его масневи *Абр-и гаухарбар*. Ма'ил Харави приводит описание этой рукописи и указывает дату ее переписки — ша'бан 1091/сентябрь 1680г. ⁴². [19]

Дело Мухаммеда Аршада, не имевшего сыновей, продолжил его племянник, зять и ученик Абу Талиб ⁴³. Автор *Тазкире* рассказывает о том, как он собрал, привел в порядок и написал предисловие к стихотворениям Абу Талиба, насчитывавшим до шести-восьми тысяч строк на арабском и персидском языках ⁴⁴.

Не занимая никакого государственного поста, Мухаммед Аршад, как равный, переписывался с

власть имущими современниками — беглербеками, везирами, *мустауфи*⁴⁵. Обмен стихотворными посланиями с лицами такого ранга и тема переписки свидетельствуют об их общих интересах к литературе, что играло немаловажную роль в занимаемом барнабадскими владельцами общественном положении. В то же время это показывает нам, что, несмотря на постепенное превращение Герата в провинциальный центр, литературная жизнь и культурные традиции города продолжались.

Известности рода Барнабади способствовало и каллиграфическое искусство его представителей, которое передавалось из поколения в поколение. Многовековая традиция этого искусства к тому времени прошла длинный путь. Для бедных, но грамотных людей каллиграфия была ремеслом, дающим возможность прокормиться, для многих богатых — искусством для искусства. В роду Барнабади каллиграфией занимались в XVI—XVII вв., видимо, еще и потому, что самый процесс понимался как некое “магическое действие,

связанное не только с техникой, умением и способностями мастера, но и с его духовно-нравственным обликом” ⁴⁶. Вышеназванный Мухаммад Аршад был каллиграфом высокого класса, собственноручно переписавшим восемь раз Коран. В газели, сочиненной по случаю завершения переписки восьмого тома, Мухаммад Аршад, к тому времени глубокий старец (он прожил 92 года), жаловался на слабость, хилость тела, кровоточащие глаза. Ответ на вопрос, почему же все-таки он занимался этим тяжким для его возраста делом, содержится в следующих строках:

Целью моей при переписывании является заслужить отпущение грехов;

Я надеюсь на искупление прегрешений.

Хотя я пишу через силу ⁴⁷, но

Я доволен, так как пером выкупаю свою жизнь ⁴⁸.

Этими словами подтверждается высказанное в научной литературе суждение о том, что на мусульманском Востоке из самого [20] процесса переписывания Корана был создан “акт, тесно

связанный с религиозной догмой прощения грехов”

[49](#).

Каллиграфом был и второй Мухаммад Аршад, приходившийся первому внучатым племянником, и другие представители рода. Обращает на себя внимание то, что наше *Тазкире* со всеми его приписками, принадлежавшими разным лицам, выполнено в одной манере письма, так что неспециалисту кажется сделанным одним человеком.

О том, что каллиграфия культивировалась в роду не только как занятие для души и что выполненные Барнабади списки представляли интерес в глазах ценителей этого искусства, так сказать, меновую стоимость, свидетельствует такой факт. В Иране, в библиотеке Меджлиса, хранится экземпляр масневи Джалал ад-дина Руми, переписанный рукой Махмуда б. Абд ас-Самада Барнабади в декабре 1703 г. с дарственной надписью сыну последнего Абд ас-Самаду [б. Махмуду]. Надпись датирована декабрем 1734 г. [50](#). Автор *Тазкире* не называет этого своего предка, но на генеалогическом древе, составленном

мною на основании сведений *Тазкире*, имеется Абд ас-Самад, племянник вышеназванного знаменитого в роду Мухаммада Аршада старшего ⁵¹. На основании сведений колофона и приписки в масневи Дж. Руми мы можем дополнить эту ветвь генеалогического древа именами сына и внука упомянутого в *Тазкире* Абд ас-Самада: сына звали Махмудом б. Абд ас-Самадом, и время его жизни приходилось, видимо, на последнюю треть XVII — первую треть XVIII в.; внука, как и деда, звали Абд ас-Самадом б. Махмудом, и время его жизни приходилось ориентировочно на последнее десятилетие XVII — первую половину XVIII в.

Политический и экономический упадок государства Сефевидов, проявившийся с особой силой на рубеже XVII—XVIII вв., отразился и на Барнабади — положение их рода пошатнулось. Автор *Тазкире* не говорит об этом прямо, но тон его изложения заметно меняется — вместо пронизанных гордостью рассказов о разных делах по благоустройству родового гнезда, копирования грамот шахов и цитирования стихов местных знаменитостей со

страниц *Тазкире* звучат горестные ноты недовольства судьбой. Касаясь событий, связанных с восстанием абдали в Герате, Мухаммад Риза называет только одно имя Асадулла-хана, не приводит никаких дат ⁵², но отношение богатой наследственной землевладельческой знати проиранской ориентации можно себе ясно представить хотя бы по таким его словам: “В тот период, ввиду превратностей рока и изменчивости коварной судьбы, население [21] этой страны постигло такое разорение и смятение, что большая часть старых родов исчезла, а проходимцы принялись вершить дела... ⁵³ власть и влияние злодеев стали причиной упадка сановников эпохи и предлогом для разорения уважаемых лиц. Благородные и именитые стали презираемыми и ничтожными; великие и власть имущие оказались заточенными в келье бедствия и несчастья” ⁵⁴.

Эти события затронули, видимо, в той или иной мере всех барнабадцев. Кое-кто из их родни был вынужден бежать к каджарам в Астрабад, некоторые погибли во время восстания абдали, на Барнабад была наложена контрибуция ⁵⁵. Патриарху рода Абу

Талибу, который последние семь лет своей жизни провел отшельником, удалившись, от дел и людей, пришлось ехать в приемную Асадулла-хана с прошением о снижении суммы взыскиваемых денег. Переживания, связанные с этой поездкой, ускорили его кончину, и через три дня по возвращении в Барнабад он умер (1718 г.) ⁵⁶. В этот период произошли серьезные внутренние сдвиги в самом жизненном укладе барнабадцев — они оказались втянутыми в водоворот политического переустройства страны. Во всяком случае, сын Абу Талиба Абу-л-Фатх, с молодых лет принявший на себя обязанности старшего в роде, уже не ведет созерцательный образ жизни предков, а принимает участие в завоевательных походах Надир-шаха вместе “с десятью семействами своих близких и родственников”, а его жена и дети на несколько лет переселяются из Барнабада в Мешхед, подальше от восставшей “черни” ⁵⁷.

Абу-л-Фатх настолько преуспел на придворной службе у Надир-шаха, что после завоевания Герата и

разгрома абдали был назначен им на должность везира вилайета Бадгис ⁵⁸.

В 30—80-е годы XVIII в. с утверждением власти афшаров и дуррани стабилизировалось положение и рода Барнабади; владельцы Барнабада вернулись из Мешхеда и принялись восстанавливать разрушенные во время междоусобий постройки. Но в этот период источником влияния барнабадцев было уже не только и, пожалуй, не столько землевладение, сколько важные посты в государственном аппарате. Дядя нашего автора по наследству от своего отца принял должность везира Бадгиса; отец автора в течение пятидесяти лет служил в канцелярии гератского правителя, причем поднялся по ступеням придворной иерархии до должности начальника канцелярии и одновременно везира земель *халисе*.

[22]

Новый период феодальных междоусобиц, связанных с борьбой за власть после смерти Тимур-шаха, повлек за собой крушение всех честолюбивых надежд нашего автора и разрушение родового гнезда.

Автор со всей своей родней был вынужден уехать оттуда. Эпидемия холеры в начале 1829 г. нанесла последний удар Барнабаду, который с тех пор, видимо, никогда более не восстанавливался: на картах конца XIX в. на этом месте обозначены развалины [59](#).

* * *

Биография автора восстанавливается на основании *Тазкире* достаточно подробно. Мухаммад Риза родился 20 сентября 1751 г. в семье Мухаммеда Казима Барнабади, принадлежавшего к роду наследственной земельной аристократии и исполнявшего в те годы должность начальника канцелярии (***) при гератском наместнике. Везиром в тот период назывался чиновник со строго ограниченными правами и обязанностями, состоявший при правителе; должность провинциального везира определялась важностью объекта заведования [60](#). Держа в руках всю деловую переписку, документацию по землепользованию, сбору налогов и т. п., а в дальнейшем заняв пост

везира земель *халисе*, Мухаммад Казим был, конечно, одним из видных сановников в масштабах гератской провинции. (Наместником Герата в конце XVIII в. был сын Тимур-шаха — царевич Махмуд.) Поскольку должность везира обычно закреплялась за каким-нибудь родом, а преуспевание Мухаммада Казима на службе было очевидным, старший его сын Мухаммад Риза готовился с малых лет сменить отца на его постах и должностях.

Из источников более раннего времени известно, что вся сумма знаний средневековой мусульманской образованности сокращенно обозначалась выражением *** по начальным буквам слов *** “кимию” — химия, *** “лимю” — арифметика, геометрия и музыка, о “химю” — алгебра, астрономия и астрология, *** “симю” — просодия и поэтика, * “римю” — магия ⁶¹. Хотя система образования на мусульманском Востоке претерпела, по-видимому, мало изменений на протяжении столетий, однако круг предметов, которым обучался Мухаммад Риза, все же заметно отступал от этого перечня. Его образование, с одной стороны, было

более реалистическим (астрология, магия и музыка, видимо, исключались, зато приобретались какие-то навыки ведения хозяйства, [23] в частности, ведения бухгалтерских счетов), с другой — имело, как мы бы теперь сказали, гуманитарный уклон — вместо химии было уделено внимание изучению языков, грамматики, классической персидской литературы, каллиграфии. Из *Тазкире* неизвестно, сколько лет должен был учиться автор. Мухаммад Риза через десять лет забросил учебу и в течение примерно двух лет вел беспутный образ жизни, не обращая внимания на попытки отца наставить его на путь истинный, поскольку “был в таком возрасте, когда они никакого следа не оставляли” ⁶². Чтобы пресечь это в корне, отец отправил Мухаммада Ризу из Герата в Барнабад, женил его на двоюродной сестре и приставил к делу, поручив ему должность мелкого чиновника, ведавшего сбором налогов (векил). В течение примерно двадцати лет (1770—1780-е годы) Мухаммад Риза вел привольную жизнь богатого помещика, занимаясь земледелием, садоводством, строительной деятельностью, развлекаясь соколиной

охотой и прогулками по горам и степи. Помимо этого он, вероятно, иногда присутствовал на беседах, которые случались на постоялом дворе Барнабада, где останавливались и отдельные путники, и целые караваны. Как радушный хозяин он принимал в своем имении высоких гостей, а случалось, и сопровождал особо почетных из них в торжественные выезды, например на поклонение в Мешхед.

Эти годы, видимо, были самыми счастливыми в жизни автора, тем более неожиданным и страшным был резкий поворот в его судьбе, случившийся во второй половине 1792 г. В *Тазкире* рассказано, что в июне этого года отец наведаясь из Герата в Барнабад и в результате несчастного случая скончался через несколько дней ⁶³.

Мухаммад Риза через неделю траура собрался было заместить отца на должности везира земель *халисе* при царевиче Махмуде, но тут из столицы Кабула на его имя был привезен высочайший рескрипт “в отношении земель *халисе* и вызова во дворец

правосудия” ⁶⁴. Этот вызов был связан, видимо, с финансовыми злоупотреблениями отца нашего автора ⁶⁵. Царевич Махмуд под каким-то предлогом отменил поездку, а Мухаммад Риза сочинил касыду и послал ее ко двору, надеясь уладить дело. Однако в середине 1793 г. в Герат пришла весть о кончине Тимур-шаха, который, как известно, не назначил наследником ни одного из своих двадцати четырех сыновей ⁶⁶. В начавшейся борьбе за престол особенно ожесточенным было соперничество царевичей Замана и Махмуда. Вступая в эту борьбу, Махмуд нуждался в дополнительных средствах. В числе первых, на кого было наложено огромное [24] по тем временам взыскание (5 тыс. туманов) ⁶⁷, оказался Мухаммад Риза — преемник своего отца, замешанного в финансовых злоупотреблениях. Наш автор называет поименно многочисленных вымогателей, которые с этого времени постоянно появлялись в Барнабаде, чтобы получить несколько десятков или сотен туманов, но губительным для него оказалось назначение исполнителем этого

распоряжения соседнего владельца Ибрахим-хана Гурийани.

Не исключено, что незнатным Ибрахим-ханом руководило чувство мстительной зависти к потомку старинного рода, который в силу обстоятельств оказался у него в руках. Возможно также, что до этих событий соотношение сил было прямо противоположным. При всех равных условиях Ибрахим-хан рассчитывал значительно приумножить свое богатство за счет родовых имений Мухаммада Ризы. В этом, по словам автора *Тазкире*, он пользовался поддержкой всесильного временщика Сандал-хана и Заман-хана — фактического правителя Герата, под влиянием которого в этот период, видимо, находился царевич Махмуд ⁶⁸.

На протяжении доброго десятка лет у Мухаммеда Ризы многократно изымали деньги, имущество, разные ценности, документы на право землепользования и другие важные бумаги (векселя, счета), сельскохозяйственные продукты и инвентарь, скот, домашних слуг, нарочито уничтожали посевы,

рубили в парках сосны на бревна и виноградные лозы на хворост. Применялись чем далее тем более жестокие методы вымогательства. Барнабадских владельцев подвергали побоям, пыткам, бросали в темницу. Мухаммад Риза пишет, что такая же участь постигла и многих других зажиточных людей. Налоговый гнет охватил все слои населения. В *Тазкире* упомянуто о специальной фетве, провозглашенной на предмет всенародного обложения подушной податью в две тысячи туманов,— “с каждого брали сполна деньги — со всех людей, проживающих как в селениях и вилайетах, так и на окрестных кочевьях, не освобождая ни одного от уплаты этой суммы” ⁶⁹. И в другом месте: “И никто не остался в стороне от бесчисленных вымогательств — ни женщины, ни мужчины, ни близкие, ни далекие, ни мусульмане, ни индийцы, ни армяне, ни евреи, ни крестьяне, ни торговцы, ни ремесленники, ни путешественники — все были разорены, ни один человек не избежал такой же участи” ⁷⁰.

В борьбе за Герат в это время участвовали отряды царевичей Замана, Махмуда, Фируз ад-дина, Кайсара, Камран-мирзы, Малика Хусайна и войско, посланное Каджарами из Ирана. Перевес оказывался то на одной, то на другой стороне. Заман-хан [25] ловко лавировал в этой сложной ситуации. На протяжении нескольких лет он, видимо, удерживал в своих руках власть в Герате и переметнулся от царевича Махмуда к царевичу Заману как раз накануне поражения первого и вынужденного его бегства в Иран [71](#). Столь же изворотлив был и Ибрахим-хан, стоявший на ступеньку ниже Заман-хана на социальной лестнице. К началу XIX в. он завладел большей частью движимого и недвижимого имущества барнабадских владельцев. Мухаммад Риза смог противопоставить его натиску только жалобы (преимущественно в виде касыд) на имя то одного, то другого претендента на роль гератского наместника да подкупы — взятки различным сановникам при них. Все более разоряясь, он метался по замкнутому кругу: из Герата в Турбат, Мешхед, Барнабад и снова в Герат. Он писал: “Видя...

разрушение опустошенных поместий и то, что ни единый человек не насурьмил моих умоляющих глаз драгоценной палочкой для сурьмы, сулящей надежду, что ни на одной лужайке бутон моих грез не расцветал под ветром желаний, я провожу большую часть времени в отдаленных вилайетах, обивая пороги в привратничьих неблагодарных людей и мяся кулаком ветер”. [72](#)

Какое-то, очевидно непродолжительное, время он служил при царевичах Малик Хусайне и Мухаммад Вали-мирзе в Мешхеде. По словам Мухаммеда Ризы, он давал уроки и писал письма [73](#), т. е. занимал должность секретаря и учителя каллиграфии.

Бывая наездами в Барнабаде и наблюдая за разрушением родового гнезда, он решил в назидание потомкам рассказать о прошлом своего знатного рода и настоящем, чему он являлся свидетелем.

Мухаммад Риза приступил к составлению *Тазкире* в 1806 г. и на протяжении по крайней мере пяти лет посвятил ему много времени и сил, хотя условия для работы не были подходящими, так как именно в эти

годы он часто бывал в разъездах. Возможно, что вплоть до кончины (август — сентябрь 1815 г.) он время от времени дополнял, переписывал и пересказывал свое *Тазкире*, но так и не успел придать ему законченную форму ⁷⁴.

* * *

В “Памятных записках” много имен, в том числе родственников автора. Разобраться в степени родства особенно сложно из-за того, что из поколения в поколение встречаются люди, которых звали одинаково. Составленное нами генеалогическое древо автора *Тазкире* может до некоторой степени облегчить эту задачу. [27]

Тазкире написано хорошим слогом, в традиционной манере поэтическим словом пояснить мысль, выраженную прозой. Автор свободно владел персидским литературным языком. Отдельные пассажи свидетельствуют о желании блеснуть изысканной образностью и красноречием. Помимо стихотворений и писем таковы, например, философские размышления о смысле жизни или

предисловие к собранию поэтических сочинений
мирзы Абу Талиба Барнабади ⁷⁵. Мухаммад Риза
нередко использует синонимы, встречаются
прозаические строки, имеющие определенный ритм.
Излюбленный прием автора — игра понятиями.
Например, сравнение своего недруга Ибрахима
Гурийани с Заххаком. Здесь одновременно
обыгрываются два момента: и традиционный образ
Заххака — злобного тирана, сына дьявола, и то, что
Заххак считался выходцем из горных районов Гура,
как и Ибрахим-хан. Говоря о бедствиях, выпавших
на его долю в период междоусобий, Мухаммад Риза
упоминает город Кербелу, намекая тем самым на
события, связанные с гибелью наиболее почитаемого
шиитами имама Хусайна. При этом слово Кербела он
пишет не слитно, а в виде двух слов *** и ***,
означающих “горе” и “скорбь”, что дает возможность
дополнительного толкования намека. Мухаммад Риза
заботился и о графической красоте текста. В
некоторых строках подобраны слова с таким
расчетом, чтобы выделить в буквах вертикали — ***
либо росчерки-горизонталы ***. Встречается и такой

прием — дважды написанные слова. Графически это выглядит как ошибка, повтор, но повторяющиеся слова подобраны с учетом их совершенно различных значений, например ***, где первое — “мерзавцы”, а второе — “два хлеба”; ***, где первое — “дирхем”, а второе — что-либо находящееся в беспорядке.

В *Тазкире* встречаются оригинальные для персидского текста выражения и термины. Так, Мухаммад Риза неоднократно пользуется выражением *** — букв. “сыновья времени”, что в одних случаях соответствует русскому понятию “временщики”, а в других — “современники”. Это выражение нам не встречалось в других сочинениях. Столь же необычно для персидского текста словосочетание *** — “брат по должности”; переводим его как “собрат по [занимаемому] положению”.

Термин *хавали* в персидском языке означает “окрестности”, в *Тазкире* он употребляется в смысле, соответствующем русскому “подворье”; *сардаба* — “подземное водохранилище”, здесь — в значении

“склеп”; слово *дарб-хана* в персидских словарях не отмечено, в *Тазкире* им обозначается “прихожая”.
Постоянно употребляющиеся нашим автором термины *заудж* и *навваб* неперсидского происхождения. [28]

Следует отметить и еще одну особенность текста *Тазкире*. При перечислении цен на товары и понесенных убытков Мухаммад Риза пользовался *сияком* — особой системой знаков счисления, употреблявшейся в странах мусульманского Востока в бухгалтерском учете. Принцип *сияка* близок современной стенографии. Для прочтения этих знаков мне пришлось обратиться за консультацией к специалистам.

* * *

Перевод “Памятных записок” сделан нами по единственной имеющейся в СССР рукописи С 402 собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии Наук СССР. Основной принцип перевода — сохранить все написанное автором сочинения Мухаммадом Ризой Барнабади.

Эта оговорка существенна, если принять во внимание, что на страницах “Памятных записок” Мухаммад Риза переписал ряд поэтических произведений своих предков. Такие произведения, не являющиеся органичной частью *Тазкире*, при переводе нами опущены, тем более что Ма'ил Харави, как уже было упомянуто, посвятил свою публикацию именно поэтическому творчеству предков Мухаммеда Ризы [76](#).

В заключение считаю своим долгом выразить признательность всем, кто своими советами, замечаниями, консультациями, предложениями более удачных переводов оказали мне помощь в работе, особенно А. Г. Самади, О. Б. Фроловой, А. С. Боголюбову. Неоценимым для меня было содействие в дешифровке знаков сияка со стороны А. Д. Папазяна.

Комментарии

1. Об этой традиции см.: А. Н. Болдырев. Мемуары, с. 205.

2. Лишним доказательством в пользу суждения о добросовестности Мухаммеда Ризы является то, что почти все мелкие географические наименования грамот найдены нами в сочинении XV в. Хафиз-и Абру.

3. Архив АН СССР, ф. Азиатский Музей, из письма И. В. Игнатьева К. Г. Залеману. Таким образом, ранее высказанное предположение, об Э. К. Гартье как посреднике не подтвердилось, см.: Туманович. Семейная хроника, с. 172, примеч. 4

4. Ср. Туманович. Семейная хроника, с. 174—175.

5. Европейская бумага имеет водяные знаки VB, GA, FT; русская — тиснение: “Фабрики № 6 Сергеева”.

6. Слово *мукавва* — букв, “папка”, “картон”. Как термин *мукавва* означает переплет рукописи, выполненной в Средней Азии, в частности, в XVIII — начале XIX в. Материал для переплета — картонные крышки, оклеенные внутри и снаружи бумагой. Бумага внутри, как правило, розовая, матовая; снаружи — глянцевая, в подавляющем

большинстве зеленого цвета, хотя встречаются красные, желтые, синие *мукавва*. Корешок — кожаный, почти у всех переплетов красный. На крышках — пальметты и медальоны, чаще всего в виде неправильных ромбов. Тиснения обычно выполнены в контрастных тонах — у наибольшего числа рукописей — зеленые крышки с красными пальметтами и центральным медальоном большего размера. Кроме медальонов крышки украшались тисненными рамками, уголками, прямоугольниками. Тисненные фигуры в зависимости от вкуса переплетчика имеют правильную либо неправильную форму, например скругленные стороны. Многие переплетчики ставили на крышке тиснение со своим именем и датой работы. Помимо этого тиснение часто содержит изречения, стихи. Отличительная особенность переплетов *мукавва* — соотношение сторон по вертикали и горизонтали — 2:1.

7. Туманович. Семейная хроника, с. 175.

8. Мухаммад Анвар Найар Харави. Йаддаштха-йи Барнабади.
9. См.: Ма'ил Харави, фотографии на с. 69.
10. Там же, предисловие, с. 2.
11. Ср. фотографию первой страницы — начало текста оформлено заставкой.
12. Сопоставив эти три списка, Ма'ил Харави находит наш список С 402 “заслуживающим пристального внимания”.
13. Ма'ил Харави, с. 55.
14. Миклухо-Маклай. Описание, с. 63.
15. Ма'ил Харави.
16. Так на английском титуле книги Ма'ила Харави.
17. Вакулин. Заметка о путях на Восток, с. 95.
18. Кульберг. Карта пограничной полосы между Россией и Афганистаном, 1888 год. Приложение к статье: П. Кульберг. Закаспийский край.

- 19.** Зайн ал-Абидин Ширвани. Бустан ас-сийаха, с. 135.
- 20.** Л. К. Артамонов (Гератская провинция, с. 86) привел цифру валового сбора зерна с земель Гурийана в конце XIX в.— 370 тыс. пудов.
- 21.** Там же, с. 122, названы культуры: яблоки, груши, айва, гранаты, вишня, персики, сливы, виноград и др.
- 22.** Там же, с. 123. Большие стада отличных коней особой породы отмечает и Пэррэн (Perrin. L'Afghanistan, с. 43—44).
- 23.** Perrin. L'Afghanistan, с. 192. Ковры вывозились даже в Иран.
- 24.** Артамонов. Гератская провинция, с. 99.
- 25.** *Тазкире*, л. 88б.
- 26.** Зайн ал-Абидин Ширвани. Бустан ас-сийаха, с. 135.
- 27.** Артамонов. Гератская провинция, с. 86; данные основаны на сообщении Конолли.

28. *Тазкире*, л. 3б.

29. Например, там же, л. 6а, 7а и др.

30. Почетное прозвание хаджи имели помимо Сирадж ад-дина Али Акбар (1579—1673) и Абу Талиб (1641—1718); Али Акбар умер на обратном пути и был похоронен на мединском кладбище.

31. *Тазкире*, л. 4а.

32. Двое других — Шамс ад-дин Кулар и сейид Береке, см. В.В.Бартольд. Улугбек, с. 44-45.

33. Ибн Арабшах, с. 20.

34. Джамии. Нафахат ал-унс, с. 326; Исфизари, л. 69а.

35. *Максад ал-икбал*, л. 5а.

36. Бартольд. Бушендж, с. 394—395.

37. Ма'ил Харави, с. 1, примеч. 1. В *Тазкире* Бушендж и Гурийан названы в контексте, исключая такую возможность, см. л. 4б.

38. Так у Зайн ал-Абидина Ширвани, с. 135.

- 39.** Текст грамоты приведен на л. 4б *Тазкире*; см. также л. 5б.
- 40.** Там же, л. 26б; в другом месте (л. 22а) автор указывает число строк — примерно десять тысяч.
- 41.** Там же, л. 7а.
- 42.** Ма'ил Харави, с. 71. Ма'ил Харави отмечает в описании, что листы рукописи расшиты, ср. выше, с. 13.
- 43.** *Тазкире* л. 22б.
- 44.** Там же, л. 24б. Автор *Тазкире* посвящает этим двум лицам и цитированию их произведений около четверти своего труда; Ма'ил Харави — более половины книги.
- 45.** *Тазкире*, л. 19а — 21б.
- 46.** Б. Н. Заходер. Введение.— Кази Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках, с. 35.
- 47.** Букв. “Хотя начертание букв требует напряжения”.

48. *Тазкире*, л. 22а.

49. Б. Н. Заходер. Введение, с.36.

50. Текст колофона и приписки был любезно сообщен мне О. Ф. Акимушкиным.

51. Туманович. Семейная хроника, с. 182—183. Ср. ниже, с. 26.

52. Ср. Арунова. Гератское восстание.

53. Опущены стихи.

54. *Тазкире*, л. 36а.

55. Там же, л. 37а.

56. Там же, л. 34а.

57. Там же, л. 36а.

58. Там же, л. 36б.

59. О холере говорится в приписке к основному тексту *Тазкире*. см. л. 001б.

60. Петров. Поправки и дополнения, с. 110.

- 61.** Болдырев. Мемуары, с. 213 и здесь же примеч. 3.
- 62.** *Тазкире*, л. 63б—64а.
- 63.** Там же, л. 60б.
- 64.** Там же, л. 67б.
- 65.** Туманович. Семейная хроника, с. 179.
- 66.** Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 33.
- 67.** *Тазкире*, л. 69б.
- 68.** Характеристику Махмуда как личности ср.
Риштия. Афганистан XIX веке, с. 43.
- 69.** *Тазкире*, л. 76б.
- 70.** Там же, л. 73б.
- 71.** Махмуд не простил этого предательства и на пути к престолу приказал казнить Заман-хана во время своего недолгого пребывания в захваченном Герате в 1800 г.
- 72.** *Тазкире*, л. 101б.

73. Там же, л. 94б.

74. Ср. Туманович. Семейная хроника. Дата смерти Мухаммеда Ризы названа племянником в приписке на свободном листе рукописи. В книге Ма'ила Харави есть фотография надгробия (с. 69).

75. *Тазкире*, л. 24б.

76. См. выше с. 15

МУХАММАД РИЗА БАРНАБАДИ

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАЗКИРЕ

/л. 1б/ Во имя Аллаха милостивого [и] милосердного.

[Хвала] благозвучнейшим словам, ради произнесения коих отверзают уста блистающие красноречием декламаторы, и изысканнейшим выражениям, которые талантливые люди высказывают свободно, уверенно и последовательно; слава ораторам древних веков, которые двумя отдельными буквами *каф* и *нун* подводили итог существования всего рода людского,

от малых до великих ¹, слава мудрецам [разных] эпох, которые при смешивании четырех противоположных по свойствам элементов определяли и воссоздавали суть свойств всех земных тварей ². Хвала Аллаху — творцу, который поражает [и] четкий разум проницательных, [и] слабое воображение тех, кто не в состоянии постичь святость и величие [его] существа. В уяснении истинных и совершенных [божественных] свойств равны и блестящие умы греческих мыслителей, и неясные мысли ничтожных неучей. Самое подобающее и подходящее для нас, неразумных — отвести мекканского коня с поля брани и из боевых рядов, заняться славословием первому из посланников, последнему из пророков, а это превыше возможностей наших, несчастных слепцов, но, напротив, есть обязанность имамов и верных приверженцев [Мухаммада], которые являются [воплощением] искренности, оком справедливости, морем сдержанности, рудником щедрости. [Они должны] исполнить ее ради [восхождения] на

высшую ступень славы, ради стремящегося к
познанию, входящего [в сей мир].

Мухаммад — гордость рода людского,
Весь он до кончиков пальцев — [воплощение] посланнической миссии,
Он благороднее всех пророков,
Он — друг господ и наш господин.

О господи, да будет приветствие [твое] ему, его роду,
всем его близким и друзьям ³. Итак, /л. 2а/ нынче,
когда крепчает пронизывающий ветер насилий и
пороков современных интриганов и затягивается
осенний период тирании притеснителей, пора
свежести лепестков с цветника жизни обитающих в
этом благодатном краю обернулась другой стороной;
большинство почтенных, уважаемых и
высокопоставленных жителей, уподобившись
высохшим и пожухлым падающим на землю осенним
листьям из-за хаоса и смятения, [31] потеряв кров,
стали нуждаться ради куска хлеба в мерзких людях.

От автора:

Из-за насилий злодеев праведные люди
В этом краю стали до того обездоленными и беззащитными,
Что всякий, кто смог, покинул свою родину,
А тот, кто остался, оказался, подобно мне, униженным и несчастным.

Разоренный, поскольку большая часть моего имущества и достояния бесследно исчезла после многочисленных грабежей, а оставшееся в конечном счете увез в качестве трофея торговец пленниками сын блудницы Ибрахим-выродок ⁴, я, Мухаммад Риза, сын Мухаммада Казима, скованный цепями тягот и мучений, затворник кельи покорности и послушания, жил в закутке изумления и затворничества отрадой раздумий и уединения, восстанавливая шлифовкой рвения блеск зеркала своей израненной души, затянутой паутиной страдания и обиды на того бесстыжего пса. Надеюсь на усердие и правосудие правителей в сих краях, я ожидал помощи небес. За много лет, прошедших со дней жестокости того грязного пса по сей день пятницы 9 рамазана 1222/10 ноября 1807 года, — и это самое выражение (пятница девятое рамазана = 1222) ⁵ уведомляет о дате по хиджре — никто не поведал об истинном положении дел, не постиг размера поборов, которые тот зловещий насильник и грязный пес взыскал с сего угнетенного, и древо

моей надежды не взрастило плода исполнения
желания. **От автора:**

Кассацию на него ⁶ я положил перед всевышним,

Ибо лишь он справедлив и знает обо всех обстоятельствах.

Сочинения, сборники стихов и прочие произведения
предков сего обескрыленного содержали даты
рождений, возведения построек, элегии на смерть
родственников за период в четыреста лет вплоть до
наших дней; грамоты правосудных султанов
Гурганидов и Сефевидов ⁷, которыми были они
(предки) отличены, документы, письма, касыды,
которые им (предкам) адресовали поэты,
образованные люди, независимые правители и
прочие уважаемые и именитые жители этих краев —
их современники. Из содержания каждого из этих
[сочинений и документов] явствует истинное
положение тех путников в мир вечности. Поскольку
большую часть из этих [бумаг] унес тот главарь
бандитов, нынче на ум сему бедняку пришло,
опасаясь забвения и тлена, собрать все, что от них
(предков) сохранилось и о чем [автор] знает, /л. 26/ и

изложить в сей “Памятной записке”, дабы по смыслу изречения “... и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга”⁸ вопреки временщикам все близкие родственники и дети узнали бы об обстоятельствах своих дедов и прадедов и каждому везло бы и удача сопутствовала в делах. Чтобы [каждый] следовал стезей скромности, которая является наследственным образом действий нашего рода *хаксаров*⁹, не сходил с нее и не ступал на ковер величия и тщеславия. Пусть они сделают его (этот путь) средством славы и гордости [32] потому что [сказано] в великом Коране: “И когда подуют в трубу, то не будет в тот день родства среди них и не будут они расспрашивать друг друга”¹⁰, и они не ведали, что говорит Аллах всевышний: “В день страшного суда, о рабы мои, я поставлю происхождение низко, и вы поставите происхождение низко. Вы скажете: „Эй, такой-то, сын такого-то!“ А я скажу: „Самый благородный из вас перед Аллахом — тот, кто самый благочестивый. Вы поставили высоко ваше происхождение и низко поставили мое происхождение. А сегодня я поставлю

высоко свое происхождение, а ваше поставлю низко.

Где благочестивые? Им будет дан ответ, и они достигнут успеха и спасения"” [11](#). Недаром говорят [по-арабски]. Стихи:

Клянусь твоей жизнью,
Не пренебрегай благочестием, если даже ты знатен,
Ислам поднял Салмана Фариси, [а]
Знатного Абу Лахаба унизило многобожие [12](#).

По этому поводу [по-арабски] сказано... [13](#), что в переводе автора означает:

О ты, который по невежеству своему кичишься предками своими,
Ведь род людской происходит от одного отца и одной матери.
Видел ли ты кого-нибудь, кто был бы сотворен из серебра
Или создан из железа, меди либо золота?
Видел ли ты человека, которого породило его богатство?
О сын мой, ведь все в них (людях) — стопа, скелет, плоть —
Позволяет гордиться только знаниями, ученостью, совершенствами
Либо скромностью, добродетелями и хорошими манерами.

Пусть набираются они опыта и навыков, постигая и изучая независимый образ действий добродетельных [предков] и грубое поведение злодеев нашего времени. Мудрецы говорят: счастлив тот человек, кто учится на проступках других, несчастен тот, чьи

дела служат другим в назидание ¹⁴. Известно [арабское] изречение: “Кого не сможет сдвинуть с места [пример] предков, тот начнет действовать под нажимом потомков”. **Стихи:**

Мудр тот, кто приобретает опыт
На примере барыша и разорения конкурента.

Пусть наиглавнейшим для себя делом они считают доброжелательство и благотворительность. Так сказал [Аллах] всевышний: “...Поистине, Аллах не губит награды добродееющих” ¹⁵. /л. 3а/

Вознаграждение за деяния добродетельных [людей] не пропадет понапрасну перед господом: “Не губит Аллах ни в этом, ни в потустороннем мире награды добродееющих” ¹⁶.

Приобретя познания на примере обстоятельств давних друзей и достойных почтения доброжелательных [личностей], пусть они твердо шествуют путем благожелательности и верности по смыслу изречения: “Благородство человека передается по наследству”. Известно [арабское] высказывание... что означает в **[33]** переводе автора:

Пригоршня золы дороже человека,
Если нет у него в характере таких черт, как-то:
Верность друзьям, щедрость,
Сохранение тайн людей, которыми он дорожит.

Пусть они избегают общения и бесед с тупицами и подлецами, ибо (полустыжие): Все сущее в этом мире — результат общения. А мудрецы говорят: “Общания и собеседования всех людей на свете бывают трех родов. Общество одних представляет собой лекарство — в нем время от времени возникает необходимость. Разговоры с другими — вроде недуга; нужно стараться отклонять и избегать их. Стихи:

Первейшая заповедь старца стоит за таким выражением:
Остерегайтесь общаться с дурными людьми.

Третьи подобны кушаньям. От беседы с такими уклоняться не следует, ибо сознание, что побыл в обществе такого человека, доставляет радость”.

Фард:

Беседа с доброжелательным [человеком] облагораживает и тебя,
С цветущим гранатом расцветает целый сад.

Во всяком случае, пусть они пользуются временем своей драгоценной жизни, не пренебрегая смыслом [изречений] величайшего [господа]: “Горе тому, кто теряет время без пользы” [17](#), не допускают небрежности в служении величественному [господу], в приобретении знаний и совершенства. Как говорят [по-арабски]... и в объяснение этого смысла **от автора:**

Восхождение по ступеням счастья и величия
Достигается [собственным] усердием, а не ученостью отца и деда.
Благодаря приобретенным знаниям твои предки сделались уважаемыми людьми,
Не получив знаний, никто ничего не достигнет.
Достаточно родовитых, которые по глупости стали рабами,
Как и рабов, которые благодаря познаниям возвысились над родовитыми

Сказал Аристотель: Если безродный человек благороден душой, то низкое происхождение только поднимает уважение к нему; если же родовитый подл душой, то благородное происхождение лишь умножает его собственную подлость [18](#). **Фард:**

Совершенствуйся, ибо тогда ты станешь желанным для всех на свете,
Человек без совершенств ничего не стоит [19](#), о дорогой мой.

Более [в этом смысле] не высказываясь, автор приступает к изложению обстоятельств своих предков. Он имеет сообщить, что родословная сего затворника кельи безвестности в таком порядке через десять колен восходит к покойному хаджи ²⁰ ходже Сирадж ад-дину Али, который приехал в Хорасан из Высокочтимой Мекки ²¹ и поселился тут: /л. 36/ Мухаммад Риза сын Мухаммеда Казима сына Абу-л-Фатха сына Абу Талиба сына Абу-л-Фатха сына Али Акбара [34] сына Мухаммада Хашима сына Мухаммада Тахира сына Джалал ад-дина Аршада сына Сирадж ад-дина Али, да простит Аллах всевышний их грехи. За давностью времен и длинной вереницей дней, веков и лет о покойном хаджи ходже Сирадж ад-дине Али, кроме имени и могилы, находящейся к югу от Барнабада ²², сему обездоленному более ничего не известно.

Эта отдаленная пустыня есть та самая стоянка, где исчезло войско Салма и Тура ²³.

Ходжа Джалал ад-дин Аршад сын Сирадж ад-дина Али был современником покойного падишаха —

султана-мученика, нашедшего место успокоения в раю, султана Абу Са'ида и правосудного государя султана Хусайн-мирзы Байкары ²⁴, как то следует из грамот этих владык, великолепием равных небесной сфере. Они выданы на имя того почившего, ныне пребывающего в раю, и уведомляют о монаршем расположении и награде. Грамоты были [у автора] до поры, когда Ибрахим Гурийани, выродок и торговец пленниками, разграбил имущество сего обездоленного и присвоил себе [все, что] составляет сущность статей тех грамот. Место погребения этого почившего предка [находится] подле могилы его отца, облаченного в одежды отпущения грехов.

В конце концов каждый упокоится в недрах земли —
Любой зародыш, появляющийся из чресел Адама.
Небесный купол наполнен молениями усопших,
Но если кто-нибудь прислушается, то внемлет лишь шепоту.

И от того, отмеченного знаком милости, из-за длинной вереницы дней, череды веков и лет на поверхности времени также не осталось ничего, кроме могилы и имени, и сей обездоленный о нем ничего не знает.

Ходжа Мухаммад Тахир сын ходжи Джалал ад-дина Аршада, да будет земля им пухом. Некоторые из добротных построек того благочестивого усопшего, несмотря на давность времен, эпох и длинную вереницу дней и месяцев, доныне в хорошем состоянии и известны. В их числе в сей “Памятной записке” следует отметить и перечислить семь строений и построек, [возведенных] тем усопшим в целях благоустройства, а именно: первое — бассейн, который известен в Барнабаде как бассейн ходжи Тахира. Он [славится] удобным местоположением, хорошим состоянием, приятным вкусом и мягкостью воды, был весьма своевременно выкопан, и подобных ему встретишь мало. Второе — просторная баня “Тахири”. Вода в ней струится, проникая повсюду, как душа в теле, а воздух в ней из-за чрезвычайной мягкости и предельной чистоты обновляется без применения орудий и освежается.

*Эта строка-хронограмма уведомляет о дате закладки той бани. **Фард:**

Когда я спросил у мудрости, она произнесла хронограмму:
“Баня построена ходжой Тахиром”* ²⁵. [35]

Несмотря на то что со времени /л. 4а/ ее основания и доныне прошло свыше трехсот лет, признаки прочности и крепости здания [бани] все еще более заметны, чем новой постройки. В ней есть фонтан и проточная вода. В дни смут одно помещение ее разобрали временщики, потому что она сложена была из обожженного кирпича. Нынче в большом помещении раздевальни — предбанник, а его фонтаны заброшены и разрушены. Большая парная сделана предбанником, а в мочных — парильня ²⁶.

Еще одно [дело по благоустройству] — ремонт и завершение строительства пятничной мечети селения Барнабад. Основал ее маулана Вахид ад-дин Мухаммад, зять шейха Зайн ад-дина Тайаба-ди ²⁷, который был современником и духовным наставником победоносного, богом прощенного эмира Тимура. А почившему ходже Мухаммеду Тахиру удалось отремонтировать и завершить постройку мечети ²⁸. Следующее [дело по благоустройству] — возведение галереи и высокого дома, который был заложен у гробницы мауланы Вахид ад-дина Мухаммада по направлению к кибле.

*И вот эти стихи содержат в концовке отрывка дату сооружения того дома и галереи и уведомляют [о том] хронограммой. **Стихи:**

Хронограмму на год и день, когда было закончено [строительство],
Я спросил у разума, и он ответил: “Вот здание Тахира”* [29](#).

Кроме того, почти семьдесят джарибов [30](#) земли он засадил молодыми саженцами, а по краям — соснами. Огородив этот участок стеной, он записал его в качестве вакфа того мазара [31](#). После всеобщей холеры и периода здешних смут [32](#) временщики обрубали ветви сосен на том участке и разрушили стену. Сто лет тому назад покойный хаджи Абд ал-Халик, имевший поэтическое прозвание Билани и известный как шейх Билан, вместе с покойным моим предком-покровителем хаджи мирзой Абу Талибом Барнабади по прозванию Ма'ил вторично привели в порядок и засадили этот [участок].

Еще — водоем, находящийся рядом с пятничной мечетью на канале Барнабад, *а по этим словам получают сообщение о дате постройки того водоема:

“И если вы будете поблизости, то умойтесь его водой” * [33](#).

Еще — он вырыл канал в селении Барнабад. Раньше на северной стороне названного селения [река] протекала очень далеко от жилых кварталов. Он направил воды реки, отведя их от средней ее части так, чтобы река протекала поближе к проживающим на том месте, примерно на треть фарсанга, в центре названного селения, где были жилые дома, сады и участки, принадлежавшие лично ему и купленные им у посторонних лиц. Поистине, польза от этого усовершенствования для тамошних жителей была больше и значительней, чем от других сооружений по благоустройству [34](#). *И эти стихи уведомляют о дате проведения упомянутого канала **[36]** в том краю.

Стихи:

Ходжа праведный, благородный,
Добродетельный, доброжелательный, родовитый,
Ходжа, который и по внутренним и по внешним свойствам —
Щедрый, мудрый, безгрешный,
В 970 году хиджры
Изволил вырыть канал Барнабад,
По нему потекла вода,
Из воды [происходит] всякая вещь, брат мой,

Для всех жителей стало очевидно,
Сколь благородна натура Тахира.

А вот строка, имеющая концовкой отрывка хронограмму [проведения] того же канала. И так как [список] этого отрывка во время грабежа имущества сего ничтожного бесследно пропал, а я его знал наизусть, то я записал его здесь по памяти.

Чтобы удержать в уме хронограмму его [проведения],
Хызр на размышления мои сказал:
“Гордостью Барнабада стала вода
Оросительного канала Тахира” * [35](#).

Еще одно. [Мухаммед Тахир] был современником падишахов, нашедших успокоение в раю, — шаха Исма'ила и шаха Тахмаспа ас-Сафави [36](#). На имя этого усопшего, обитающего в раю, было много грамот тех высокостепенных [шахов].

/л. 4б/ Ибрахим-хан Гурийани, торговец пленниками, похитил и присвоил их вместе с вещами и пожитками пишущего эти строки [37](#). В том числе два-три указа, написанных почерком *тугра* [38](#), которые султан Мухаммад сын шаха Тахмаспа сына шаха

Исма'ила ас-Сафави ³⁹ при жизни и во время царствования его отца, находясь в Герате в качестве хорасанского наместника, пожаловал [ныне] почившему ходже Мухаммаду Тахиру. После того грабежа у пишущего сии строки осталась одна из них. Вот она.

Копия грамоты султана Мухаммада сына шаха Тахмаспа сына шаха Исма'ила ас-Сафави, которую он, будучи царевичем, пожаловал почившему ходже Мухаммаду Тахиру Барнабади

Поскольку прибежище величия, уважения и благородства ходжа Мухаммад Тахир ⁴⁰ Барнабади считал верноподданнические чувства обязательными и доказал преданность [государю], ныне, когда он состарился, ослабел и стал немощен, а сын его умер, оставив, в свою очередь, сына по имени Али Акбар в младенческом возрасте, вышешпоименованный прибежище величия передает свои земли, недвижимое и движимое имущество, а также скарб, которым он владеет, в качестве законного безвозмездного дара своему внуку Али Акбару.

Поскольку наше отношение к нему пребывает на высокой ступени, посему мы приказываем и повелеваем, дабы чиновники финансового ведомства из канцелярских реестров вычли итоговую сумму по нижеследующим пунктам, принадлежащим Али Акбару в вилайете Фушендж и Гурийан: **[37]**

в селении Барнабад из общей суммы четыре данга ⁴¹;
пахотные земли Мискаран полностью;
в селении Рузанг из общей суммы половину;
в селении Дехран из общей суммы половину;
пахотные земли Джанган полностью;
в селении Раушанан и Калатадже из общей суммы четыре данга;
в селении Рудж из общей суммы половину;
в селении Джизе из общей суммы половину ⁴²;
подземный канал Чикмак полностью.

Пусть считают имущество переданным на его имя, в особенности обусловив передачу доходов.

Пусть *арбабы* и кедхуды ⁴³ названного вилайета не вмешиваются в [дела] вышеозначенных пунктов, составляющих собственность Али Акбара.

Чиновники высочайшего дивана пусть установят [сумму] и получают с помощью уполномоченных ⁴⁴ вышеупомянутого денежный налог и все сборы, полагающиеся дивану по [каждому из] вышеозначенных пунктов в отдельности.

Арбабы, кедхуды и *амили* ⁴⁵ названного вилайета, почитая установленными суммы и подворную повинность по вышеназванным пунктам, из всех сумм означенного вилайета [пусть вычтут] и ни на манн ⁴⁶ веса, ни на динар денег ни под каким именем и никоим образом пусть не имеют денежных претензий. Почитая необходимым уважение и заботу о нем, пусть остерегаются не выполнить распоряжение.

Писано в месяце раби первом 988/апрель — май 1580 года.

/л. 5а/ Как упоминалось, от тех султанов — великолепия небосвода — осталось много грамот, подобных этой. Вместе с имуществом сего обезумевшего их унес Ибрахим-хан Гурийани во время многократных грабежей и расхищений.

Время рождения почившего ходжи Мухаммада Тахира 915/1509-10 год, и сей отрывок содержит эту дату. **Кыт'а:**

В счастливый день рождения, который
Сулит ему знатность, будь славен
Тот, кто создан нравственно чистым.
Имя его — ходжа Мухаммад Тахир.
Эти хвалы произнес ангел из потустороннего мира,
И хронограмма [на дату рождения] от этих [слов] стала понятной.
О всевышний Аллах, приумножь его степень,
Слава богу, что все тем завершилось [47](#).

Кончина сего усопшего наступила в месяце рамазане
Благословенном 990/сентябрь — октябрь 1582 года,
и последнее полустихие такой стихотворной строки
уведомляет об этой дате:

Я спросил у своих раздумий год его кончины.
Последовал ответ: “Подобно кладу, он нынче сокрылся в земле” [48](#).

Могила сего усопшего помещается на южной
стороне барнабадской крепости, в склепе посреди
галереи, которую он соорудил для этой самой цели,
подле могилы мауланы Вахид ад-дина **[38]**
Мухаммада. Земля того мазара причислена к землям,

обращенным в вакф. Здание и галерея входят в число построек по благоустройству того усопшего, да простит его Аллах и да озарит его могилу.

Каждое мгновение ветер доносит из сада запах розы,
Смущая сердце несчастного соловья *.

Ходжа Мухаммад Хашим сын ходжи Мухаммада Тахира, да будет земля ему пухом, родился в 941/1534-35 году, и вот строка, уведомляющая об этой дате. **Фард:**

[По поводу] года его рождения мысль высказалась мудро:

“Он излучает свет из созвездия благородства” [49](#).

Он умер в 987/1579-80 году при жизни своего отца, и последнее полустишие этой стихотворной строки уведомляет о том хронограммой. **Фард:**

В год его кончины разум произнес хронограмму:

“Солнце сокрылось в величавом небе” [50](#).

Он погребен в склепе, который построил его отец, в галерее, южнее могилы мауланы Вахид ад-дина Мухаммада, подле могилы отца, да простит их Аллах.

Он ступил в обитель жизни и смерти,

Так что более не оборотит своего лица к государю небытия *.

Да не останется тайной, что по поводу рождений и кончин большого числа предков сего заблудившегося в пустыне безвестности были [сочинены] элегии и подробные стихотворения, содержавшие хронограммы. Во время расхищения и грабежа имущества, пожитков и книг сего затворника кельи изумления их унес Ибрахим-хан Гурийани, торговец пленниками. Поскольку у меня [нынче] нет копий элегий и стихотворных отрывков, я начинаю свое письменное изложение с тех строф и хронограмм, которые я запомнил, а если мне удастся заполучить списки тех элегий и отрывков, я их приведу тоже.

Хаджи ходжа Али Акбар, сын ходжи Хашима, /л. 56/
да озарит Аллах могилы их обоих. Среди равных и подобных он отличался благочестием, скромностью, многочисленным потомством, большим числом имений и недвижимости. Высокодостойные сефевидские падишахи — современники этого усопшего благочестивца — постоянно жаловали его

благосклонностью и милостью. Большая часть его земельных участков, садов, дворов известна по дарственной записи, пожалованной ему покойным ходжой Мухаммадом” Тахиром, его дедом. Милости высокодостойных сефевидских падишахов явствуют из некоторых их грамот, которые уцелели после неоднократно повторявшихся грабежей и расхищений минувшего времени, но которые в конце концов Ибрахим-хан Гурийани украл. [39]

Причина многих случаев благоволения тех повелителей, чей обычай — справедливость, к тому покойному бедняку была вот в чем. В период своего правления султан Мухаммад, сын шаха Тахмаспа Сефевиды, назначил своим наследником в Ираке старшего своего сына Хамза-мирзу, а младшему своему сыну Аббас-мирзе пожаловал хорасанское наместничество и посадил его в Герате. Должность воспитателя при [Аббас-мирзе] с дней его младенчества была вверена Али-Кули-хану Шамлу. Все это явствует из первого тома *Тарих-и алам-арайи Иран* ⁵¹ и не соответствует предмету нашего повествования. Почтенный отец призвал Аббас-

мирзу в Ирак. Али-Кули-хан считал отъезд поводом для беспорядков в Хорасане и [появления] враждебных сил и не видел целесообразности [в поездке]. Хотя он, прибегнув к благовидным предложениям, пытался уклониться, но цели не достиг. Поэтому он поднял знамена против высокоместного падишаха, сделав орудием достижения своих целей Аббас-мирзу, которому было в то время семь-восемь лет. Против воли его отца — вершины минаретов, лицевой стороны динаров — он провозгласил [Аббас-мирзу] высокоместным падишахом, украсив именем Превосходный — Сами и прозванием Благороднейший — Карами. Получив весть об этом, прославленный отец [Аббас-мирзы] снарядил большое войско, намереваясь наказать Али-Кули-хана. [Султан Мухаммад] отрезал правителя Джама — союзника Али-Кули-хана. Чтобы разгневать его величество султана Мухаммада, обострить положение, подстрекнув его к походу на Герат, и тем самым освободить население Джама от тягот осады, Али-Кули-хан, как описано в *Алам-ара*, сопровождая /л. **ба**/ его величество шаха Аббаса, вступил с

гератским войском в гурийанский вилайет, где задержался на семь-восемь дней.

Покойный ходжа Али Акбар ⁵², который, несмотря на отрешенность от мирских дел и скромность, принадлежал к известнейшим жителям этого края, во время пребывания того падишаха, славой равного солнцу, предстал [перед Аббасом], дабы снискать расположение. В дни своего могущества [Аббас] изволил проявить большую благосклонность к тому почившему. Заботы и милости его очевидны из грамот, которые стали добычей во время грабежа Ибрахим-хана Гурийани, во время расхищения им имущества сего обескрыленного. В том числе была одна [грамота] относительно *восьмидесяти зауджей* их поместья, которые в силу плодородия он сделал своим леном ⁵³. Точно таким же образом он изволил проявить милость к челобитчику в любой другой из тех грамот, упоминание о которых стало бы причиной удлинения повествования.

Родился тот благочестивый усопший 9 джумади ал-аввал 987/4 июля 1579 года, что совпадает с годом

смерти его отца. Последнее полустишие этой стихотворной строки извещает о дате [40] рождения того [ныне] почившего. **Фард:**

Тайный голос, указуя в его сторону, произнес:

“Вот роза из цветника благородства” [54](#).

И последнее полустишие вот этой стихотворной строки также о том уведомляет. **Фард:**

Я спросил у раздумья о хронограмме на дату его рождения, и последовал ответ:

“Обнаружилось высокое положение звезды в поднебесье” [55](#).

Скончался он 21 ша'бана Великого 1084/1 декабря 1673 года на обратном пути от святейшей Ка'бы и похоронен на кладбище Баки'. Сия стихотворная строка содержит хронограмму его смерти, уведомляя о месте погребения того усопшего благочестивца.

Фард:

Он был погребен на кладбище Баки,

В чем хронограммой является выражение “Похоронен на Бакийском кладбище” [56](#),

— да простит его Аллах и да озарит его могилу.

* Он снизошел в райский розарий загробной жизни,
Освободился от этих пут тяжкого изнурительного труда *.

На страницах судьбы память оставила о том
повсеместно хвалимом покойнике, чье доброе имя в
числе самых благородных, чей девиз — добродетель,
четыре отпрыска.

Старший его сын хаджи мирза Мухаммад Аршад, да
приумножится его степень, образец всякого рода
прозорливости, подвижник, следовавший прямым
путем к успеху. Истинное совершенство и
добронравие того средоточия достоинств очевидны и
являются из его произведений, стихотворных
отрывков, из деяний по благоустройству; отчетливо
[проступают] из сборников стихов и касид, воистину
утоляющих жажду; из масневи, названного “Облако,
изливающееся потоком драгоценных камней” ⁵⁷.

Он был современником падишахов, нашедших
успокоение в раю: прежнего шаха Аббаса, шаха
Сафи и шаха Сулаймана Сафави ⁵⁸.

/л. 66/ Касыды, которые он произнес в восхваление
тех высокодостоинных падишахов, записаны в

сборнике его стихотворений. Большинство грамот, которые пожаловали ему хаканы, обитающие на Плеядах, чьим обыкновением была справедливость, хранилось [в роду], несмотря на отдаленность времен, до той поры, пока Ибрахим-хан Гурийани, торговец пленниками, не разграбил и не разворовал имущество моих родственников. Из смысла тех грамот почитаемых султанов ясны [их] сочувствие и благоволение.

Купол милосердия, стержень Ирана его превосходительство Хасан-хан, беглербек Хорасана, и высокодостойные ханы, его сыновья, проявляли к тому усопшему обитателю рая всемерную любовь и благоволение ⁵⁹. Несмотря на их высокий сан и благородное происхождение, они изъявляли добронравие, желая общаться [41] и поддерживать знакомство с ним, проявляя к нему всевозможную привязанность и дружеское расположение. Подобное явствует из посланий, которые они своей рукой начертали ему. Многие из этих писем сохранились после грабежа Ибрахим-хана. Вот образчик искреннего участия почившего моего покровителя

[Мухаммада Аршада], написанный им для того, чтобы расспросить о самочувствии стержня Ирана его превосходительства Хасан-хана, так как он услышал весть о его недомогании.

*Копия реляции, свидетельствующей об искренности
моего почившего покровителя мирзы Аршада
Барнабади к его превосходительству Хасан-хану,
беглербеку Хорасана*

“О источник жизни, да не коснется тебя ни одна пылинка. О закваска снадобья, да не постигнет тебя никакая хворь!

Оберегаемая от ущерба недугов и несчастных случаев благородная натура и нежная природа [Ваша] да станут вровень с основанием небосвода и подножием скалы! Некий злой вестник по обычаю нести вздор довел до слуха сего опьяненного вином восхищения [Вами] устрашающее известие, будто под воздействием суровой непогоды пыль уныния затуманила сверкающую поверхность зеркала [Вашей] души; лепесток существования базилика с лужайки вселенной украсил муслином розы Вашего

изголовья, а парфюмер набил Ваш матрац бутонами роз. Да отрубят [мне] кончик пера, если суть этой [вести] соответствует действительности; пусть уведомят [меня], ибо все равно человеческий *дух*, заточенный в цитадели телесной оболочки, пробив брешь в крепости бытия [и] проявив немного терпения и способностей, предстанет среди слуг того дворца. /л. 7а/ Внимать этому слуху — [значит] причинять мучения страждущим и больным. Наша просьба заключается в том, чтобы, проявив любезность, Вы оказали милость, послав шербет доброй вести из обители исцеления; сраженного этим тревожным известием освободили бы из оков хлопот и печали и от страданий огорчения. Надеюсь, что цветник бытия того, для кого щедрость является необходимостью, будет всегда усыпан разноцветными розами и озарен безмерным счастьем. Да будете Вы пребывать в радости и удаче. Да славятся Мухаммед и род его”.

В ответ на вышеозначенное послание его превосходительство Хасан-хан [послал] это

четверостишие, начертав его своим бисерным
почерком:

О Аршад, ты для меня — потомок древнейшей семьи,
О средство полного моего исцеления,
Неверны те слова, которые ты услышал,
Не печалься, ибо я не хвораю.

А эту загадку переложил для Аршада на стихи его
превосходительство Аббас-Кули-хан б. Хасан, ныне
покойный, который [42] после отца был беглербеком
Хорасана. Он переписал ее своим изящным
почерком, не без изюминки, и отправил ее тому
[ныне] почившему.

Твой враг не станет украшать арену храбрости,
Даже если у него будет сердце льва, он останется таким же, каким он
был.

Случались обмены изречениями и посланиями
между тем утонувшим в пучине отпущения грехов
всесвятым творцом и мирзой Са'д ад-дином
Мухаммадом по прозванию Ракам, везиром
Хорасана, муллой Назимом, мирзой Мансуром
Шахрийари, мирзой Хасаном, имевшим поэтический
псевдоним Вахиб, чиновником финансового

ведомства Обители благочестия Йезда, мирзой Фасихи ал-Ансари и прочими поэтами — его современниками ⁶⁰. Стихотворные произведения их записаны в сборнике стихов и куллийате того почтенного усопшего. А некоторые прозаические произведения его известны и распространены устами и молвой и в ближних, и в дальних краях.

Поскольку причастность к делам веры и согласия он соразмерял с умалением достоинств аскетизма и отшельничества, что соответствует наследственному образу жизни нашей семьи *хак-саров*, он сочинил и написал сей отрывок в виде извинения и отказа от должности, которую ему предлагал везир Са'д ад-дин, его ученик. **Кыт'а:**

О везир, с помощью величайшего господа
Счастье возложило на твою главу венец великодушия;
В хорасанском краю тебя величают Асафом,
Государем эпохи, благородным Сулайман-шахом ⁶¹.
Нити моего дыхания завязались в несколько узлов,
[Лишь] описание моего огорчения распутает узел, вытянув нить.
Моя старость похитила пожитки моей юности,
Во всем цветнике моей жизни не найдешь ни одного плода.
Где я и где деяния государственного мужа?

/л. 76/ Удивительно, что рядом с хлопком ты рассыпаешь искры.
Соловей жеманничает и не хочет идти в высокий рай,
А ты его манишь в ад, вот ведь странный поступок!
Человека создали для иного дела,
Нельзя губить дорогую жизнь из-за тщеславия.
Для тебя очевидно происхождение моего отца и предков [и то],
Как они существовали в сей обители, имеющей две двери [62](#).
Теперь я по капельке потягиваю вино старости,
Как могу я отклониться от наследственной стези?
Ты требуешь от угасшего пожара: “Пылай!”,
Ты настойчиво говоришь осыпавшимся перьям и крыльям: “Летите!”.
Настало время, когда я согнулся, как лук с натянутой тетивой,
До каких же пор ты будешь пускать меня [вперед], как тетива стрелу?
Впредь до гроба я собираюсь жить затворником,
Так как молитвы оказывают пользу роду людскому.
После всего [сказанного] я прошу тебя и надеюсь,
О могущественный, вообрази меня уже умершим,
Считай, что дело сделано,
Да пребудет и далее твоя звезда в полном благополучии! **[43]**

Когда ему предлагали должность, он по этому поводу также представил доклад высокоместному шаху. Получив положительный ответ на свою просьбу, он об этом написал сей стихотворный отрывок мирзе Са'д ад-дину Мухаммаду. **Кыт'а:**

О Асаф, во всем мире надежды и страха
Нет равного тебе в разрешении сложных вопросов и улаживании

трудных дел,
В роду людском не найдешь другого такого,
Среди всех тебе подобных людей нет столь же беспристрастного.
По воле шаха избавь меня от должности и главенства,
Нынче в обоих мирах нет второго столь же несчастного, как я,
Под небесами только один такой горемыка, и это — я.
Притом, что в сердце моем нет никаких претензий,
Я и тщеславие — какая тут может быть связь?
Пощади меня, дабы не возопило мое изорванное в клочья сердце.
Меня можно прикончить и равнодушным отношением,
Чтобы убить меня, нет надобности братья за меч или стрелу.
Хотя я весь, с головы до пят, соткан из греха,
Я счастлив и той малостью судьбы, что не злобен от природы.
Тебе в знак единоплемянника Аршад вручил свое сердце,
Береги и лелей его, ибо оно неустрашимо [в дружбе] ⁶³.

/л. 22a/ В действительности от того почившего
осталось примерно десять тысяч поэтических строк
разных стихотворений — касыд, газелей,
мукаттаат, четверостиший, масневи ⁶⁴. Семь-
восемь тысяч поэтических строк его стихотворений
исчезло во время путешествия в высококочтимую
Мекку, как о том он написал в стихах и изложил в
предисловии к полному собранию своих
стихотворений. [Было также] семь томов антологий,
в каждом из которых его собственной рукой было

переписано примерно поровну — по сорок тысяч поэтических строк. Два тома из них оставались у сего низайшего. Ибрахим Гурийани, торговец пленниками, когда похитил и разграбил имущество и пожитки сего заблудившегося в пустыне хаоса, унес в конце концов и их. [Мирза Аршад] собственноручно переписал восемь томов Корана и два тома подстрочных толкований [к нему], как о том уведомляет эта его газель. **Газель:**

Моим несчастьем стали слабость и хилость тела,
Моим посохом стал калам, именуемый старостью;
У меня нет иного занятия, кроме переписывания Корана.
Слово божие стало лужайкой, пленившей мое сердце.
С меня достаточно этого результата, ибо от переписывания Корана
Мне стали доступны тайные символы.
Цель моего переписывания — заслужить отпущение грехов,
Я надеюсь на искупление прегрешений.
Хотя я пишу через силу, однако
Я доволен, так как пером выкупаю собственную жизнь.
Мой отличительный признак — постоянно кровоточащие глаза,
Судьба моих глаз — мое несчастье. Она настигла меня,
Когда [я], Аршад, в восьмой раз переписал Коран,
За это я восемь раз заслужил место в раю ⁶⁵. [44]

Из всех упомянутых восьми томов Корана один, который находился у сего низжайшего, был украден Ибрахим-ханом; другой том вместе с подстрочными толкованиями имеется у мирзы Абу-л-Хасана, сына покойного мирзы Махди, прежнего везира столицы Герата, который приходится потомком тому почившему и доводится родственником сему [несчастному] — мишени стрел бедствия.

В числе работ по благоустройству [мирзы Аршада] — строительство бассейна, [находящегося] к югу от дома покойного мирзы Мухаммада Тахира, его брата. День его рождения — вторник 12 Победоносного сафара 1025/2 марта 1616 года: по солнечному летосчислению [он родился] соответственно в год Тушканчика под созвездием Рыбы, а луна находилась в созвездии Льва, и это полустишие содержит дату его рождения:

На кусте надежды расцвела роза [66](#).

Скончался /л. 226/ он в последний день месяца зу-л-хиджжа Запретного 1114/16 мая 1703 года. Один из

его современников вывел эту дату из такого
полустишия:

На этом месте возник райский сад [67](#).

Мой почивший покровитель мирза Абу Талиб
Барнабади, имевший поэтическое прозвание Ма'ил,
прадед пишущего эти строки, который приходился
умершему благочестивцу племянником, зятем и
учеником, сочинил в стихах эту элегию на его
смерть... [68](#).

/л. 23а/ Место погребения того усопшего находится к
северу от [могилы] мауланы Вахид ад-дина
Мухаммада, да будет земля ему пухом и да пребудет
он в раю.

* Какое горе, что светило небесного совершенства,
Сойдя с вершины славы, укрылось за крепостными бастионами
грехов*.

Второй из сыновей */л. 23б/* достохвального ходжи
Али Акбара — хаджи мирза Мухаммад Тахир,
который добрыми делами и поступками, обилием
имущества и талантов был избранным среди равных

и подобных. Его работы по благоустройству, которые он с успехом провел от начала и до конца, это бассейн, известный под названием “Сводчатый хауз”. Он находится на расстоянии четырех с половиной фарсахов от столицы Герата на большой дороге, близ селения, известного как Дахпаде. Поистине, этот бассейн был [сделан] весьма своевременно, ибо путники, ходящие туда-сюда, получили большую пользу. На дату сооружения этого бассейна почивший покровитель мирза Абу Талиб, имевший поэтическое прозвище Ма'ил и приходившийся ему племянником, сочинил стихотворение. В конце концов за давностью времен и в силу изменчивости судьбы свод того бассейна разрушился, а стихи на ту дату бесследно исчезли, но две строки из той хронограммы – [45] посылка и концовка, уведомляющие о дате [постройки] упомянутого бассейна, я слышал из уст своих предков и записал в этих “Памятных записках”.

Назм:

Этот дворец стал известен, как Коусар ⁶⁹,

Страдания барбариса [по нему] понятны так же, как терзания из-за

локона гурии.

Когда пришло время украсить его, ангел сказал:

“Да очистится в нем даже пьяница, ополаскивающий [в нем] кубок” [70](#).

В 1170/1756-57 году покойный благочестивец мирза Мухаммад Махди сын мирзы Салиха сына мирзы Исмаила сына упомянутого мирзы Тахира, который был назначен на должность везира столицы Герат, отремонтировал упомянутый бассейн. А нынче опять по смыслу полустишия:

Рождайте для смерти, стройте для разрушения — он близок к разрушению.

Дата рождения почившего мирзы Мухаммада Тахира — вторник 20 Благословенного рамазана 1027/19 августа 1620 года, что соответствует году Лошади, когда солнце находилось в созвездии Девы, а луна — в созвездии Близнецов, и это полустишие уведомляет о дне его рождения:

На кусте надежды расцвела роза [71](#).

Скончался он в понедельник 26 Высокочтимого ша'бана 1099/ 26 июня 1688 года. Он погребен подле

[могилы] мауланы Вахид ад-дина Мухаммада, да
будет земля ему пухом.

В этой обители горя, где нет ничего, кроме траура,
Разве найдешь сердце, которое не испытывало бы боли под пытками?
Хороша одежда жизни, но что за польза [от нее],
Коль рукава ее не столь вечны, как вселенная *.

И еще один из сыновей достохвального ходжи Али
Акбара — хаджи мирза Махмуд, который основную
часть своей жизни провел в блаженстве счастливой
доли, предаваясь в уединении служению
всемогущему богу. Владея тенистыми парками и
садами, удобными жилищами и домами, следы
которых свидетельствуют о том поныне, он проводил
время в полном довольстве и покое. Из следов его
деятельности//по благоустройству, которые он /л.
24a/ с успехом начал и завершил, повсеместно
вызывает одобрение бассейн на главной дороге к
пахотным землям, именуемым Карча, вблизи селения
Шабаш ⁷². Он родился в субботу 10 Запретного
мухаррама 1030/5 декабря 1620 года,
соответствующего году Обезьяны, когда солнце
находилось в созвездии Стрельца; луна же — в

созвездия Овна. Это полустипшие уведомляет о дате его рождения:

На кусте души расцвела роза ⁷³. [46]

Он умер в месяце мухарраме Запретном 1087/март — апрель 1676 года, и сей отрывок содержит дату его кончины. **Кыт'а:**

Лужайка наивысшего рая,
Подобаящая [лишь] ангелам,
Завидует мирзе Махмуду,
Который прошел по земле путем своего обета.
Господом была принята чистота его веры:
Свидетельствование, пост, хадж и его намаз ⁷⁴.

Он словно бутон в объятиях [господа],
Услаждает его сердце зефир обильных милостей.
Из-за большого желанья поймать райских птиц
Рыжеголовой сокол стал походить на гнездо райского дерева Туба.
В сердце милосердия я искал указание [на дату] его смерти, и оно подсказало:

“В конце концов Аллах прославил его” ⁷⁵.

Он погребен подле [могилы] мауланы Вахид ад-дина Мухаммеда, да будет земля ему пухом,

Да поселится его душа в раю — обители господ,
Да озарится полным светом потустороннего мира цветник его могилы
*.

А еще в числе сыновей добропорядочного ходжи
Али Акбара был мирза Абу-л-Фатх, который
приходится прадедом родителям пишущего эти
строки [76](#). Дата его рождения — вторник 8-го месяца
раби' ал-аввал 1032/10 января 1623 года,
соответствующего году Свиньи по солнечному
летосчислению. Родился он под знаком Козерога,
когда луна была в ... [77](#). Это полустипение уведомляет о
дате рождения того благочестивого покойника:

На кусте надежды расцвела роза [78](#).

А умер он в 1114/1702-03 году.

* Он оборотил лик своего сердца к саду души,
Сделал стоянку в райских кущах Ризвана * [79](#).

И это выражение свидетельствует о той [же] дате:

И был он включен [в число] обитателей рая [80](#).

А похоронен он по соседству с могилой мауланы Вахид ад-дина Мухаммада, да простит Аллах его прегрешения.

Хаджи мирза Абу Талиб сын мирзы Абу-л-Фатха сына ходжи Али Акбара, наряженный в убор учености и таланта, чью внешность украшали добронравие и справедливость, а ум обладал обширными познаниями жемчужин мистики и ожерельями изысканных слов. [По смыслу выражения:] “Они точно яхонт и жемчуг” ⁸¹. Он известен тем, что каждая мысль [его] была преисполнена глубокого смысла. Драгоценные камни его стихов подобны сокровенным жемчужинам. Он был совершенен во всех своих проявлениях, как внешних, так и внутренних. В стихах он именовал себя поэтическим прозвищем Ма'ил. У него есть хорошие газели и широко известные касыды, однако в связи **[47]** с изменчивостью /л. 24б/ судьбы и уловками коварной фортуны в дни сумятицы в нашем краю, когда пожитки и имущество сего бедного отшельника пропали в тленности грабежа, большинство свитков с

его газелями, которые были собраны и приведены в порядок, бесследно исчезли, подобно прочим вещам из достояния [автора]. А несколько оставшихся свитков его касыд и газелей из-за здешнего застоя, упадка искусства и укорочения тесьмы, опоясывающей общество людей, склонных к совершенствованию, в течение семидесяти лет никто не разворачивал, и большинство их (свитков) проели черви. Автор собрал и привел в порядок то, что не пострадало. Это составляет примерно шесть тысяч поэтических строк, и вот предисловие ко всем тем стихотворениям, собранным и приведенным [мною] в порядок, которое сочинил и письменно изложил ваш раб Мухаммад Риза.

Предисловие автора. Безграничной похвалы и безмерной награды заслуживает сборник стихов. Представленное на суд предисловие это украшает и распределяет созданные совершенные стихотворения — опору праведников: четырежды высокодостойные четверостишия; *мухаммасы*, [заслуживающие внимания] пяти шиитских святых; масневи, стоящие двух лучей сияющих глаз Избранника (Мухаммеда);

[поэт] нарядил и увенчал поэтическими отрывками
— *мукаттаатами* деяния имамов веры;
мустазадами — поступки приверженцев; касыдами
— высказывания *муджтехидов*; газелями —
прекрасные качества праведников-мудрецов ⁸².

Хвала господу-творцу, который в созданном
сборнике — от самого первого бейта до концовки —
происходящие явления добра и зла распределил по
такой рифме и привел в порядок соответственно с
предопределенной мерой и соразмерно
установленному обычаю. Тщательно выполненные
им шарады ⁸³ и *муамма* в появившихся [при нем] и
древних рисале на удивление мыслителям и в
назидание знатокам он облачил в одежды слов и
выражений на арабском и персидском языках.
Мусаддасы по разным поводам, полностью
охватывающие мирян, и *тарджи'банды*
вероятностей жизни и смерти он вписал и утвердил
на странице существования и небытия под айатом
всеблагого [господа] ⁸⁴: “Поистине, мы принадлежим
Аллаху и к нему мы возвращаемся” ⁸⁵, “Благословен
же Аллах, лучший из творцов” ⁸⁶.

Однако затем, да не будет сокрытым от затворников собрания раздумья и уразумения и от подвижников, [следующих] принципу углубленного мышления и воображения, что цель создания вселенной и населения всего мира, особенно людей, относящихся к категории мистиков и стилистов, это дар слова и риторика. И каждый из числа этих высокодостойных [особ] в саду уверенности [с помощью] красноречия и декламации газелей выражает признательность, благодарность и воздает хвалу [господу] — **[48]** /л. **25a/** милосердному творцу. Это является среди них признаком удачи и таланта и доказательством превосходства над равными и подобными. Мудрецы предшествующих [эпох] и могущественные ⁸⁷ султаны всегда почитали и ценили ораторов, сочетавших дар красноречия с талантом хорошего поэта, стараясь их возвеличить и прославить. В преданиях [говорится], что языки поэтов — это ключи поэзии, которая, поистине, есть мудрость и сокровища у трона. **Стихи:**

Перед дворцом гебра либо позади него
[Слава] идет перед пророками, но за поэтами.

Есть доказательства, свидетельствующие [в пользу] этого мнения о постоянстве и стойкости доброго имени, и высказывания прославленных поэтов, например Фараздака, мыслителя Фирдоуси, шейха Камала и прочих непревзойденных мудрецов ⁸⁸.

Несмотря на то что прошло столько лет, [сменилось столько] независимых победоносных падишахов, есть подтверждения этому высказыванию. Однако в противовес прошлым временам нынче из-за отрицания вопросов, запрета заниматься каким-либо делом, переменчивых времен и отсутствия труда и стараний неучи довели дело до крайности, а отчаяние до предела [настолько], что слова и имена той почитаемой категории рода людского внезапно исчезли со страниц эпохи и забылись. Опасаясь забвения и тлена, сей пылающий пожаром тягот и мук затворник кельи покорности и смирения Мухаммад Риза сын Мухаммеда Казима, да простит Аллах их прегрешения, собрал стихи почивших своих предков — все то, что в конце концов уцелело от неоднократных грабительских погромов. Касыд, газелей и четверостиший наберется примерно

пятьдесят тысяч стихотворных строк. [Предки] сами составили и привели в порядок некоторые из них, как, например, стихи покойного моего покровителя мирзы Аршада Барнабади, прадеда родителей пишущего сии строки. А для некоторых [стихотворений] из-за изменчивости обстоятельств эпохи и нагромождения событий времени не находилось подходящей возможности привести их в систему и порядок. Например, стихи моего почившего покровителя мирзы Абу Талиба, по поэтическому прозвищу Ма'ил, деда родителей пишущего сии строки. Таким образом, большинство из них постепенно развеялось по ветру и наконец совсем исчезло в тленности грабительского погрома. А [стихи] двух сохранившихся свитков были сочинены тем почившим и переписаны его собственной рукой, но большую часть их источили черви. По прошествии восьмидесяти лет, когда сей потонувший в море печали и тоски собрал их и привел в порядок, /л. 25б/ число строк в этих стихотворениях доходит примерно до восьми тысяч. [Автор] записал и собрал их все на этих листах. Если

путь срезающего розы на лужайке риторики пройдет по этому цветнику, он тотчас примется наслаждаться райским садом выразительного [49] содержания, цветами скрытого смысла, бутонами тонких замечаний, пронизывающих [стихи]. Постоянно исследуя их с помощью занимательного разглядывания лужайки, усыпанной розами и базиликом, он счистит ржавчину печали с зеркала души тщательной полировкой, уничтожающей обиду, и советами, прибавляющими разума. Нельзя ожидать от сословия ловящих удачу добронравия и благорасположения к стилистам, которые встречаются в наш век крайне редко, подобно птице Анке и философскому камню ⁸⁹. Лучшая часть раскрытой книги есть та, когда при написании ее не отклоняются с верного пути. Если [читатели] найдут одежду слов короткой для фигуры смысла, пусть они, преисполнясь сочувствия, приступят к составлению примечаний; если же одежда слов не подойдет смыслу, пусть великодушно облачат ее (книгу) в халат исправлений и пусть они действительно позаботятся о сохранности ее — не

загрязняют лик ее страниц синей краской
неосторожности, не скручивают рукой неучтивости
брошюровочную тесьму ее переплета. **От автора:**

О возлюбленные, эти [книги] — память о дорогих,
Нельзя пренебрегать воспоминаниями о милых сердцу;
Рожденный талантом великих и самобытными мыслями,
Это цветник, всегда изобилующий красивыми розами.
Грядки его много раз подвергались тлетворному грабежу,
Неоднократно воры похищали с них несколько плодов.
Через восемьдесят лет те [стихи], что сохранились,
Я собрал, и их оказалось всего семь тысяч,
Хотя никто из современников по невежеству
Не захочет сам прогуляться до этого цветнику, я знаю —
Скоро из-за суровости месяца дей (т. е. конец декабря — начало
января) нашей эпохи
Снова будет пущен на ветер небытия этот зеленый луг,
Потому что для дурней — ослов нашего времени —
Один манн ячменя лучше ста листов выразительных изящных стихов.
Однако я постарался собрать, что оказалось возможным,
С тем чтобы еще какое-то время сохранялась память о сказавшем
[стихотворение].
Человеку [нужно] лишь то, что содействует его деяниям,
Мы не властны вершить дела.
Собраны стихотворения, нижеследующие за этим предисловием,
В месяце раджабе года 1208 да [еще] четыре (т. е. 1212 /декабрь-1797
— январь 1798) .

[Абу Талиб] был современником падишахов, пребывающих в раю, — шаха Сефи и шаха Сулаймана Сефевидов ⁹⁰, и те высокодостоинные падишахи, заботясь об этом почившем благочестивце, /л. 26а/ изволили оказывать ему милости и благодеяния. Так, несмотря на то, что минуло много эпох и периодов, несмотря на то, что столько раз наше достояние и имущество подвергалось грабежам современников, [у меня] все еще сохранялись семь-восемь документов, подписанных государями, из числа указов, которые те два весьма важных падишаха изволили пожаловать тому почившему бедняку. [50]

Они содержали в себе [изъявление] благорасположения. В наши дни они были похищены при вероломном набеге Ибрахима Гурийани — торговца пленниками. В последний раз Ибрахим-хан унес для возвеличения [своих] родственников свитки с газелями того почившего, переписанные его собственной рукой, один том антологии его стихотворений, собранной пишушим эти строки, три дивана покойного моего покровителя мирзы Аршада,

из которых один том был переписан его собственной
рукой, а также семьсот томов других книг. Есть
надежда, что пресвятой Аллах с помощью
могущественного надзирателя, ревностного
[блюстителя] справедливости потребует возмездия за
насилия надо мной и другими пленниками и
угнетенными, вырвет у него из рук врата вселенной и
поместит в загробный мир. **От автора:**

О ты, который с помощью мошки даешь отпор Нимруду,
В один момент рассеиваешь племя Самуда,
Осведомленный об обстоятельствах моих и Ибрахима,
О господи, поскорее покарай его [21](#).

После того грабежа остались две грамоты из тех
документов, и вот их копии.

*Копия грамоты хакана, пребывающего в раю, шаха
Сафи ас-Сафави, которую он изволил пожаловать
моему почившему покровителю мирзе Абу Талибу
Барнабади*

По приказу властелина мира.

Дана прибежищу благородства, высокого сана и талантов, пилигриму двух святынь, Мекки и Медины, хаджи мирзе Абу Талибу Барнабади в том, что, поскольку в прежние времена его предки хорошо служили [государям] и последующие поколения оказывали [им] подобающие услуги, а сам он проявляет рвение, вознося мольбы о счастье и продолжительности [нашего] государства и молитвы во славу великого и славного господя, мы, почитая своей августейшей обязанностью также проявлять внимание к нему, повелеваем освободить от вывоза товаров одиннадцать зауджей вновь приобретенных им земель в дополнение к земельным владениям его деда хаджи Мухаммада Тахира, которые наши деды — хаканы, чей обычай — справедливость, да очистит Аллах их доводы, посредством грамот также освободили от вывоза товаров.

Пусть знают управляющие государственными делами, /л. 266/ что согласно прежним грамотам, [выданным] ему, все его владения, как ранее имевшиеся, так и вновь купленные одиннадцать зауджей, кои суть:

из числа Барнабада — 4 зауджа,
из числа Шаде — 1 заудж ⁹²,
из числа Кундрау — 6 зауджей, [51]

от обязательств по вывозу товаров, даже от перевозки высококачественного крепостного (фуража почитаются освобожденными, и ни в коем случае не требуют векселей и не присваивают их, Принимая во внимание уважение и почтение к вышеупомянутому, в местностях, принадлежащих ему, пусть никто без его разрешения не оседает, не мешает его крестьянам, занимающимся сельским хозяйством, никого к себе не забирает. Сообразуясь с уважением наших августейших уполномоченных в отношении его, пусть воздерживается от его жалоб и сетований. Считаю необходимым в этом отношении действенный запрет, пусть [исполнение] примут на свою ответственность.

Писано в месяце мухарраме Запретном 1048/май — июнь 1638 года.

Копия грамоты хакана, укрывшегося в раю, шаха Сулаймана ас-Сафави, которую он милостиво

*пожаловал почившему моему покровителю мирзе
Абу Талибу Барнабади, деду родителей пишущего
эти строки*

По повелению властелина мира.

По предписанию всевышнего Аллаха и по истинной неизмеримой милости высокоместных султанов, обладающих похвальными свойствами и чертами характера, [принадлежащих] к этой династии, [зиждящейся] на основе великодушия, да будет выполняться [повеление] о том, что согласно крылатым словам “благодаря честности человек добивается благоволения великих” всякий добившийся плодоношения молодой поросли чистосердечия в саду предназначения получает пользу от плодов благой преданности и единогодушия. Согласно мудрости [Корана]: “И предварившие — предварившие? Это те, которые будут приближены” [93](#) — дуб его безопасности и сад надежд освежится и пышно расцветет счастьем воспитания и обычаями благожелательности. Посему наши августейшие наибы, поступая также в соответствии с одобряемым

образом жизни и похвальными обыкновениями, стараются увековечить упомянутые обычаи. Доказательство в этом смысле — описание положения [человека], вобравшего достоинства внешнего облика и внутреннего содержания, примера знающим и красноречивым, гармонии уважения и порядочности, пилигрима двух святынь — Мекки и Медины — хаджи мирзы Абу Талиба сына мирзы Абу-л-Фатха Барнабади, который в силу его добропорядочности, наследственной и приобретенной прозорливости, присущего ему поэтического дара, привычного для него красноречия и последовательной благожелательности и благородства — и на словах и на деле он — убедительный довод /л. 27а/ и неоспоримый аргумент — нынче, при сем удобном случае возвеличен почетом нашего расположения и публично отличен царскими милостями среди равных и подобных. Грамоты правосудных хаканов, наших предков, пребывающих в раю, да осветит Аллах их [52] доводы, пожалованные ходже Мухаммаду Тахиру, ходже Али Акбару и мирзе

Аршаду, его предкам, неоднократно облегчали [выплату налогов] наличными деньгами и продуктами поместий, за пастьбу скота, освобождали и исключали [их поместья] из налоговых реестров [по выплате] государственных сборов и пошлин. Вакфной грамотой, которой хожда Али Акбар, его дед, передал в вакф своим потомкам мужского пола свое поместье, не разрешая куплю-продажу [земель] никому, кроме своих наследников и потомков, он связал проклятием покупателя, который помимо его наследников и потомков помыслил бы наложить руку на [эти] земли. Согласно установлениям грамот и ради соблюдения распоряжений вакфной грамоты он просил о высочайшем повелении, и мы теперь повелеваем: правители, сборщики налогов, *даруги*⁹⁴, чиновники и прочие управляющие государственными делами и все обитатели, жители и крестьяне по-прежнему пусть числят его поместья безусловно освобожденными [от обложений], почитают их свободными и изъятыми из налоговых реестров, не взимают налогов с его вьючных животных, за пастьбу скота и овец и не взыскивают

прочих сборов. А куплю-продажу его поместий, которые являются вакфом его потомков, нельзя позволять никому, кроме его наследников и потомков, вопреки закону никому не разрешается приложить руку к купле-продаже. Оказывая вышеупомянутому во всех случаях внимание, пусть [все] они соблюдают правила приветствования, величания, уважения, почитания, хвалы и прославления. А все те, которые для ведения важных дел посещают его владения, пусть избегают вмешиваться в дела, которые могут послужить причиной разлада среди его родственников и [других] людей, пусть остерегаются его жалоб и нареканий. Финансовые инспекторы и канцелярские писцы пусть запишут в нужном журнале содержание высочайшего повеления и каждый год пусть не требуют подтвердительных грамот. Памятуя о том, что нарушение приказа [явится] причиной действительного привлечения к ответственности, пусть вменяют себе в обязанность [его соблюдение]. Писано в месяце раджабе Почитаемом 1099/май 1688 года.

/л. 276/ Поскольку [наша] жизнь взята взаймы и существование в сей недолговечной обители в глазах глубокомысленных людей не имеет цены, сей отмеченный милостями [бога] после совершения *тавафа* и поклонения недоступному дому Аллаха ⁹⁵ также избрал своим местопребыванием *чахарбаг* ⁹⁶ в селении Барнабад, который он заложил и сам закончил его разбивку для своего отшельничества и удаления от мирской суеты. Прекратив общаться с людьми и заниматься мирскими делами, он поступил по смыслу высказанного им изречения. **Стих:**

Ма'ил, не водись с человеком, который готов
Знакомиться с людьми, тебе совершенно чуждыми. [53]

В течение семи лет до своей кончины он вел аскетический образ жизни в упомянутом саду. За исключением молитв всевышнему Господу и бесед с несколькими сдержанными мудрецами, он ни с кем не общался и не занимался никакими религиозными делами.

Если можно приблизиться к жилищу святого,
Обидно ступить в ущелье демонов *.

Оставив из своих имений для себя два зауджа из числа пахотных земель Мушкаран, шесть зауджей из пахотных земель Кундрау и четырнадцать джарибов *чахарбага*, где он жил [сам], свои остальные владения [он распределил] по разделительной грамоте, которую он переписал своим благородным почерком, в манере писания четким насталиком, в чем рука его была искусна, подобно Моисеевой ⁹⁷. [Грамотой] он разделил между наследниками и вверил им [свои] имения. Та самая распределительная грамота, написанная его рукой, нынче въяве пребывает перед пишущим эти строки, и вот ее копия.

Копия дарственной грамоты, которую покойный мой покровитель мирза Абу Талиб в период предпочтения им аскетического образа жизни написал собственноручно и которой изволил распределить свои поместья между потомками

Цель написания сих строк предписывающего документа на право владения заключается в следующем. Поскольку сей дряхлый грешник,

неимущий старец Абу Талиб сын Абу-л-Фатха Барнабади, понапрасну потратил жизнь, а возраст его перевалил за шестой десяток лет и приблизился к семидесяти и он ослаб, не осталось у него ни сил, ни бодрости духа, ни трезвого разума заниматься делами религии, пришло ему на ум в соответствии со смыслом [изречения], преисполненного правдивости: “Умрите прежде, чем вы [действительно] умрете”, сложить с себя бесполезные мирские дела и, причислив себя к разряду усопших, предпочесть отшельнический и аскетический образ жизни. А небольшую толику доставшейся по наследству земли, которой до сего времени владел сей бедняк и мать его детей, он при жизни передает в соответствии с законом шариата в виде дара своим потомкам, которые пусть ею владеют. [Поскольку] сему /л. 28а/ бедняку и матери его детей от тех поместий нет никакой пользы, а несколько оставшихся дней заемной жизни с помощью вездесущего Аллаха мы намерены посвятить покаянию и подготовке к загробной жизни, посему в день 10 ша'бана Великого 1125 года от бегства

пророка, да будет над ним благословение и приветствие (т. е. 1 сентября 1713 г.), передавая дорогим детям перечисленные детально ниже поместья, мы вверяем их в таком порядке, как то подробно указано после имени каждого. Решено, что мы возлагаем на ответственность сына Абу-л-Фатха право выдачи некой [54] толики наличного серебра и товаров, которую могут востребовать с сего бедняка кое-кто из турков, таджиков и иных по векселям и прочим денежным документам. Названный сын становится поручителем сего бедняка и матери его детей по выплате налогов, с тем чтобы он во всех отношениях проявлял усердие. И вот какой порядок установлен на имя каждого.

Доля сына Мухаммада Аршада:

Пахотные земли Джанган, числящиеся за одним управляющим, которые все вместе составляют площадь в два зауджа, вместе с зерном, ссудой, племенным скотом и со всем к тем [землям] принадлежащим — два зауджа.

В селении Рудж, которое является наследственным [владением] ⁹⁸ матери названного сына, из трех зауджей — один заудж.

В селении Барнабад, имеющем всего два зауджа, — один заудж.

Участок, известный как Кишмишхане, часть которого отведена под сад и который в будущем целиком станет садом.

Участок тутовых плантаций к югу от соснового бора, который Мухаммад Аршад сам засадил туковыми деревьями.

Жилые дома вместе с половиной [прочих] построек и постоянным двором.

Половина жилого дома в крепости, часть бани и конюшни. Доля сына Абу-л-Фатха:

Пахотные земли Джанган в соответствии с вышеописанным — два зауджа.

В селении Рудж в соответствии с вышеописанным — один заудж.

В селении Барнабад в соответствии с
вышеописанным — один заудж.

Участок большого парка с сосновым бором,
тутовыми плантациями и жилыми домами.

Жилые дома на северной и южной стороне
Барнабада вместе с половиной прочих построек и
постоялым двором.

Участок, известный под названием “Садик мир сайид
Мухаммада”.

Половина жилого дома в крепости, часть бани и
конюшни. Красильня.

Половина действующей мельницы ходжи Махди,
которая является наследственным владением его
матери. Доля сестры моих сыновей:

В селении Барнабад в соответствии с описанным
выше — один *фард* ⁹⁹.

Участок с двумя виноградными лозами, находящийся
подле большого сада и обнесенный стеной.

Участок тутовых плантаций подле конюшни.

/л. 28б/ Пусть они сами вступят во владение [оним имуществом] и впредь никто ни к кому претензий и исков не предъявляет. В **[55]** осуществлении прав по разделу пусть наш сын Абу-л-Фатх действует в согласии с вышеозначенным, что станет причиной [его] одобрения сим бедняком, удовлетворения высокочтимого Аллаха и доброй славы [моей] в этом и загробном мирах. Это написал ничтожнейший грешный раб Абу Талиб.

Несколько касыд, газелей и четверостиший из числа стихотворений почившего моего покровителя мирзы Абу Талиба не лишено смысла привести в этих “Памятных записках” ... [100](#)

В сих “Памятных записках” [автор] ограничился приведением */л. 33б/* нескольких газелей, касыд и четверостиший из числа стихотворений того облаченного в одежду [божьей] милости. Во всяком случае, странники, [проходящие] по садам смысла и пышным цветникам содержания, при желании

смогут срывать розы на этой лужайке, а [также] пусть обращаются к его дивану.

Во время завоевания столицы Герат его сиятельством Асадулла-ханом Абдали ¹⁰¹ последний наложил взыскание в тысячу туманов на почившего моего покровителя мирзу Абу-л-Фатха [сына] мирзы Абу Талиба, и тот из тысячи туманов отдал семьсот туманов — сумму, которая была для него возможной. Затем он послал к тому хану-безбожнику своего отца ¹⁰², [ныне] почившего мирзу Абу Талиба с прошением [о снятии взыскания]. Асадулла-хан простил ему оставшиеся триста туманов, а также отдал обратно пятьдесят туманов из взысканных наличных сумм. В этот момент какой-то человек с навязчивостью, свойственной афганцу, стал наговаривать Асадулле, обвиняя моего почившего покровителя Абу Талиба [и требуя], чтобы его наказали. Тот почивший, определив, что это за афганец, убедил его своим ответом в смысле [изречения]: “Истина — горька” — и обратился к нему с речью: “Ты — невежда, и потому внемли

неприятности этого /л. 34а/ укора и выслушай
высказывание в таком смысле. Стихи:

Заживают раны [даже] от острого [оружия].
Но не заживает рана, [нанесенная] языком”.

Из-за этого происшествия состояние его здоровья
сильно пошатнулось, появились симптомы
лихорадки. Покойный Гален своего времени мирза
Ата, врач, который в тот период не имел себе равных
в этом искусстве, находился в самых дружеских
отношениях с моим почившим покровителем [Абу
Талибом]. В тот раз он стал преградой ходу
[событий] и поручителем в продолжавшемся между
ними споре. В стольном городе Герате он принялся
составлять лекарства и снадобья для [Абу Талиба].
Поскольку тот очень хотел поехать в Барнабад,
[ныне] почивший мирза Ата неусыпно его опекал. Во
время усиления болей мой [ныне] почивший
покровитель [Абу Талиб] сочинил и изложил **[56]**
[эти стихи] для того преданного [мирзы Ата]. **Кыт'а:**

О тот, кто совершенный Мессия в искусстве врачевания,
Я — последний из переписчиков, ты же подобен Платону.
Больной, на которого ты бросишь взор, сразу выздоравливает,

Исцеление — привычное дело для тебя.

Тысячекратное спасибо [судьбе], что обстоятельства сего страдальца-горемыки

Весьма близки [тебе] благодаря расположению твоей милости.

Мое сердце жаждет деревенской природы,

Для моей души [деревенская] почва подобна эликсиру,

Сегодня привели в порядок крытые носилки для моего переезда,

Для меня они подобны паланкину Лайли в глазах Маджнуна.

Я возблагодарю тебя, если ты разрешишь трогаться в путь,

Ибо безгранично и беспредельно мое желание [побывать] на родине

[103](#).

Через три дня по приезде в селение Барнабад из-за

той самой болезни он переместился в соседство с

божьей милостью. Родился тот [господом]

прощенный [ныне] покойный [Абу Талиб] в 1051/

/1641-42 году, и сей отрывок из числа итогов

размышлений почтенного покойного мирзы

Мансура, градоправителя столицы Герат, уведомляет

о дате рождения того достохвального усопшего.

Роза удивилась соцветию достоинства и благородства

В году тысяча пятьдесят первом.

Его отец и дядя сказали мне [эти слова],

Каждый от нежности и любви [к новорожденному]:

“Скажите хронограмму на [дату] его рождения,

Чтобы она стала доводом для нашей памяти” *.

Я тоже хотел [сказать], поцеловал его в щечку,
Взял на руки и произнес без колебаний:
“О светило, взошедшее над башней великолепия”.

Из этой [хронограммы] становится понятной дата его рождения [104](#).

А кончина его [случилась] в полночь в четверг 3
рамазана Великого 1130/31 июля 1718 года. Он
похоронен подле мазара Вахид. ад-дина Мухаммада,
рядом /л. 34б/ с могилой почившего мирзы Аршада,
его дяди.

* Действительно, фундамент здания жизни непрочен,
Преходящий мир — место, где нет ни устойчивости, ни покоя *.

Сей отрывок блистательный амир Ансари написал
для сохранения [в памяти] даты кончины того
погрузившегося в пучину отпущения грехов
всесвятым господом богом. **Кыт'а:**

Увы, просторы цветника вселенной
Покинула ароматная роза, садовый кипарис.
Тысяча сожалений, сто рыданий, о горе!
Что ушел из жизни первый среди знатных.
Сто печалей по Абу Талибу,
Ибо он величественно прошествовал по царству вечности.
Птица феникс его души [из] райского гнезда

Полетела к [своему] основному жилищу, теряя оперение.
Что из того, что изранены сердца, грудь в шрамах,
[Грозит] гибель, коль из глаз капает кровь.
Что тут говорить, коль описать невозможно **[57]**
Это испытание, которое выпало на долю малого и старого.
Он был [человеком] редкого духовного склада,
Он ушел с пиршества доброжелательных [людей].
Когда я искал [хронограмму] на год его кончины, разум подсказал:
“Покинул свет наш мудрый старец” [105](#).

Дочь почившего мирзы Мухаммада Аршада, его дяди, жила в доме того почившего и была матерью его детей. Она переселилась из [сего] бренного мира в мир вечности за год до кончины [мужа], ночью, в воскресенье, 9 джумада II 1129/10 мая 1717 года. Сия стихотворная строка уведомляет о дате смерти той благочестивой усопшей:

Когда я перебирал в уме год ее кончины,
[Разум] подсказал: “Ее прибрал господь-повелитель” [106](#).

Мой почивший покровитель мирза Абу Талиб от этой достохвальной особы имел двух сыновей.
Поскольку умерший мирза Мухаммад Аршад, его дядя, не имел детей мужского пола, он еще при жизни изволил наречь своим именем старшего сына

[Абу Талиба] — мирзу Мухаммада Аршада, и это дед по матери пишущего сии строки. А другого назвали мирзой Абу-л-Фатхом. Он приходится автору дедом по отцу. Покойный мирза Мухаммад Аршад сын мирзы Абу Талиба, да простит Аллах обоим их грехи, имел своим правилом жизни, обыкновением и манерой житейские принципы своих предков, облаченных в одежды милосердия. Свою жизнь он провел затворником, занимаясь служением богу и сельским хозяйством. У него был почерк, совершенный по красоте я безупречной четкости. Несколько томов, переписанных рукой этого [ныне] покойного, /л. 35а/ были в числе книг пишущего эти строки . Их украл проклятый Ибрахим-хан. Небольшая часть записей его рукой сохранилась на полях некоторых рукописей. По ним очевидно совершенство его почерка. Он постоянно держал охотничьих птиц, занимаясь ловлей их и охотой с ними. В год повальной холеры он переселился в соседство всеведущего бога —

Он взрастил такой высокий кипарис [благородства],

Что [и] слава, благоволящая к нему, не могла его согнуть * [107](#) —

и похоронен рядом с мауланой Вахид ад-дином Мухаммадом, да будет земля ему пухом, да устроит Аллах его местопребывание [в раю].

От того облаченного в одежды милосердия на страницах судьбы не осталось ни одного потомка мужского пола, только две дочери — образцы целомудрия. Старшая дочь — от первой жены этого [ныне] умершего, дочери мира Мухьи ад-дина из [рода] сановных сейидов благородного происхождения; благодаря родству с почившим моим покровителем он принадлежал к числу наиболее известных и выдающихся людей своего времени. Она же — прибежище целомудрия — была в свое время опорой по части добронравия **[58]** и благочестия, в назидании и рвении предводительствуя людьми той эпохи. Несмотря на тогдашние беспорядки и на расстройство в делах [и] рода сего бедняка, и большинства жителей в том краю, эта отличающаяся целомудрием [особа] сделала поведение отмеченных печатью милости предков образцом для своего образа действий, весьма радея о чистоте [помыслов] и

благотворительных постройках. Так, она дала сумму в двенадцать туманов наличными из собственных средств, чтобы отремонтировали барнабадскую баню. Она позаботилась сверх того выдать также на расходы для обзаведения бани утварью и ее открытие. Она купила за семь туманов женщину с ребенком и отпустила их на волю. Поскольку описание [ее дел] в подробностях является причиной многословия, автор не продолжает.

Если бы [все] женщины были подобны этой,
То женщин предпочитали бы мужчинам *.

Дата кончины той благочестивой — 1190/1776-77 год, и эти слова — результат размышлений сего обескрыленного — содержат дату смерти той достославной. **От автора:**

“Да осветит Аллах всевышний ее могилу” [108](#).

Она погребена рядом с мауланой Вахид ад-дином Мухаммадом.

Младшая дочь покойного мирзы Мухаммада Аршада — мать пишущего эти строки. А бабка автора по

матери — дочь Абд ас-Самада сына хаджи мирзы Махмуда сына хаджи Али Акбара, который упоминался ранее. Покойный мирза Абд ас-Самад является племянником и /л. 356/ зятем почившего мирзы Мухаммада Аршада старшего. Если бы [автор] вознамерился упомянуть о его похвальных качествах, перечислить его таланты, описать добродетели и благочестие, многочисленные поместья и сельскохозяйственные орудия, просторные дома, обширные парки и сады, то по смыслу благородного изречения: “И если вы будете считать милость Аллаха, то не сочтете ее” [109](#) — сие не вместились бы в эти “Памятные записки”. И сейчас еще можно видеть остатки его построек и домов, большинство из которых нынче лежит в развалинах. **Стихи:**

По узорам на сломанной двери и стене
Угадываются черты персидских героев.

Старшая дочь мирзы Абд ас-Самада является бабкой по матери пишущего сии строки. Как станет очевидным по ходу изложения, она почилла в божьем милосердии в Святом городе Мешхеде в месяце зу-л-

ка'да Запретном года... ¹¹⁰ Ее похоронили в саду при гробнице святого Али ибн Мусы ар-Ризы, да будет приветствие над ним и благоволение. Во времена, когда Ибрахим-хан Гурийани разграбил и разворовал достояние и пожитки сего заблудившегося в пустыне хаоса, а мое гератское подворье Заман-хан подарил Бахрам-хану Фирузкухи, почтенная матушка пишущего сии [59] строки захворала в стольном городе Герате от чрезмерных страданий и беспокойства, от избытка горя и кручины, ибо ввиду преклонного возраста, упадка телесных сил и беспомощности она не смогла перенести унижение и нужду. Не было проку ни от усердных молений, ни от снадобий, ни от лекарств, [прописанных] врачами, и в четверг 21 раджаба Почитаемого 1212/9 января 1798 года птица ее души воспарила из этого разоренного обиталища в райское гнездо и нашла успокоение в милости щедрого господи. * Она удалилась из этого брениого мира в цветник вечности *. В припадках мук в эти бессчетные несчастные дни, при усугубившихся горестях и тяготах того кошмарного события, при полыхании

сердечного пожара и ниспосланном отчаянии, когда я за один раз лишился одежды человечности, а разум мой стал слабеть, я сочинил и записал сей отрывок ради закрепления в памяти даты этого скорбного события. **От автора:**

Покойница, сокрытая в худжре добродетели,
По ее благочестию были очевидны ее похвальные качества.
Моя госпожа, моя ласковая матушка,
Невозможно описать доброту ее нрава.
Пыль с дороги, по которой ступала она, была светочем, обострившим мое зрение,
Ее дыхание обильно орошало цветник моего сердца.
21-го числа месяца раджаба она покинула этот мир,
21-е число месяца раджаба стало днем ее кончины [111](#).

Ее похоронили в селении Барнабад в усыпальнице, которую мой почивший отец-покровитель */л. 36а/* построил именно для этой цели рядом со своей усыпальницей, да простит их Аллах и да озарит их могилы.

Мирза Абу-л-Фатх сын мирзы Абу Талиба, да простит Аллах их обоих. В тот раз, когда знаменитый отец его вознамерился уединиться, прекратить общение и оставить мирские дела, тот почтенный

усопший принял старшинство в роде и, несмотря на свою молодость, стал поручителем во всех делах своего отца, обязался наладить работы. Он проявил всемерное рвение в служении [отцу]. Наконец, в тот период ввиду изменчивости судьбы и уловок коварного рока народ этой страны постигло такое разорение и смятение, что большинство старых родов исчезло, а проходимцы-злодеи принялись вершить дела. **Фард:**

Презренные обманщики запутали положение во всем мире,
В горе пьют вино — [и вот] вино страданий оказывается в почете.

Власть и влияние злодеев-обидчиков стали причиной упадка сановников эпохи и предлогом для разорения уважаемых лиц. Благородные и именитые стали презираемыми и ничтожными; великие и власть имущие оказались заточенными в келье бедствия и несчастья.

Аршад не имеет в котомке иной ноши, кроме недружелюбия. [60]

Многие годы я понапрасну скитался по миру и понял, что уход, появление и смена государей эпохи связаны со всеобщим бедствием и сумятицей: “Цари,

когда входят в селение, губят его и делают славных его жителей униженными” [112](#). В то время также случилось, что были разорены и пришли в совершенное расстройство дела тех людей, кто избежал когтей смерти. **Фард:**

С одной стороны, похититель роз, с другой — сорочий гомон.
Как жаль прекрасные розы! Ох уж эти садовые птицы!

Доныне ясно видны и несомненно понятны зрячему следы тех событий и смут на страницах времен. Тогда, когда жестокий падишах Надир-шах Афшар в первый раз явился завоевывать этот край [113](#), мой [ныне] почивший покровитель мирза Абу-л-Фатх уехал из Барнабада в свиту того знаменитого падишаха вместе с десятью семействами своих близких и родственников. Предпочтя покинуть родину, он свое семейство и близких родственников оставил в Святой земле (Мешхеде), а сам в свите того могущественного государя /л. 366/ принимал участие в большинстве походов. [Так продолжалось] до той поры, когда тот высокоместный падишах вторично вошел в Герат, возвращаясь [из похода]. Он назначил [Абу-л-Фатха], несмотря на его недуг,

везиром вилайета Бадгис, определив для него два зауджа тиулов в счет [налогов] на воду и земли селения Сабул гурийанского вилайета ¹¹⁴. Волей-неволей [Абу-л-Фатх] в течение нескольких лет с отвращением занимался теми делами до тех пор, пока в другой раз тот высокопоставленный государь в период подготовки [к походу] на Туркестан не стал лагерем на пастбище Кухдастана ¹¹⁵. Названный [ныне] усопший [Абу-л-Фатх], почитая исполнение государственной службы противным образом жизни предков и старших в роде своем, находил их неподобающими своему положению. Он написал прошение, начинавшееся таким бейтом, **стихи:**

Поскольку я состарился, меня порадуют,
Если мне дадут документ и освободят [от должности],

и при посредничестве почившего Михраб-хана Чагани, который был в числе старых доверенных слуг того падишаха и давним знакомым моего почившего покровителя, представил на решение [Надира], прося об отставке с той должности. [Надир-шах] призвал его к себе в опочивальню и приказал: “Поезжай с нами. Через несколько

привалов, когда доставят твои счета, я отпущу тебя”.

Полагаясь на обещание, тот ныне усопший вместе с моим дядей мирзой Мухаммедом Бакиром, Алмас-мамлуком и еще двумя прислужниками, не собравшись [как следует] в дорогу и без дорожного снаряжения, так как предполагал, что проедет не более одной-двух стоянок, ехал до [самого] Балха.

Фард:

Как свечу, сожгло меня, Аршада, твое обещание: “Завтра”,
Жизнь прошла, и как бы не стал последним завтрашний вечер. [61]

А так как уже давно его терзала хандра и телесные силы его были на исходе, то во время езды верхом его стали донимать острые боли в сердце, и он скончался в местности, носящей название Ходжа-дубигах, что в окрестностях Балха [116](#).

[Между] вечностью и жизнью нет постоянной дружбы,
Так как мир сей не имеет ни прочности, ни устойчивости *.

Согласно его завещанию его там же и похоронили.

Фард:

До твоего квартала не долетит и пригоршня моего праха,
Хотя я теребил подол зефира, [умоляя об этом], —
да простит его Аллах и да озарит его могилу.

Да не останется тайной, что помимо дней, когда он
поневоле был вынужден заниматься
упоминавшимися хлопотами и делами, тот покойный
не ступил со стези предков, не согрешил
[поступлением на] государственную службу, не
покинул родину, не оставил могилы и дома
[предков], не испытал всех этих тягот, связанных с
лишениями и невзгодами. Всесвятой Аллах,
проявляя справедливость в отношении
современников, поступавших так же, оберегал /л.
37a/ и защищал их от других сотоварищей, приводя в
качестве ясного и понятного примера. Помощью,
направленной ко благу, наставлением на истинный
путь он окажет милость.

От почившего моего покровителя мирзы Абу-л-
Фатха осталось три прямых отпрыска, которых он
назвал мирза Мухаммад Риза, мирза Мухаммад
Бакир и мирза Мухаммад Казим. Мать покойного
моего дяди мирзы Мухаммада Ризы и моего

властелина — отца мирзы Мухаммада Казима является молочной сестрой покойного мирзы Мухаммада Али мунши, происходившего из именитых и благородных людей этого края. Он заведовал канцелярией столицы Герат. Ему принадлежали дома и добротные подворья около пятничной мечети столицы Герат. В дни сумятицы в этих местах и захвата власти Асадулла-ханом большинство известных людей из этого рода было перебито, а почивший мирза Мухаммад Али и его сыновья мирза Мухаммад Хасан и мирза Мухаммад Хусайн оставили свою матушку в доме Абу-л-Фатха, который доводился ему зятем, а сами направились в Астрабад [117](#). **Фард:**

Как печально, что в этом саду не растет
Ни один тюльпан, на сердце которого не было бы шрама.

Там они также пользовались почетом и уважением. Например, покойный мирза Мухаммад Хусайн, сын мирзы Мухаммада Али, был отличен при особе его высочества купола великодушия Мухаммада Хасан-хана Каджара саном везира [118](#). Вместе с тем ханом-

благодетелем они приняли мученическую смерть за веру.

[Даже] если ты в величии своем ступишь ногой на небо,
[И] то в конце концов тебе найдется место под землей *. [62]

[Мухаммад Хусайн] построил в Городе верующих Астрабаде в квартале, известном как Сабз-и Машхад [119](#), и на улице Сухта-чинар очень красивые высокие дома. Между ним и моим покойным отцом-властелином шла оживленная переписка. Из ее числа в этих “Памятных записках” приведены как образец копии двух посланий.

*Копия послания мирзы Ризы и мирзы Абд ас-Самада,
сыновей покойного мирзы Мухаммада Хусайна,
которое они написали вместе с сотником Махди
Фарахи моему покойному покровителю*

Если бы моя беспокойная душа не билась бы в теле, подобно стрелке компаса,
То улетела бы к тому покровителю (адресату).

[Пишущие] доводят до блистающего, затмевающего блеск луны мнения его светлости высокостепенного, высокоместного, похвальных качеств нашего

господина [следующее]. Поскольку [Вы] изволили интересоваться всеми злключениями своих искренних давних друзей, [сообщаем], что, благодарение всевышнему господу, мы продолжаем влачить бессмысленное существование в Обители верующих Астрабаде /л. 376/ и занимаемся молитвами об умножении успехов [Ваших] в обоих мирах и обретении желаемого и необходимого [Вам] на этом и том свете. Поскольку от подозрения в лицемерии далека наша надежда на то, чтобы высокие помыслы сих сгоревших в огне жажды встречи и расплавленных в пламени разлуки [с Вами] достигли бы цели исполнения стремлений (о господи, прими мольбы добросердечных!), то ныне при тесном общении с высокостепенным, высокодостойным Махди-беком сотником, движущимся в направлении созвездия Близнецов, и благодаря неумному [нашему] желанию [видеть Вас] он оживил предания о нашей искренней приязни. Пусть тот самый молодой человек согласно обычаям нежной дружбы по постижении всемерной радости служения [Вам] соизволит окропить кущи

[нашей] памяти, хранящей привязанность к [Вам],
искусным пером в стиле Мани и его картинной
галереи на зависть садам Эдема и освободит Ваших
доброжелателей из оков печали призывом к
безраздельному служению [Вам].

Пока солнце на восходе сияет обилием света,
Пока [человек] ставит ногу в полуденную тень,
Да не посягнут враги на твои помыслы,
Милостью создателя да пребудет ясным мир под знаменем твоим,
Да упрочатся шатры его счастья и славы,
Милостью господи пусть они будут вечными. **[63]**

*Копия послания Астрабадской родни, которое было
переслано при посредстве покойного муллы Абу
Мухаммада Астрабади, проживающего в Святой
земле*

В том месяце наш день превратился в ночь из-за разлуки,
Ох, ох, ох, как мы измучены расставанием.

По желанию великого Аллаха судьба кончиками
пальцев считает листы дней и ночей. Да будут
бессчетными, скрепленными печатью вечности
листы годов и месяцев того господина — [адресата].
Дописав страницу до концовки, изъявляющей

приянь, [пишущий] доводит до сведения
дражайшего высокоуважаемого обладателя блеска
солнца и сияния луны в ее наивысшей фазе, что,
после того как гератский купец Махди-бек изволил
отбыть из Обители верующих Астрабада, [сему]
двойнику верности были отправлены два
великолепных послания, превосходных драгоценных
письма, которые стали предметом гордости и
радости искренних друзей [Ваших]. Оттого что
[получатель] являл собой мерило постоянства,
сдерживал бурные чувства, [письмо] сделалось
источником ликования. Смогу ли поведать [Вам],
насколько тонкие замечания, [что сродни] ярким и
ароматным цветам в садах утонченности, и
изысканные выражения [письма] — плод
удовольствия в саду радости — наполнили запахом
амбры вечернюю трапезу Ваших искренних друзей, а
вкус разлученных [с Вами] ощутил сладость
[свидания]. Надеюсь, что, всегда сознавая пользу
общений [и] соблюдая похвальный обычай
благоволения к друзьям, [Вы] приступите к
изложению правдивых благополучных обстоятельств

Ваших, которые являются тысячею основой радости и веселья, и сочтете это образцом оказания /л. 38а/ милостей и благодеяния, чтобы узнавать о судьбе сих отторженных от улицы общения.

Воистину, все мы, благодарение Аллаху, продолжаем влачить бременное существование в городе верующих Астрабаде в квартале Сабз-и Машхад на улице Сухта-чинар. Мы молимся о благе того господина и его детей, то есть мирзы Мухаммада Ризы и мирзы Мухаммада Али. Уповаем, что стрела просьбы возносящих молитвы попадет в цель осведомленных о благоприятном ответе и, хвала Аллаху, не постигнет бедствие конской чумы сих блуждающих в далекой пустыне, ни мужчин, ни женщин.

От покойного моего дяди Мухаммада Хасана остался ребенок мужского пола по имени мирза Мухаммад Али, которому ныне более двадцати шести лет. Он введен в права наследства и заявляет о полном повиновении. От нашего покойного благочестивца-родителя осталось трое потомков мужского пола и трое — женского. Мы оба довольны двумя его

детьми мужского пола, одного из которых зовут Мухаммад Муким, а другого — Мухаммад Хусайн. Третий же наш брат, который по возрасту моложе нас, [Ваших] искренних друзей, и которого звали Мухаммад Махди, [64] два года тому назад переместился в соседство с милостью Аллаха. Он доставит просьбу молящихся усопшим родственникам [нашим].

Если вспомните об оказавшихся вдали от Вас Ваших искренних друзьях, напишите, в каком квартале стольного города Герата изволите проживать, упомяните, как величать всех родственников, и располагайте нами, если нужно сослужить [Вам] службу. Во всех прочих Ваших делах Вы — наш повелитель.

В 1190/1776-77 году мирза Мухаммад Риза, старший сын покойного мирзы Мухаммада Хусайна, выехал из Астрабада, намереваясь встретиться с [ныне] усопшим моим отцом-покровителем. Он посетил столицу Герат и возвратился, прожив там три месяца. А два года спустя дошла весть о его кончине и

перемещении из сей скорбной обители. Другой его брат, мирза Абд ас-Самад б. мирза Хусайн б. мирза Мухаммад Али, в период, предшествующий этим семи-восемью годам, пользовался всемерным почетом при дворе владыки, равного небесной сфере, — Хусайн-Кули-хана Каджара [120](#).

/л. 40a/ Покойная матушка моего дяди мирзы Мухаммада Бакира приходится молочной сестрой мирзе Джа'фару, градоначальнику столицы Герат. А мирза Джа'фар — сын мирзы Мирака сына мирзы Мансура, градоначальника, об обстоятельствах которого кое-что уже было рассказано. Должность гератского градоправителя была наследственной в их роду. Благочестивый покойный мирза Мансур приходился в бозе почившему мирзе Аршаду старшему двоюродным братом по материнской линии. В его доме бывала и сестра мирзы — прабабушка родителей пишущего сии строки. У них были очень хорошие высокие дома, расположенные в квартале Хийабан к северу от столицы Герат. И в квартале Новый мазар, что внутри города, у них были добротные подворья. Все принадлежавшие им

за городом дома нынче разрушены, а их подворья в Новом мазаре захватил Атаулла-хан сын Хызр-хана ализая.

Они имели еще много земельных участков в гератских кварталах. Купчие грамоты на многие из этих участков находятся у их наследников. В том числе большинство земель Раузе-баг и Орду-баг принадлежало им. В Святой земле — священном Мешхеде — они отвели для себя четыре зауджа годных для земледелия [участков, приданных] вакфу гробницы. Вакфная грамота была написана рукой почившего моего покровителя мирзы Аршада и нынче находится перед пишущим эти строки. Изложение ее для памяти автор записал в этом *тазкире*. Вот оно.

Черновик вакфной грамоты

О проникший в тайны мудрости и совершенства,
Постигший самую суть величия и славы,
О бессмертный господин, бесподобный миродержец,
Безгрешный блистательный владыка! [65]
Если не воздать хвалы твоим достоинствам, [то] поколеблются основы
[любого] дела,

Если не восславить тебя, стократ ослабнет вера.
В твою честь перо открывает [каждую] новую главу,
Любой разговор начинается славословием тебе.

Красноречие изощренных и блистательных умов,
подвиги славных богатырей неизменно посвящены
властелину, святость господства коего ограждена и
избавлена от самой малости упадка, а тень дворца
величия коего освобождена и очищена от ущерба
порока и тлена. Он — тот, доказательства
божественной сущности коего пронизывают каждую
клеточку всего сущего, как лучи сияющего солнца.
/л. 40б/ Свидетельства его неповторимости как бы
сияющим драгоценным карбункулом озаряют любую
тварь рода людского по всей вселенной. И все, что
есть у него, — признак того, что он един.

Благодаря окрыляющей радости хвалы ему
талантливые восходят на высшую ступень
совершенства; счастьем нескончаемых здравниц ему
сановные и вельможные достигают еще большего
великолепия. Обильным струящимся потоком его
щедрот приводятся в движение дела и богатых и

бедных. Искренняя безграничная благодарность ему по нраву истинно милосердным.

Облако его щедрот рассыпает дары, как капли,
Каждая капля источает океан милостей. Райскую
землю, источник Коусар и обетованный край
[Пророк] сделал вакфсм бедняков и наградой нищих.

Лучи [его] восхваления и славословия, которые
сиянием светильника славы и факела известности
умножают блеск общества чистоты и расположения,
есть дар осененной благодатью усыпальницы и
святой благородной могилы великодушного
господина. С тех пор как лампа луны и фонарь
месяца льют и будут струить свет с аркады небесной
галереи на обширные просторы земли и равнину
постели небосвода, палаты посланничества и
пророчества, дворец имамства и халифатства не
озарялись и не озарятся всеосвещающим
светильником, подобным его святейшей сущности.
Он — итог рода человеческого, отпрыск и потомок
знаменитых, предводитель, так сказать, ценнейший
бриллиант среди тех, кто являются попечителями

наивысочайшего завещанного имени и хозяевами
пиршественной залы, где едят и пьют. Он — апогей
сейидов, блеск, вождь племени владетелей будущей
державы, неустрашимый герой ристалища. Он —
разящий меч Аллаха, его решающий аргумент,
истребитель нечестивых неверных.

Он — печать пророков; просторы вселенной

Озаряются светом его наставлений.

Он — предводитель государственных мужей. Райская земля

Завещана его потомкам и дарована его народу.

Однако для набожного, [опочивальня] души
которого озарена светильником разума и
побуждений веры и светом дальновидных [66]
раздумий, /л. 41a/ несомненно очевиден и ясен
подлинный смысл того, что всякий, кто зерно
упований и надежд посеет на непрочной ниве
преходящей мирской жизни, пожнет лишь сожаление
и раскаяние, а всякий, кто из урожая существования
и бытия не собрал припасов для жизни в
потустороннем мире, [тем самым] сжег молнией
невежества, пламенем ущерба и угрызений совести
гумно разума и рассудка. Стихи:

Зачем ты бросаешь в землю зерно, коль
Раскаяние будет твоим урожаем?
Раз уж ты надеешься на прочность и постоянство,
[Знай], что река Кулзум — мираж вдали.

Итак, счастлив и даже нравственно велик тот, кто
[свое] достояние в сей эфемерной обители ужаса
почел способом снискания милости всевышнего
господа, принесение в дар имущества — средством
восхождения по ступеням самосовершенствования, а
пожертвование в вакф земель признал возможностью
оказания благотворительности.

Он — прозрачный кристалл правдивой души,
воплощение грез, разум неисчерпаемых запасов
милости, светоч общества благородства, знатности и
могущества, источник света среди великолепия,
недостигаемости и благотворительности, владыка
стран благодетельности, прозорливости и щедрости,
старший из собратьев края удачи, преданности и
согласия. **Стихи:**

Он — тот, кто рукой доброты в источнике щедрости постоянно
Смывает пыль просьбы о подавании с лица бедняков и нищих.
На ниве его милостей вслед голодному
Зерно [летит], расправив крылья, как летучий муравей.

То есть я имею в виду его превосходительство вельможного, благородного, знатного, сановного мирзу Абу Талиба. Он — полнозвучный аккорд достоинств, почета, величия, титулованная особа, прибежище знатных, человек примерных правил обходительности, влиятельный, отмеченный знаком божьей помощи и содействия, полновластный владетель, увенчанный славой, угодный богу, именитый, высокочтимый, правдивый очевидец сих слов и четкий отпечаток этих событий, безгрешный “в тот день, когда не поможет богатство и сыны” [121](#).

Прозорливым оком поневоле предвидя конец своих дней : “Что вы уготоваете вперед из добра для самих себя, найдете это у Аллаха” [122](#), он передал в утвержденный вакф и сделал вечным владением при своей гробнице, расположенной в высоком святом Мешхеде, к югу от прохода к месту убиения всех и вся, посевные площади, называемые Нахр-и Кулзум, и пахотные земли Афзал-абад, а также мельницу, известную под названием Большая мельница, которую приводят в движение воды тех двух

пахотных участков, находящихся в уезде Сабкар, входящем в число уездов столицы Герат. [67]

В целом оба названных пахотных участка и все земли, которые вышеозначенным на законном основании пожертвованы в вакф, примыкают друг к другу /л. 41б/ и переходят один в другой. Очертания его сельскохозяйственного надела от селения Фарак и Артехан имеют вытянутую форму и определяются соотношением три на десять. [Надел передается] вместе с постоянным двором, земельными угодьями, семенами, ссудой, племенным скотом, орудиями, необходимыми для сельскохозяйственных работ, и всем прочим, к тому относящимся, к тому принадлежащим, имеющим до того касательство, и тем, что по законному праву полагается.

Упомянутое вакфное пожалование ограничено с четырех сторон так: на востоке пахотными землями селения Нусан; на западе землями, причисляемыми к селению Фарак; на севере — к орошенному земельному участку, по которому течет река уезда Хийабан; на юге общей столбовой дорогой и

тиулами упомянутого вакфа. Осуществление и выполнение законных условий этого [акта] возлагается на старшего и достойнейшего из потомков его превосходительства вышеупомянутого завещателя. А не приведи боже он умрет, не оставив детей, — следует передать мужским потомкам его сестры и прочим родственникам соответственно близости родства и порядку наследования. Чем дальше родство, тем позже [черед] [123](#).

Условия упомянутого вакфа и особенности расходования урожая и денежных поступлений с него, подобно тому как ранее заявлено относительно получения его превосходительством учредителем, заключаются в том, чтобы упомянутое обращенное в вакф имущество не сдавали в аренду более чем на три года, не позволяли бы куплю-продажу, заклад, передачу в виде выморочного достояния, раздел и дробление между главами рода и домочадцами. Законный попечитель этого [вакфа] после надлежащего досмотра и выполнения условий пусть постарается и озаботится выплатой десятины из доходов всего вакфа за вычетом *малуджихата*,

налога в пользу правительства и государства,
неизбежных затрат, посевного зернового фонда,
расходов на ремонт и восстановление разрушений и
всего нужного для регулярного
сельскохозяйственного производства, с тем чтобы я
получил то, что мне положено за труды, то, что
полагается владельцу-управителю.

А из того, что останется, каждый год надлежит
выделять сумму в один туман пять тысяч динаров на
содержание одного чтеца и освещение гробницы
родителя, сестры, жены и тетушки упомянутого
завещателя, которые похоронены под аркой кельи
единобожия, известной как арка Мир Али Шира.
Пусть они позаботятся [о могилах] и делают все
полагающееся — утром и вечером читают Коран, и
пусть свет никогда не гаснет. И еще — отныне и
впредь пусть каждый год [попечитель] выделяет
сумму в три тумана на ковер, освещение и
исполнение обязанностей чтеца Корана, который,
находясь подле упомянутой гробницы, будет утром
[68] и вечером занят чтением нараспев Корана.
Постелив ковер и , позаботившись об освещении, /л.

42a/ он сделает все необходимое. Из остатков доходов каждый год пусть определяют толику надежному человеку, который ежевечерне по пятницам, приготовив халву и запасшись хлебом, раздает [это] у изголовья гробницы бедным и нуждающимся. А что еще найдется из имеющейся наличности и упомянутых излишков в части расходов вакфа, то вручить достойным уважения людям, кои имеют законное право, с тем чтобы они, тратя на свое пропитание, помогли бы завещателю молитвами о его благе, изменений и искажений сего установления не допускали бы. [Да будет он] вакфом истинным, выверенным по шариату, действительным, обязательным, подтвержденным, увековеченным. “А кто изменит это после того, как слышал, то грех будет только на тех, которые изменяют это” [124](#). А от людей [требуются] всевозможные усилия по попечительству, предоставление полномочий и забота о том, чтобы вверенное имущество не было разорено и захвачено и не были бы отменены условия [вакфной записи]. Тому, [кто изменит], — проклятие Аллаха, ангелов и

всех людей. И было это 11-го числа месяца раджаба Почитаемого 1098 года от бегства пророка, да благословит его Аллах и в начале и в конце (т. е. 23 мая 1687 г.).

Мирза Мухаммад Риза сын мирзы Абу-л-Фатха, да простит Аллах их обоих. Среди равных и подобных себе он выделялся и отличался похвальными качествами, присущим ему великодушием и храбростью. Он великолепно писал почерком настали [125](#), отлично вел счетные книги и был также совершенен во владении военным оружием. После кончины своего отца согласно грамоте грозного падишаха Надир-шаха Афшара он был назначен на должность везира вилайета Бадгис. В последние дни жизни Надира [126](#), когда из-за одолевавших этого могущественного падишаха приступов гнева и ужаса ни у кого не хватало смелости подступить и приблизиться к нему, тот благочестивый усопший, привезя перечень денежных счетов столицы Герат в Святую землю (Мешхед), представил их пред очи высоки местного падишаха и получил его согласие и одобрение. Осчастливленный, он возвратился с

дарами и халатами, в добром здравии, гордый и уважаемый. В период здешней сумятицы, когда из-за набегов и грабежей племен аймаков [127](#) и узбеков и ввиду разразившегося голода наш край был разорен, во всем вилайете Гурийан, где обычно насчитывалось по переписи населения семьдесят-восемьдесят тысяч семейств, не осталось ни одной живой души, кроме тридцати семейств, /л. 42б/ собравшихся в барнабадской крепости со всего гурийанского вилайета.

В 1160/1747 году сто пятьдесят всадников из племен джамшиди и хазаре одновременно собирались напасть на селение Барнабад. Мой [ныне] почивший дядя по линии отца выступил из [\[69\]](#) крепости, чтобы сразиться с ними и отогнать. Раненный ружейной пулей неким Шукуром, он обрел счастье, представ перед богом как мученик [128](#).

* В мирском саду никто не видел ни богатства, ни блаженства,
Ни признака верности на лице счастья.
В этом мире обмана нет доверия разуму,
Никто не видел ничего более смутного, чем сей горестный мир *.

Пишущий сии строки так зашифровал дату мученической гибели того усопшего: “Роза пала на землю от разрыва сердца” [129](#). Эта дата получается также из таких слов: “Он приобщился к милости божьей”. То же явствует из следующего полустихия:

“На долю моего дяди выпало стать великим мучеником” [130](#).

Он похоронен в гробнице мауланы Вахид ад-дина Мухаммеда, да простит Аллах их обоих и да упокоит его вместе с другими мучениками и праведниками.

Дочь покойного ходжи Абу-л-Хасана, ведшего свое происхождение от высокочтимых шейхов, родство семьи которых очевидно и несомненно возводится к куполу праведников шейху Ахмаду Джаму [131](#), * жила в доме моего почившего дяди по линии отца *; особо почтенная ступень этого родства [с шейхом Джамом] явствует из книги *Бахр ал-ансаб* [132](#), составленной относительно генеалогии того клана.

После трагической гибели моего дяди ту доброжелательную особу взял в жены мой повелитель-отец. Мой брат Мухаммед Али ступил из тайны небытия на ристалище жизни из чрева этой

ныне почившей. В последний раз, когда мерзкий Ибрахим, торговец пленниками, заковав в цепи [моего] сына Абу Талиба и Абд ас-Самада, сына моего брата Мухаммада Али, увел их из Барнабада в Гурийан, как то будет явствовать из последующего изложения [133](#), сия достопочтенная особа, выслушав эту устрашающую весть, пала, разбитая параличом. Два дня она лежала без движения и сознания, не произнося абсолютно ни звука. На третий день она скончалась. Находясь тогда в осаде в Герате, пишущий эти строки также не имел возможности навестить ту любезную покойницу. О Аллах, ты — мститель истинный и справедливый. Раз временщики и беспечные правители этой страны не имеют ни чести, ни стыда, ты — могущество и познание тайн возмездия — отомсти за поборы и насилия неправедных вероломных злодеев, /л. 43а/ причиненные нам, угнетенным и несчастным. Не допусти их (наильников) в загробный мир, не взыскав с них в сей недолговечной земной юдоли за невинно пролитую кровь. **От автора:**

О господи, накажи моего обидчика,
Освободи мое исстрадавшееся сердце от его насилий.
До каких пор из-за его надругательств мой день будет ночью,
Окажи милость, сделай днем мою непроглядную ночь.

Погребена та покойница в склепе, который мой
почивший [отец]-покровитель построил для этой
цели, в мазаре мауланы [70] Вахид ад-дина
Мухаммеда, подле усопших отца и матери пишущего
эти строки, да простит их Аллах и да озарит их
могилы.

Мирза Мухаммад Бакир сын мирзы Абу-л-Фатха, да
простит Аллах их обоих. По примеру своих
почитаемых предков он избрал отшельнический
образ жизни, занимаясь земледелием. Большую часть
времени он ухаживал за охотничьими птицами,
увлекаясь ловлей [зверей] и охотой с соколами. Во
время осады столицы Герат высокоместным шахом
Ахмад-шахом ¹³⁴, когда мой [ныне] покойный отец-
покровитель исполнял должность начальника
канцелярии названной столицы и находился в
осажденном городе, моего благочестивого дядю в
Барнабаде по подстрекательству подлых злодеев

этой области чрезмерно донимали назойливые люди. В случае, если [автор] приступит к подробному изложению их поступков и обстоятельств того покойного, это удлинит повествование. Поскольку время не позволяет этого и намерение [автора] быть кратким, он к рассказу о них не приступает. Стихи:

Я не обнажил шрам от раны на груди моих книг,
Однако причина написания находится вне меня — в самих обстоятельствах.

Он умер от желтухи в месяце зу-л-хиджжа Запретном 1181 /апрель — май 1768 года около семи часов пополудни.

*Кому судьба даровала спокойное место под солнцем?
Ведь рассвет так непродолжителен.
Портной судьбы никому
Не сошьет рубашку без того, чтобы она не превратилась в саван*.

Он похоронен в мазаре мауланы Вахид ад-дина. Вот отрывок, содержащий дату его кончины:

Увы, какое горе, что он ушел из сада жизни,
Он был благоухающей розой, струящей аромат, подобно розовой воде.
Тысяча сожалений, что он пал под ударом топора смерти.
[Так] ранней весной саженец спешит в черную сырую землю.
Он — наилучший из избранных, итог благородных,

Излучение сущности величия, всеобщий любимец,
Молодой росток райского цветника, мирза Бакир.
Рай — место, где по милости всемогущего
Его сердце воссияет, будто оно соткано из лучей.
Спеша уйти из этих мрачных руин, он взмахнет полой,
Его прах поселится в недрах земли.

/л. 43б/ Хотя им разбиты многие сердца,
Птица его души торопится в райский сад,
По этой причине слово “торопится” вошло в счет [определения] даты
его кончины [135](#).

В доме моего дяди жила дочь покойного мирзы Калб Али, которого описывали как властного и знатного человека, и был он известен и славился большим богатством и обширными поместьями. Родство той семьи возводится к мирзе Ахмаду, известному как Наджм Второй, который при высокоместном шахе Исмаиле [\[71\]](#) Сафави был возвеличен саном векила [136](#). Подлинные его обстоятельства упомянуты и записаны в истории *Хабиб ас-сийар* и в *Тарих-и алам-ара-йи Иран*, в обеих названных книгах [137](#). У него были поместья в триста зауджей в пределах вилайетов Фарах, Исфизар и Герат [138](#). Купчие крепости на большинство земельных владений существуют и сейчас. Поскольку дочь покойного

мирзы Джа'фара Шахрийари приходилась моему дяде теткой по материнской линии, она была в доме мирзы Калб Али, а сестра Калб Али — в доме мирзы Джа'фара. Супруга моего покойного дяди была посватана мирзой Джа'фаром, ее дедом по материнской линии. Она родила моему дяде одного сына и двух дочерей. Сына звали мирза Хасан Али. В наши дни Ибрахим-хан Гурийани, торговец пленниками, со своими приспешниками наворовал, нагабил и обобрал его на сумму пятьсот туманов наличными серебром, товарами и имуществом. Несколько его крестьян было убито, его служанки пошли с торгов. Теперь из-за неразберихи, нынешнего хаоса, из-за бесконечных трудностей с продуктами питания его одолевают беспокойство и уныние. Он занят сельским хозяйством и живет затворником. **Стихи:**

От большого горя он подобен уху, стенающему от боли:

Оно стонет и само слушает свой стон.

Он надеется, что всемогущий [бог] — правый судия — воздаст за обиды несчастного тем злодеям —

угнетателям и насильникам в сей недолговечной обители, не допустив их до судного дня. **От автора:**

О господи, ты единственный знаешь обо всех обстоятельствах.
Пред тобой не нужен ни челобитчик, ни свидетель.
Так как подлые негодяи ведут себя недостойно,
Лучше уж на всех поровну разделить такое принуждение, о господи.

Старшая дочь моего покойного дяди жила в доме пишущего эти строки. Она — мать моих сыновей Мухаммада Аршада и Абу Талиба. Младшая дочь его жила в доме моего брата Мухаммада Али. Она родила ему сыновей Абд ас-Самада, Ахмада и Абу-л-Фатха. Да будет угодно всевышнему Аллаху, да исполнятся все их желания в земной жизни, они получают требуемое в обоих мирах и достигнут цели.

/л. 44а/ Покойный благочестивый мой отец-покровитель и повелитель мирза Мухаммед Казим, сын мирзы Абу-л-Фатха, да простит их Аллах и да озарит их могилы. Его отличали качества: смиренность, честность и верность слову. Во всех делах он был знаменит и известен прямоотой суждений, твердостью намерений, благоразумием. В своем поведении он следовал стезей кротости и

смирения. Так, несмотря на то что в его конюшне всегда находилось семьдесят-восемьдесят прекрасных коней и он говаривал: “Сколько помню себя, мы в нашей конюшне всегда имели по [72] меньшей мере одного коня стоимостью пятьдесят туманов, если не больше”, тем не менее он никогда не приезжал верхом к дверям резиденции шаха и правителей. Зимой ли, в дождь или в слякоть, пока было возможно, он ходил пешком, так что подчас случалось, что шаровары его были запачканы грязью. Хотя правители и прочие сановники и его друзья настоятельно советовали ему ездить верхом, но он не соглашался, следуя стезей скромности. Издавна у нас были два-три семейства, рожденных в доме гулямов. За триста тебризских туманов наличными отец купил слугу и служанку. Их детей он отдал в учение, и они стали мастерами своего дела: один — банщиком и массажистом, другой — портным, третий — пекарем. Вместе с тем он для себя лично никогда не имел ни прислуги, ни рассыльного, чтобы его не причисляли к знати. Он не носил ничего, кроме бязи, ситца и сукна, никогда не надевал шелковых и

других [дорогих] одежд. В обществе он никогда не садился на самое почетное место. **Стихи:**

Учись скромности, коль жаждешь благодати,
Ибо вода не течет вверх по склону горы.

В течение тридцати пяти лет, согласно грамотам независимых падишахов Надир-шаха, Али-шаха, Шахрух-шаха и Ахмад-шаха [139](#), он исполнял должность начальника канцелярии столицы Герат. Все правители и ханы — его современники — относились к нему с любовью и расположением, не отворачивались от его справедливых и разумных слов. Помимо службы в канцелярии столицы Герат /л. 44б/ он в течение четырнадцати лет согласно распоряжению несравненного повелителя (**от автора**):

Воображению не вместить [все] похвалы, [которые он заслуживает],
Бессильно слово описать его достоинства,

Государь высокочтимый Тимур-шах [140](#),

Правосудный бесподобный владыка.

Да будет вечной и непоколебимой его власть,

* Да не коснется ее ни вред, ни ущерб * —

был занят исполнением обязанностей везира земель *халисе* ¹⁴¹ в столице Герат. Из числа общественных сооружений, которые сохранились с тех дней благодаря ремонтным работам отца, насколько помнит пишущий эти строки, ему удалось, во-первых, ремонт бассейна Мир Хусайни, находящегося в квартале Мисрах в Герате. Он был разрушен, и мой [ныне] почивший покровитель восстановил его. Во-вторых, он отремонтировал бассейн, находящийся в селении Джабраил, принадлежащем к району Инджиль в округе названной столицы ¹⁴². Кроме того, в тот раз, когда по просьбе Джа'фар-хана курда покойный Дервиш Али-хан хазаре, беглербек Герата, с войском, состоявшим из хорасанских родов ¹⁴³, был направлен наказать и подчинить некоторые [73] курдские племена, жившие в районе Нишапура, и захватил в плен большинство из них, мой ныне почивший отец-покровитель освободил троих из них от продажи в рабство. Это были курды рода амарлу — Таги, Гульзар и девушка по имени Пери, взятые в плен в крепости Марс ¹⁴⁴. Ради [своего] доброго имени он вытребовал их из Нишапура в Герат.

Девушке Пери, которой было двенадцать лет и которая оставалась девственницей, а также Таги и Гульзару он дал дорожные припасы и продукты, которые им были необходимы, снарядил и... [145](#) отправил их в родной вилайет. Своего мальчика-индийца, слугу по имени Рустам, которого он [в свое время] оставил для работы банщиком — и он сделался хорошим банщиком и массажистом, — а также Фатиму, купленную им невольницу, он освободил и отпустил на волю. Отец покупал за наличные деньги мальчиков-слуг и девочек-*джарийе* [146](#) до тех пор, пока их у него не набралось двадцать два — двадцать три человека. Купчие крепости на них и сейчас находятся перед пишущим эти строки. Большинство из них (купленных детей) он (отец автора) приставил к какому-нибудь делу или ремеслу. Многие из мальчиков стали старостами. Он добром, по-отечески обходился с ними. Настолько хорошо, что [было такое]: на одного мальчика-слугу [147](#) /л. 46а/ из калмыков по имени Афрасиаб [148](#), [принадлежащего] моему покойному отцу-покровителю, позарился высокоместный монарх

Тимур-шах, повелев, чтобы стоимость его (Афрасиаба) была выплачена моему покойному покровителю, а его самого увезли к шаху. Названный мальчик-слуга в течение семи-восьми месяцев приходил к моему покойному отцу-покровителю и плакал. Не соглашаясь столоваться у управляющего [149](#), он обедал и ужинал в нашем доме. Так продолжалось до тех пор, пока шах не наложил запрет, приказав отцу не пускать его к себе в дом и не кормить у себя. В течение последующих двенадцати лет, что он еще был в живых, он выказывал шаху покорность. Однако, несмотря на то что он стал на шахской службе близким и доверенным лицом, он сохранял верность и оказывал услуги моему покойному отцу-покровителю и пишущему эти строки. Он постоянно присылал нам из Кабула и Пешавара письма и подарки.

В земледелии не было никого более рачительного, чем покойный отец. Попечением моего отца были распаханы многие заброшенные участки в Герате и большинство из них засеяно. Он привозил много хорошей семенной пшеницы, прекрасный рис

“шали” из отдаленных краев. Его усердием и заботами это зерно в изобилии выращивалось в Герате. Так как он уделял большое внимание качеству риса и пшеницы, чистоте продуктов и их обработке, то его рис получил большую известность. Об этом было доложено его величеству Тимур-шаху, [и] он изъявил желание, чтобы ежегодно присылали в качестве подношения двести маннов риса в Кабул ко двору его величества. Несмотря на хорошее качество [74] пешаварского риса [сорта] “чампай”, шах одобрил и хвалил тот [отцовский рис].

Каждое заявление моего почившего отца-покровителя его величеству монарху тени господ Тимур-шаху встречало положительное решение. Так, по ходатайству и прошению моего покойного отца-покровителя его величество тень господ [шах] в течение двух-трех лет безводья и засухи в нашем вилайете пожаловал земледельцам, работавшим на землях *халисе*, и населению той местности налоговые льготы на четыре-пять тысяч харваров зерна ¹⁵⁰. Эти самые грамоты, жаловавшие послабление в налогах, нынче находятся перед пишущим эти строки.

Прежние правители и его младшие современники старались оказывать ему внимание и уважение, проявляли к этому [ныне] усопшему всемерное дружелюбие и сочувствие. И он также высказывал благодарность вельможам, поддерживая добрые отношения и водя знакомство /л. 466/ с подобными ему по знатности современниками, с должным уважением обходился с ними, не жалея ни денег, ни сил.

Так, когда Дервиш Али-хан беглербек оказался в опале и бедствовал, его величество Тимур-шах неоднократно приказывал моему почившему отцу-покровителю: “Перестань водить знакомство и навещать Дервиш Али-хана, иначе мы призовем тебя к ответу”. В таком же смысле он (Тимур-шах) известил отца посланием, начертанным собственной рукой его величества шаха, препроводив его с посыльным придворным Ахмед-ханом, сыном покойного Михраб-хана. При посредстве вышеозначенного [гонца] им (шахом) в отношении этого было дано предписание и подтверждение [содержавшегося в письме]. Покойный отец ввиду

расположения, проявленного к нему [ранее] Дервиш Али-ханом, понес урон и убыток на сумму в тысячу туманов, но от дружбы с ним не отрекся. **Фард:**

Ты — шах — казни, ты — шихне — руби голову,
Но даже ради собственной жизни отворачиваться от любимых — так истинно преданные не поступают.

В конце концов его величество шах сам воздал должное справедливости и похвалил поведение покойного отца.

Кто бы ни znalся с ним или когда-либо оказывал ему услугу, отец всю жизнь помнил это и проявлял любовь к нему и к его детям. В случае смерти или поминок родственника или знакомого отец большую часть расходов, связанных с похоронами и трауром, брал на себя. Помня об этом, Мухаммад Рахим, ключник деда пишущего эти строки, умершего шестьдесят лет тому назад, всякий раз, когда приходил в Барнабад, подправлял постройку, возведенную над его могилой, а сыновьям его (покойного) надоедал настойчивыми просьбами,

почему-де не обращаете внимания на ремонт
[склепа]. [75]

Некто по имени Бакир первые пятьдесят лет
занимался земледелием в селении Навин ¹⁵¹, а после
того был управляющим поместьями моего покойного
покровителя. Он сам, бывало, говаривал: “Помимо
подарков и других милостей он (отец автора) каждый
год обычно жаловал мне три кафтана. Выходит, что
за пятьдесят лет он отдал мне сто пятьдесят кафтанов
да еще я за период службы ему стал владельцем
земельной собственности стоимостью в двести
туманов”. Какой-то афганец, пожелавший жениться
на его дочери, давал моему покойному отцу-
покровителю наличными тридцать туманов, дабы он
не чинил помех. Отец не согласился,
воспрепятствовав этому браку. Сумма денег и вещи
моего покойного отца-покровителя, переданные и
выданные на время в виде ссуды по векселям,
находились у названного Бакира. Впоследствии,
после смерти моего отца-покровителя, я простил ему
вексель на два тумана наличными и на пять харваров
зерна по его обязательствам. А свою долю

земельного владения селения Навин я сдал в аренду его сыну. /л. 47а/ Обработывая ее в течение трех-четырёх лет, он мне ничего не давал. В возрасте девяноста лет [Бакир] отказался от всех сумм, причитающихся с него как с должника. Определив своего сына в свиту правительственного уполномоченного, он стал хозяином моей земельной собственности. В присутствии судей я подтвердил свои требования на выплату им долга. Он не отдал. Так, из-за его непорядочности я был вынужден по дешевой цене продать свое земельное владение.

Фард:

Не надейся на верность людей нашего времени,
Ибо в наши дни и не пахнет искренностью.

Хотя велики ущерб и убытки, причиненные моему почившему покровителю, а имущества и вещей, которые были у него украдены и похищены, не уразуметь и не счесть, сей немощный вкратце расскажет [лишь] о тех, о которых он осведомлен.

Когда умирал монарх, нашедший отдохновение в раю, Ахмад-шах, его высочество Тимур-шах,

старший сын Ахмад-шаха, взял у моего покойного отца-покровителя сумму в двести тебризских туманов наличными при посредстве сборщика налогов Хаджи-хана Тимури. В первый раз, когда его величество Тимур-шах заточил Дервиша Али при посредстве хаджи Каримдад-хана в гератской цитадели [152](#), у моего отца взяли коня стоимостью в шестьдесят туманов и еще пятьдесят туманов для глашатая Аллаяр-хана [153](#) за услугу, ибо это он связал руки Дервиш Али-хану. Покойному моему покровителю передали, что он (Каримдад-хан) наличные деньги взял.

На реке селения Джизе-махал гурийанского вилайета стоит действующая мельница, называемая Тахуна-йи айш. Две трети ее были собственностью моего покойного дяди мирзы Мухаммада Бакира и моего отца; одна треть ее — собственностью моего **[76]** покойного дяди мирзы Мухаммеда Махди, прежнего везира столицы Герат. Обычная годовая арендная плата за все три доли — шестьдесят харваров зерна. В тот раз, когда Дервиша Али-хана заточили в цитадели, хаджи Каримдад-хан завладел всеми тремя

долями [этой мельницы] и, выдумав небылицу, будто документ на право собственности на эту мельницу взят на имя его родственников, взыскал в свою пользу с арендатора мельницы шестьдесят харваров зерна в качестве арендной платы за тот год. В другой раз, когда Дервиша Али держали в гератской цитадели, а его величество /л. 476/ Ахмад-шах находился далеко — в Святой земле (Мешхеде), гератский наместник, оговаривая сына Дервиш Али-хана, написал, что, дескать, сын привел войско аймаков [154](#) и собирается снаружи подорвать гератскую цитадель и освободить Дервиш Али-хана. Под этим предлогом у моего отца-покровителя взяли тридцать туманов. А в тот раз, когда Дервиша Али простили и призвали в Мешхед, мой [ныне] покойный отец из чувства единодушия поехал вместе с ним. Отец привез его в Барнабад. Там они задержались на десять дней. На средства отца ему заготовили все необходимое для путешествия: шатры, разную утварь, одежду и прочие дорожные принадлежности — всего на сумму тридцать туманов. [Отец] вместе с [Дервишем Али] поехал в

Святую землю (Мешхед). * Как говорят великие...
что в переводе автора [звучит так]:

Если у человека нет трех качеств,
То пригоршня золы лучше, чем он.
Это — верность друзьям, щедрость,
Сохранение тайн дорогих ему людей *.

В тот раз, когда Дервиш Али был в заключении, с моего покойного покровителя взяли сумму в двадцать пять туманов под предлогом возмещения урожая с *тиулов* [155](#). А еще в те дни, когда царевич Махмуд упрочился на троне правления столицы Герат, он по подстрекательству некоторых подлых злоумышленников приказал моему отцу: “Приведи своих коней, чтобы мы могли на них полюбоваться”. Согласно приказу царевича [отец] представил своих коней пред взоры его высочества. В том числе были три коня, стоимость которых доходила: одного — до сорока пяти, второго — до двадцати семи, третьего — до шестнадцати тебризских туманов. Царевич очень расхваливал их. Те самые личности, которые были подстрекателями требования представить коней, к неудовольствию моего покойного отца,

доложили царевичу, такой-то де преподносит
вашему высочеству этих трех коней в качестве
подарка. Царевич произнес: “Да будет процветать
твой дом!” — и всех трех упомянутых коней они
(подстрекатели) передали для клеймения тавром его
высочества. Остальных коней вернули отцу, а мой
покойный покровитель от большого стыда,
[испытанного} в присутствии царевича, ничего не
мог сказать по этому поводу ¹⁵⁶. [77]

*/л. 48а/ Копия грамоты хакана, пребывающего в раю,
Ахмад-шаха, данной в период, когда он призвал в
Кабул Дервиш Али-хана, гератского беглербека,
поручил ему высокоместного Тимур-шаха и направил
их в Герат, доверив Дервиш Али-хану ведение
хорасанских дел, [а] покойный покровитель мой,
приехавший в Кабул вместе с упомянутым
беглербекком, в соответствии со своей просьбой
получил эту грамоту*

[Дана] настоящая в следующем. В зеркале
мироздания отражается сияющая белизной душа
рабов небесного престола наших августейших

величеств ¹⁵⁷, как [и] обличье покорности и искренности каждого из преданных рабов и испытанных слуг. Для пущего [их] усердия необходимо, чтобы мы украсили чеканом одобрения действие алхимии полновесного золота хорошей службы и добрых дел каждого проверенного и испытанного на оселке знатока. Подготовленные касательно обстоятельств такого [усердного человека], мы отличим его среди равных и подобных. Подтверждение этих слов — подлинные обстоятельства приюта чести и благородства — способности и таланты полнозвучного аккорда средоточия высокочтимых аристократов мирзы Мухаммада Казима, письмоводителя. Источник дарований и умение размышлять украшены у него искренностью и талантом каллиграфа. Он всегда твердо и прямо ступал пятой служения по столбовой дороге исполнительности. Ввиду его добрых услуг, знания им дела, его благородного происхождения, а также потому, что он имеет грамоты, выданные на его имя нашими августейшими наибами, а от сефевидских султанов — на имя своих предков,

короче говоря, по этим причинам и ради его благоденствия, а также ввиду просьб, доведенных до высочайшего мнения, мы, имея крупницу милосердия и царственного сострадания в отношении его обстоятельств, присоединяем [к прочим привилегиям] просьбы, [содержащиеся] в подробном письменном представлении его по нижеследующему перечню. Касательно *тиула*, денежного жалованья, *сойургала* упомянутого средоточия аристократов, которые ему были пожалованы по отдельным грамотам, считать посему установленным наличными и натурой:

наличными — 15 туманов,
зерна — 5 харваров,
сойургал с квартала Гуре-йи дарваз — 1 фард,
тиул с селения Дивандже — 1 фард,
тиул с селения Навин — 1 фард.

Гулямам его, его брата и его родственников согласно этому не чинить беспокойства в связи с переписью населения и по прочим поводам:

калмык Афрасиаб — один,
индиец Камбар — один, **[78]**
Махди, его мамлук — один,
Али Мухаммад, мамлук его брата — один,
сыновья Алмаса — семья.

/л. 486/ А в отношении постоя в квартале Шир-и
'Асасан и в подворьях [158](#), его собственных и его
близких родственников, пусть никто не поселяется
там и согласно настоящему не чинит помех. [От
постоянной повинности освобождаются] его подворья
и постоялый двор — два здания.

Другие подворья, которые числятся недвижимым
имуществом средоточия аристократии [Мухаммеда
Казима] и где живут пекарь Бахрам и его мамлук
Махди, — две единицы.

Подворья мирзы Махди, личного секретаря его
(Мухаммада Казима), и муллы Джалал ад-дина,
учителя богословия, — две единицы.

Подворье Мизраб-бека кипчака, смотрителя ишик-
агаси беглербека, — одна единица.

В отношении стада и определения налога *шахшумари* на крупный рогатый и мелкий скот в соответствии с распоряжениями грамот, которые он имеет на руках, и согласно настоящему — пусть не взыскивают этого налога со стада в двести голов овец и с пяти голов коров.

По поводу грамот, которые были пожалованы при взятии столицы Герат в отношении поместий Джангана и Барнабада, [принадлежащих] средоточию аристократии мирзе Мухаммеду Бакиру, брату его, то он освобождается от поставок. Согласно содержанию настоящей грамоты в отношении поместья упомянутого, которое составляет четыре зауджа, пусть гератские и гурийанские сборщики налогов не имеют денежных претензий и взысканий по всем четырем зауджам.

По поводу денежных требований по купчим крепостям на тутовые плантации, которые он (Мухаммад Казим) имеет в районе Гурийана. Ввиду грамот наших августейших наибов и прежних султанов, которые имеются у него на руках, пусть

сборщики налогов не предъявляют ему денежных требований; а то, что в прежние годы было предоставлено ему до части [налоговых] льгот, мы нынче также принимаем [к исполнению] по тому самому установлению.

Должность письмоводителя в столичном гератском округе мы оставляем и вверяем ему и его потомкам из поколения в поколение, с тем чтобы он был поглощен и увлечен этим и проявлял еще большее усердие и знание дела.

Высококоместные правители, губернаторы, нынешние и будущие, а также борцы за мусульманскую веру [из рода] Дуррани и Бардуррани, назначенные править столицей Герат, сборщики налогов и арендаторы вилайета Гурийан отныне и впредь, почитая принятыми вышеперечисленные просьбы средоточия [79] аристократии мирзы Мухаммеда Казима, письмоводителя, таким образом, как это было постановлено и записано [выше], пусть во всех отношениях соблюдают его интересы. Благородные сановные чиновники финансового ведомства и

войсковые писари армии триумфатора пусть занесут в нужные реестры содержание [этой] высочайшей благородной грамоты и в соответствии с написанным указа не нарушают, [от него] не уклоняются, примут на свою ответственность, почитая необходимым запрет и подтверждение.

Писано в месяце раби' ал-аввал 1173/октябрь — ноябрь 1759 года.

Грамота хакана, [пребывающего] у райского очага, Ахмад-шаха, с каковой он обратился к его высочеству Тимур-шаху относительно повелений, [содержащихся] в вышеприведенной грамоте

/л. 49а/ Дорогой, высокопоставленный старший сын Тимур-шах, достойный господства, могущества и власти; наездник, таящий отвагу; источник примет суровости, плод древа управления, могучий дуб из рощи отваги, созидатель основ доблести, *унван* на странице славы, предисловие к перечню удач, зрачок глаза успеха и счастья, да умножится почтение к нему и его великолепие, да продлит Аллах его жизнь, да охранит господь его царство, да обретет он

бесконечные шахские милости! Знай, что нынче прибежище благородства, дарований и талантов, средоточие аристократов и вельмож мирза Мухаммад Казим, письмоводитель столичной гератской области, представил на наше благороднейшее августейшее благоусмотрение грамоты, которые мы ему пожаловали при завоевании столицы Герат, устанавливающие правила в отношении службы [его] и жалованья, *тиулов* и *сойургала* с его поместий Джанган и Барнабад гурийанской области, его гулямов Афрасиаба, Камбара, Махди и Али Мухаммада и сыновей Алмаса, а также облегчения ему и его брату налога со стада, *шахшумари*, на сбор шелковичных коконов.

Так как некоторые из тех грамот источены червями и попорчены, он (Мухаммад Казим) просил о подтверждении их. По его просьбе мы дали распоряжение о переписке для него грамоты. Перечислив со всеми подробностями в повторной грамоте пункты прежней, мы пожаловали ее к вящему его благу. В дополнение к распоряжениям

прежней грамоты мы повелели и постановили, дабы борцы за веру — приближенные этого моего сына и прочих пилигримов из столицы Герат в перечисленных повторной грамотой подворьях не становились бы на постой и не обращались бы ни за чем [к их хозяевам]; ни в коем случае не мешали бы жителям [тех] местностей, [принадлежащих Мухаммаду Казиму] и его родственникам.

В отношении исполнения указаний, [содержащихся] в повторной грамоте, [я] дал действенный приказ. Поскольку он **[80]** (Мухаммад Казим) принадлежит к числу аристократов нашего вилайета и к давним [нашим] слугам, соблюдайте в отношении его уважение. Если он имеет какие-то просьбы и вопросы, [надлежит] призвать его в свое присутствие, доискаться до истины, вникнуть в [суть] петиции и удовлетворить его желания. Поскольку большинство его грамот источено червями и они испорчены, пусть [сборщики налогов] поступают, соблюдая те из грамот, которые он имеет на руках, а те пункты, которых там нет, пусть поищут в подробном перечне повторной грамоты и

среди записей реестров сборщиков налогов и не требуют подтвердительной грамоты. Поступая в этом отношении в соответствии с постановлением, пусть [исполнение его] почитают на своей ответственности.

Писано в месяце раби' ал-аввал 1173/октябрь — ноябрь 1759 года.

Грамота его величества прибежища Пляд Тимуршаха, которую он, будучи царевичем, дал по поводу прибавки жалованья /л. 49б/ моему покойному отцу-покровителю (Из эпистолярных произведений мирзы Хади-хана)

Дана [настоящая] в следующем. Добрые намерения благотворителей и [людей], таящих в лучезарном сердце стремление к справедливости, заключаются в том, чтобы отличить среди равных и подобных каждого из рабов — близнецов веры, принадлежащих к этому высокородовитому семейству [Барнабади], которое с самых первых признаков [появления] сего вечного государства на страницах вселенной всегда клало голову на линию

исполнительности; точно так, как кончик пера касается черты и как бумага [расстиляется перед каламом], так и они отдали свое тело на приятное их душе услужение и выполнение приказаний.

Подтверждением этих слов является ход обстоятельств мирзы Мухаммада Казима, письмоводителя по области столицы Герат. Он — аккорд знатности, благородства и совершенства, средоточие высшей аристократии, прямо, как буква *алеф*, стоит витязем на ристалище знаний. Его пронизательность и ученая манера письма наводят ужас на сердца врагов государства, соприкоснувшегося с вечностью. Скрип его пера вызывает дрожь в душах врагов сего избранного [богом] царства. Поэтому с начала третьего месяца сего года, благословенного года Лошади, мы прибавляем к его ежегодному жалованью сверх основной [оплаты] сумму в пятьдесят тебризских туманов. В соответствии с фирманами его величества, вершащего справедливый суд, оригинал [грамоты] он имеет на руках, [содержание] ее записано в списках дивана и ежегодных реестрах. С

начала третьего месяца сего года Лошади мы жалуем и даруем вышеупомянутому прибежищу благородства и совершенств прибавку в двадцать туманов серебра наличными и пять харваров натурой, с тем чтобы ради его свойств — верности и честности — его [жалованье] увеличилось на тридцать туманов **[81]** и он служил бы лучше прежнего, высказывал бы еще более удачные суждения, разрешающие трудные проблемы. Высокоместный правитель и прочие сборщики податей столицы Герат [пусть] доведут до сведения соответствующих чинов, сборщиков налогов и служащих диванов [теперешнюю] сумму жалованья, установленную вышеупомянутому средоточию аристократии в соответствии с подробным перечислением сверх основного [жалованья] и [с учетом] прибавки. Выдав деньги за счет полученных налогов, пусть они сами из своего расходного бюджета приводят ежегодно в исполнение [этот указ] в соответствии с вышеизложенным, не ставя [исполнение указа] в зависимость от подтвердительной грамоты, оберегают и охраняют

этот указ от порочных изменений и преобразований. Пусть важные благородные чиновники финансового ведомства и армейские писцы победоносного войска, записав в постоянные тетради изложение грамоты этого [царского] дара, почитают [исполнение ее] на ответственности сторон.

Писано в месяце раджабе Почитаемом 1174/февраль — март 1761 года.

Грамота, которую Тимур-шах государь-попечитель выдал моему [ныне] покойному [отцу]-покровителю относительно министерства земель халисе столицы

Герат и ревизии их

/л. 50а/ Ввиду того что порядок в делах дивана вложен в длань усердия, рвения и опытности знающих слуг, зависит от добрых традиций пронизанных покорностью верноподданных, — а подтверждение этих слов становится очевидным на примере обстоятельств мерила благородства и совершенств, сущности высокочтимых аристократов мирзы Мухаммеда Казима, письмоводителя, — поэтому в этом краю, где луга желания воплощения

аристократизма жаждут чистой воды падишахской благосклонности, а цветник его упований с порывом ароматного ветерка [ощущает] весенние благоухания с порога расположения царя, знатностью [равного] солнцу, последний, одобряя цвет и удивительный запах [усердия], с начала пятого месяца сего года Барса, соответствующего году Леопарда, вместо прибежища знатности и совершенств, средоточия высокочтимых аристократов мирзы Зийа ад-дина, прежнего везира земель *халисе* и составителя расчетных книг по столице Герат, возвеличил, отличил и удостоил чести среди подобных [мирзу Мухаммеда Казима]. Мы назначили его на пост везира всех земель *халисе* названной столицы, с тем чтобы он, поступая и Действуя подобающим образом и надлежащим манером, в силу своей рассудительности, знания дела, умения доискаться до сути и добиться преуспевания, своим усердием, приличествующим и подходящим для обычаев и для особенностей службы, на которую он определен, проявлял бы крайнее старание и беспредельное рвение, приводя в порядок и добиваясь процветания

удельных [82] земель государя, наставляя, привлекая, объединяя райатов, предоставляя блага земледельцам, [сидящим на землях] *халисе*, дабы ни на кончик волоса не было допущено в отношении кого бы то ни было злоупотребления или притеснения. Пусть он соберет все до последней расписки и денежные обязательства за зерно, за стоимость рабочего скота, за труд всей семьей и каждого землепашца [в отдельности] во всех местностях, которые были [в ведении] прежнего везира и заведующего землями *халисе*. Приведя в должный вид все пригодные для земледелия местности, пусть он неусыпно радуется, чтобы получить всевозможное умножение доходов с земель *халисе*.

Нужно также, чтобы высокоместный заведующий и прочие управляющие делами земель *халисе* и уездные чиновники без разрешения не выдавали бы векселей за подписью и печатью вышеупомянутого средоточия высокочтимых аристократов [мирзы Мухаммада Казима] и не вмешивались бы в [дела] местностей, входящих в число земель *халисе*. В

случае, если землями *халисе*, составляющими
собственность государя, кто-либо завладел бы
теперь, /л. 50б/ не имея на то распоряжения дивана,
пусть он, основываясь на выгодных условиях и
пользе для имущества дивана, возьмет зерно у
сборщиков налогов названной столицы и станет
обрабатывать землю для шахского управляющего.
Ежегодно, когда от дивана для обследования
гератских местностей будет назначена ревизия, пусть
вышеупомянутый воплощение вельможных
аристократов [Мухаммад Казим], будучи в добрых и
дружеских отношениях с ревизорами-контролерами,
вместе с ними производит осмотр и обмер земельных
площадей. Пусть они одобряют и признают состояние
земель хорошим, соблюдая выгоду для имущества
дивана, и сборщики налогов из Герата пусть
поступают в соответствии с этим установлением.

Высокоместный правитель, сборщики налогов,
даруга, заведующий и уездные чиновники — все они
пусть числят вышеозначенного средоточие
вельможных аристократов [Мухаммада Казима]
единоличным везиром всех земель *халисе* столицы

Герат и почитают служебное рвение названного лица
присущим исключительно ему. Слова его,
[высказанные] для увеличения имущества дивана,
пусть почитают серьезными и обоснованными.

Благородные высокочтимые чиновники высшего
финансового ведомства пусть запишут содержание
сей почтенной грамоты в особых постоянно
ведущихся тетрадах высочайшего дивана и
[действуют] по этим указаниям. Следуя
проторенным путем, пусть постановленное
претворяют в жизнь, почитая на своей
ответственности.

Писано в месяце раджабе Почитаемом 1184/октябрь
— ноябрь 1770 года. **[83]**

*/л. 51a/ Послание [ныне] почившего мирзы Али
Акбара Бамруди, кое он в дни слабости и старости
написал собственноручно моему [ныне] почившему
покровителю-[отцу]*

Жаждающий встречи с букетом ¹⁵⁹ наставлений
уведомляет [сим] о призыве под знамена искренней

дружбы ¹⁶⁰, ибо безусловно полагает, что из-за нерадивости в исполнении предписаний шариата, а также из-за тягот, налагаемых обязательствами [в отношении] давних друзей, [связанных узами дружбы] из поколения в поколение, случается, что [люди] предпочитают медлить [в изъявлении добрых чувств]. Воистину: “Слова любви и ненависти передаются по наследству”. Ангел смерти, отнимающий драгоценную жизнь и душевные силы, раскачивает висячую цепь [нашей жизни]. Ты назвал бы его властелином — творцом на пути [жизненных] обстоятельств. Если уж неизбежна утрата сил, пусть дух мой пребудет подле духа того, к кому обращаюсь [ныне] с речью. Во всяком случае, истинное положение остается таким, как его описал мой дражайший [адресат]. Я жду и надеюсь, что в то время, когда будут налаживаться внешние и духовные связи, [адресат] пройдет по всем двенадцати ступеням [суфийского совершенствования], двадцати четырем углам, сорока четырем чудесам, откуда нет выхода.

Да сохранит господь нашу дружбу во веки веков.

*Послание [ныне] почившего мирзы Хусайна Бамрудди,
которое он написал моему покойному покровителю*

Да будет вечной обитель эпистолярного слога
высокого присутствия, [несущего] обилие радости
благодаря красоте и разнообразию оборотов изящной
речи, а также тонкостям и разносторонности
образования и истинному знанию сущего. [Эта
обитель] — привратничья обществу дервишей,
сердцем познавших господу; своим *нуом* и *садом* (т.
е. совершенством формы, граничащим с
изоощренностью) она вызывает отчаянную зависть
[даже] в мастерской художника, изображающего
внутренний мир ценителей прекрасного и феноменов
памяти. После того как изъявление хвалы [адресату]
позволит частице его благосклонности найти
нужный путь в артериях арки виноградных лоз
понимания, вызывающего желание испить вино
истины, а отсвет лучей его озаряющего одобрения
пронесет сияние [этого] светоча [от] самого
укромного уголка кельи сердца, жаждущего
раскрытия тайны и [познания] мудрости, по всему
моему существу, пусть он [тогда] взглянет на мою

чистосердечность и преданность, как в раскрытую книгу, [и увидит], что, в то время, когда душа [моя] была под гнетом божьей немилости, а все помыслы — в тревоге и смятении, заструился легкий зефир радости. **[84]**

Явился посыльный и доставил свиток, источавший аромат чистейшего мускуса,

Он принес ничтожному скитальцу послание от светоча.

[Ваше письмо] — услаждающая душу высокогорная лужайка, родник великодушия, имя ему — превосходное. Своим появлением оно озарило просторы [моего] безжизненного существования. Первое: поскольку мне не было известно об удивительных свойствах и качествах этого бутона розы из сада величия и славы, этого лугового кипариса из парка благородства и знатности, пусть он поступает в соответствии с образом действий стойких любящих друзей, дарует бодрость и радость /л. 51б/ сердцам, кладет благодарственные поклоны великому [господу]. Второе: приказания, которые были даны в отношении такого-то, исполнены.

*Послание покойного мирзы Садика Бамруди [ныне]
почившему моему заступнику перед богом*

Надеюсь, что всегда, до тех пор пока важные дела
рода человеческого отданы и вверены бегу каламов
[лиц], имеющих клеймо лучезарной канцелярии,
тома приказов мироустроителей и заглавия
фирманов миродержцев будут изукрашены и
разрисованы блеском и радужным сиянием
редкостного пера, чудесным почерком,
показывающим образец природы мудрецов и
эрудитов. Согласно мольбе счастливых друзей пусть
сбудутся их самые заветные желания, пусть они
достигнут самых важных своих целей. **Стихи:**

О возлюбленный, ранним утром зефир приносит приятные ароматы,
Ты сказал бы, что послание твое раскрыто, подобно распустившейся
розе,
Благодаря твоему искусству ювелира, работающего по жемчугу,
каждая твоя строка подобна жемчужному ожерелью,
Я завидую твоей способности на листе бумаги собирать букеты роз,
Проклятие твоей доброте, ибо из-за полировки твоими милостями
Даже цвет горя, отражающийся в зеркале [моей] души, покажется
привлекательным.
[Твой] слог ежеминутно выигрывает пари у воды, [искрящейся,
словно] драгоценный камень,

Неожиданная игра твоих слов стократ изощреннее буддийского храма,
[Даже] когда появляются на серебряном теле листа бумаги
пересечения креста, то
Ланиты твоих писем от этого становятся еще краше,
Я завидую каждому выражению, подобному шиповнику и
жасминоликим страницам,
Ты сказал бы; “Этим сочинением он воскрешает мою душу”.
Хватит, брось свое перо, [ибо] самый воздух пронизан одами в твою
честь,
По столбовой дороге добродетели всегда шагают с самого ее начала.
Да пребудет твоя благородная особа в покое
От несчастий всего света и от смуты последнего времени, как
красавица в гареме. **[85]**

Сборщику цветов в райских кущах надежды
[собственный] подол кажется охапкой роз счастья,
для путника в садах [упований] газон выглядит
лужайкой бутона радости. Воистину, от лица Вашей
милости, почтенного многоуважаемого господина, на
простор [моего] сердца снизошло сверкающее
[Ваше] послание. С надеждой разверз я очи; зрачок
[Вашего] давнего преданного друга с былой
привязанностью [устремился на Вас]; сей низайший
твердо верит в чистоту благосклонности [Вашей]. Я
вгляделся и узрел ковёр, подобный накрытой для
трапезы скатерти [161](#). Красота и чистота [ее] по

правилу и обычаю правдивых ювелиров базара
мелодии *сифахане* сверкает драгоценными
каменьями, полнится достойными царя жемчугами.
[Это письмо] подобно кукле с райской внешностью,
примерной красавице из кельи тонкого смысла, чья
прелесть усугублена румянами, гурии, сходной с
жемчужиной. [В нем] скрытые выразительные
реплики, отмеченные изяществом стиля, оно
составлено и сочинено на правом фланге изящества,
поистине — это лужайка в междуречье [162](#).

*/л. 52а/ Послание [ныне] покойного мирзы Абдаллы,
известного как мирза Шахмирзаи Каини, моему
покойному заступнику [перед богом]*

Вслед за молитвой о здравии [Вашем], благодаря
которой росток снисхождения сможет попасть в
артерии свода виноградной лозы понимания,
полезного для самочувствия жаждущих испить вино
истины [163](#), а лучи сияния ночного факела ее
принятия увеличат яркость блеска очей обитателей
палат высочайшего учителя и освежат душу
познавших тайны *тариката* [164](#), рисунок орнамента

на поверхности [этой] страницы предназначен и посвящен следующему.

[Между нами] издавна существуют искренние связи, и [этот] лист — [свидетельство] сердечного проникновения, искреннего доверия. Весь он расшит и изукрашен по жемчужной нити калама красотами новых значений слов, высоким слогом, творчеством ума, блистательного и изящного, вызывающего безумную ¹⁶⁵ зависть у острот и выражений мудрецов нашего времени и ученых стилистов всего мира. Несмотря на отдаленность местностей, протяженность во времени, разобщенность горожан, [все это] не иссушило родник искренней привязанности, не стало плотиной в русле реки [нашей] духовной близости, и из разверстых сердец [наших], исполненных приязни по смыслу [арабского] изречения “сердца стремятся к сердцам”, постоянно сияют навстречу друг другу лучи факела [дружбы]. Прошло уже некоторое время, как имя сего забытого Вы изволили ножом забвения и небрежения стереть с полей [Вашего] блистательного разума. Несмотря на то что срочный вестник хаджи

Мухаммад откровенно изложил [Вам] совершенно смятенные [мои] обстоятельства, [а] соловей [сего] немощного пера проплакал, спел и отправил [Вам], несравненному **[86]** господину, [письмо], Вы, зеница ока знаний и дальновидности, совершенно не вникли [в суть дела] и не озаботились украсить лужайку души сего чистосердечного созерцанием [Вашего] почерка и успокоительного послания, с тем чтобы бичом буквы *каф* его слов пегий конь-огонь зажег бы, как ударом гарцующей молнии, хлопок-сырец [моих] мыслей, увязших в грязи из-за вечных метаний от надежды к отчаянию **166** и от отсутствия Вашего несущего радость письма. Брызги, просочившиеся из преисполненного смыслом облака [послания Вашего], возродили бы к жизни едва распутившийся благородный росток, который начал вянуть от налетевшего самума скорби [ввиду] отдаленности [от Вас] и [невозможности] с радостью послужить Вам. Прозрачный, чистейший родник [моей] жизни, который от засухи несостоявшегося обмена мнениями с [Вашей] благородной особой почти прервался, как замирает пульс у больного,

близкого к кончине, от прикосновения к словам и выражениям [Вашего письма, изложенным] в прозе и стихах, словно полноводная река, излился бы в несколько рукавов. Так, [пригубив] хорошего вина, [оживает умирающий]. Не знаю, как приблизиться [к Вам], с какой дороги осела на зеркале [Вашей] достойной души пыль обиды и огорчения.

Сколько ни заглядываю я [глазом] удивления в карман размышления, не могу постичь, чем я погрешил против дружеских чувств [к Вам], /л. 52б/ как мог вызвать [Вашу] досаду к [своим] твердым принципам и прямой натуре. Я надеюсь, что дело только в повседневных заботах, которые доводят до того, что [человек] забывает даже о задушевных друзьях. Во всяком случае, нынче, когда сановный названный брат мой Мухаммад Хусайн-бек вознамерился послужить [Вам], я счел возможным этой запиской, изъявляющей мою привязанность, привести в движение цепь воспоминаний и восстановить дружеские отношения, существующие уже несколько поколений. Я жду, что вопреки минувшим временам Вы растворите запертые ворота

[дружбы]; отправлением послания, отмеченного печатью Вашей благосклонности, изволив написать письмо каламом милости [и] избрав посредником велеречивого попугая, [Вы] утолите страстное желание [Ваших] измученных друзей.

Не откажите в любезности поведать о благополучии [Ваших] обстоятельств и указать мне, чем я могу быть здесь [Вам] полезен. Это умножит убежденность сего стойкого в доверии [к Вам].

*Послание покойного мирзы Мухаммада Амина,
везира Каина, почившему моему благочестивому
заступнику [перед богом]*

Вслед за упоминанием обычной здравицы, которую говорящий попугай поет на могучем дереве [нашей] чистосердечной дружбы и приязни, и после изъявления многократных приветствий, с коих, [находясь] на минбаре красноречия под сенью единогодушия и единомыслия, [пишущий сии строки], подобно хатибу, /л. 53а/ [87] начинает [послание], узор [букв] на поверхности этой страницы предназначен [для следующего].

Поскольку прошло уже много времени, как тронутые осенью райские сады преданного Вам сердца, алчущего дарующей ликование чистой воды Вашей щедрости, не получали ни [одной] живительной капли с каламов пишущих врачевателей, ни признака [вести], которая обрадовала бы и утешила — а это обстоятельство в силу многократного проявления Вашей любезности и благосклонности и ввиду незыблемости основных обычаев, оберегающих сего искренне любящего [Вас] от умаления преданности, свойственного лицемеру, противоречит [нашему] обыкновению, — нынче, когда названный брат мой Мухаммад Хусайн удостоился чести послужить [Вам], [я], почитая необходимым следовать привычной и единственной стезей, собрался написать сию дружескую записку, ожидая, что вопреки минувшему искренние друзья и единые [с Вами] сердцем и душою будут осчастливлены и обрадованы отрадной вестью о добром здравии [Вашем] — преисполненного похвальных свойств господина — и поручением [исполнить] приказания, с тем чтобы в налаживании сего дела (т. е.

переписки) выявилась бы необходимая предпосылка
приязни и единства.

*Письмо покойного мирзы Кадир-хана араба из
потомков Махди, правителя булука Зиркуха
Кайнского, моему набожному заступнику перед
богом*

Вслед за вознесением молитвы, которая [и] в обители
отшельников [сего] мира, и в саду всевышнего [167](#),
[дойдя] до слуха пребывающих в раю [168](#), может, не
расцветая, принести плод согласия, [а] на
поверхности [этого] листа оттеняет для человеческой
натуры всю полноту блистающего умом
красноречия, [знайте], что хотя срезающий розы на
лужайке традиции и обычая (т. е. пишущий сии
строки) уверен в садовниках [169](#) цветника любви и
дружбы (т. е. в чувствах адресата), [но], памятуя о
хитрости и уловках лиц, подвергшихся влиянию
знака зодиака, не имеет, по существу, никаких вестей
[от Вас]. И поскольку написанное послание вроде бы
наполовину доносит аромат встречи, а у разума
разлученных друзей нет иной возможности

[общения], кроме как взять в качестве тростникового пера стебель нарцисса, а вместо бумаги — [его] лепесток и написать письмо, то нынче, когда податель сего дружеского послания вознамерился получить у Вас аудиенцию, я постарался написанием этих нескольких слов привести в движение узы чистосердечия, [нас связывающие].

Письмо, кое покойный мирза Махди Туни по прозванию Сами написал после возвращения из Герата моему покойному заступнику [перед богом]

[Вы] по своей натуре — [человек], стойкий в вере, по своему поведению — последовательный и искренний. **[88]**

Вслед за изъявлением традиционной дружбы и чистосердечия, что является давней традицией, привычкой и установившимся обычаем Вашего покорного слуги [170](#), [последний] имеет потребность сообщить [свое] мнение о привязанности и расположении к [Вашей особе], обладающей очевидной праведностью и осененной благодатью, уважаемой за великодушие и особо возвышенные

качества. С того времени, как я лишился полезного эликсира близости [к Вам], и ввиду множества [Ваших] добрых дел и беспредельных милостей, исходящих от чистейшей и ясной души [Вашей], что является естественным состоянием людей, обладающих отменными способностями и выделяющихся вообще, а, в частности, проявляется относительно [сего] любящего друга, [Вашего] двойника по взглядам, да не ускользнет от внимания Вашего, [человека], дарующего чистую возвышенную радость, [что от] мук расставания опечаленная душа терзается и ветшает, подобно полям рукописи. Всякий раз, когда учетчики догадок и регистраторы разумения пожелали бы их описать на листах и страницах ночи и дня, то, использовав озера чернил и изведя на каламы могучие деревья, воистину, они осилили бы лишь одну тысячную [задачи], самую малость ее громадности.

Если, к примеру, станут чернильными все моря,
А ветви деревьев на всем белом свете обратятся в тростниковые перья,
То и тогда во всем мире даже трудом подвижников
Не удастся и вкратце записать повесть о [моей] привязанности к тебе.

Поскольку уже давно в силу моего невезения я не мог, как ни желал и ни стремился, воочию лицезреть [Ваш] облик, /л. 53б/ сокрытый и спрятанный за завесой утаивания, препятствий отдаленности и за покровом отсутствия возможностей, то нынче, когда [с помощью] виртуозного проявления милосердия благодетеля [нашего] и безбрежной доброты могущественного господя сей немощный отвел вуаль сокрытия с лица созерцания, стал очевиден плод пользы, заочно суливший полноту радости от общения [с Вами]:

Я слышал, что ты красив, дорогой,
Когда же увидел, [то понял], что ты в тысячу раз краше.

Знайте, что при всех возможных условиях [пишущий сии строки] предполагает [в отношении Вас] особую искренность и преданность. Я всегда ожидаю [возможности] выполнить ваши поручения и постоянно готов к Вашим услугам. Я целиком посвятил себя [Вашей] возвышенной благородной особе.

*Письмо покойного мирзы Садика мунши Харати,
старшего письмоводителя Шахрух-шаха, почившему
моему заступнику [перед богом]*

Поскольку перо [мое] предназначено живописать
могущество извечного [бога], то первой своей
строкой, вдохновленной **[89]** [примером] памятников
искусства, я дерзаю [восславить] всевидящее око,
охватывающее взором все заселенное земное
пространство и как бы лучом света объемлющее
солнечный диск. Кончик пера, украшенного
орнаментом дружеских чувств, подобен острию
калама Мани и Бехзада [171](#), владеющих волшебными
чарами, взору похитителя любящих сердец. Из-за
разрушения образчика основы изящного [стиля]
переводчика круг [Ваших] доброжелателей да будет
поражен видом картинной галереи Мани. Слава богу,
что глаз [мой] видит [свидетельство] искренней
привязанности, ибо [Ваше письмо] сняло с [моей]
жизни слой растертой сурьмы рассуждений [по
поводу] несущего мрак неведения. Благодаря
созерцанию учтвого [Вашего] письма, источника
света, я прозрел. От каскада слов, выражающих

симпатию, в сознание [мое] просочилась хрустально-чистая вода доверия [к Вам]; вместо увядшей травы, заготовленной осенью, в сердце навечно пустила корни искренняя любовь [к Вам], расцветшая цветами лотоса и парсидской парротии до самых вершин.

Как прекрасно, если письмо похищает разум,
Оно пускает росток [даже] в кубке забулдыги,
Запах гиацинта исходит от каждого изгиба его буквы,
От каждой точки его струится аромат, как от мускусной железы газели.

Благодарение Аллаху за высочайшую заботу, так как в то несчастье была привнесена и включена [доля его] святости (т. е. господь своей святой волей умерил силу несчастья) и в конце концов он кончиком пальца каждого своего слова вытянул нить здравых рассуждений из узлов [невзгод].

Я надеюсь, что всегда будут цвести и зеленеть райские сады [Вашего] внутреннего сердечного расположения, орошенные каплями весеннего дождя из облака хорошего стиля.

*Письмо покойного мирзы Хади-хана Лари, старшего
письмоводителя Тимур-шаха, написанное им моему
покойному набожному заступнику [перед богом] в
первый год, когда он (Тимур-шах) ушел из Герата, да
простит Аллах их грехи*

/л. 54a/ На прошение о милости получен
благоприятный ответ, украшенный чувством
искренности, вместе со всем миром стремящимся
постичь суть явлений и со всей вселенной
тянущимся к знаниям.

Вняв известию о встрече с приближенными Вашего
превосходительства, облеченного высоким рангом,
благородным саном, обладающего похвальными
свойствами природы, многими титулами, с Вами,
самой сутью родовитых и высокочтимых,
великодушным собратом [по перу], да будет вечным
его величие, откроюсь Вам в том — [только] разве
смогу я описать, что творится в моей несчастной
душе в тягостные дни разлуки, — какое уныние и
тоска [90] от страстного желания [увидеть Вас]
снедают [меня]. Каждый раз, когда я вспоминаю о

[наших] беседах, об их оживленности, [о той поре],
когда с раннего вечера до утренней зари мы
проводили время друг подле друга, на душу мою
нисходит нежное отношение [к Вам], к горлу
подступает поток слез.

Каждый раз, когда я мысленным взором
рассматриваю весь мой жизненный путь, горечь
разлуки пронзает меня с головы до самого сердца,
как копьем, и исторгает волны крови. Короче, с того
времени, как я лишен дарующего пользу общения [с
Вами], не проходит и мгновения, чтобы я не
вспоминал [Вас], дорогого собрата по должности;
сего немощного ни на минуту не оставляют мысли
[получить] весточку от Вас — [моего] сердечного
друга.

Росток нашей дружбы не завянет осенью,
Наше знакомство — вечно цветущая весенняя роза.

Я надеюсь, что в недалеком будущем сбудется
наилучшим образом счастье нашей встречи. Что
касается внимания к обстоятельствам детей, то

известно, что их благорасположение не вызывает сожаления и причин для беспокойства.

*Послание покойного мирзы Али Риза-хана Исфакхани,
начальника финансового ведомства, моему
почившему заступнику [перед богом]*

Да будут неизменными райские сады изобилия добрых помыслов высокопоставленных приближенных [Ваших], исполненные праведности и благодетельности, славные своими добрыми делами и благотворительностью, [являющиеся] самой сутью благородства и величия, собрата по должности мирзы Мухаммеда Казима, да будет вечным его счастье. Капли, [струящиеся] из облака благодеяний всеблагого господя, и несущий изобилие весенний зефир божьей милости придают всевозможным цветам гамму красок и запахов и являют собой радость и веселье. Да будет цветник [Вашего] здоровья, благополучия и счастья избавлен от суровой осени событий нашего печального ущербного времени и от увядания. Чаша [моего] сердца, полнящегося любовью [к Вам] и страстно

жаждущего встречи, переполнилась вином
изнуряющего терпения настолько, что изъяснение
свойств такого состояния не вмещается в форму
письменного изложения и сосуд разъяснения.
Иносказания настолько не пользуются вниманием,
что, собранные по бедности рассеянных умов, они
обычно попираются сыновьями нашего времени. Сие
не может быть достойно и соответствовать
страницам, исполненным искренней любви и
единодушия. Поэтому ради [нашей] подлинной
дружбы и привязанности для [Вашего] сведения и
[внесения] ясности сделан перевод (т. е. описано
восприятие событий) сияющему разуму [Вашему],
который сохраняет в памяти действительные
обстоятельства, не открывая рта [91] для изложения
известных истин, так как “обычай незнакомых —
сблизиться, правило своих — отчуждение”. /л. 546/
Прибыл сын Мухаммада Халила. Он выражает
безмерное сочувствие собрату по должности, следуя
путем дружбы.

Нужно всегда иметь истинный взгляд на
действительное положение вещей, ставя целью

обращать внимание на [все] случающиеся важные события, кроме духовных.

Да проведет он остаток дней, пребывая постоянно в величии, благополучии и благочестии.

*Письмо покойного мирзы Абдаллы сына мирзы
Садика мунши, который после своего отца был
письмоводителем Шахрух-шаха, моему покойному
заступнику [перед богом]*

Никогда не ошибающийся друг и искренний доброжелатель! После упоминания традиционных похвал и славословия, что является обыкновением особо доверенных друзей и молящихся за ослабевших в вере, пусть [адресат] взглянет на [сию] страницу привязанности и лист посвящения. Если кипарис расспрашивания о многочисленных трудностях жизни сего пронизанного мыслями дружбы распрямит свой ствол в местности, изобилующей ручьями чистого разума, [то узнает, что пишущий эти строки] продолжает оставшуюся заемную жизнь и блуждания по пустыне истинного полезного существования в качестве приближенного

к высокой особе. Остаюсь покорнейшим просителем
Ваших посланий и распоряжений.

*Письмо покойного мирзы Мухаммад-хана,
гератского письмоводителя, моему почившему
заступнику [перед богом], да простит Аллах им
обоим их грехи*

[Я] страстно жажду встречи с дорогими [людьми].
Взгляни на эту страницу искренности, где изложена
тайна страсти и неизбежность желания любящего
сердца, исполненного наличием [в нем] безмерной
радости и возвышенных чувств. Подобно тому как
аромат розы [заложен] в тайнике ее бутона, так моя
сердечная привязанность [таится в душе], и я ищу
средство приблизиться к Вам, чтобы при посредстве
дружелюбного пера снять одежду внешней формы и
обнажить внутреннее содержание. Так как со
времени изобиловавших радостью бесед [с Вами] и
затем после трубного гласа, сулившего печаль, [Вы]
не изволили проявить блистательное великодушие,
помазав глаз, узревший разлуку, драгоценной
сурьмой обмена мнениями, то нынче, когда

высокодостойный почтенный Мухаммад Хусайн-бек, имеющий честь служить при высокой особе, был [здесь], мне представился подходящий случай связаться и приветствовать [Вас], упорядочить [наши отношения] отправкой по столбовой дороге любви [к Вам] этого [92] чистосердечного оправдания, с тем чтобы [оказия эта] привела в действие нашу дружескую связь и о себе напомнил бы путник, [находящийся] на стезе жизни.

Я надеюсь на то, что [Вы] как наследственный посредник неизменно будете озарять источающими сияние буквами [Вашего] пера, как лучами светильника, пиры просьб друзей и будете извещать о благополучных обстоятельствах гулямов-рабов благородной природы [Вашей] и укажете на услуги, подобающие закладывающему основы прочных столпов дружеских отношений.

Да проведете Вы остаток дней в величии и вечном счастье, а господь — владыка обоих миров.

*Послание покойного хаджи мирзы Махди хакима
моему почившему заступнику [перед богом]*

/л. 55a/ Защитник искренних приверженцев, опора любящих и много повидавших, свет очей преданных, то есть я хочу сказать — наилучшая роза во всем роде людском, [образец] любви, плодоносное дерево благожелательности, стержень, вокруг которого объединяется клан великих, лучший представитель семейства уважаемых, пребывающих под сенью упования; по просьбе истинных друзей он обычно бывает председателем общества удачи и центром внимания союза здоровья, благополучия и счастья. Он — тот, кто воздерживается от неподобающего и недозволенного и наслаждается тем, что можно и должно. Преодолев несколько перевалов с целым караваном-вереницей обращений, пусть он взглянет на страницу [моего] доклада [оком] благоприятного ответа, осененного чувством искренней дружбы, которая является постоянной обязанностью твердо убежденных, а знающий обстоятельства (т. е. господь) — свидетель этого моего слова о том, что страстное желание познать щедрость [Вашу] неотделимо от наивысшего ликования. [Эти чувства] до такой степени овладели [Вашими] поклонниками,

что описание малой частицы силы такого желания невозможно вместить [в самую большую емкость], кроме как лишившись разума ¹⁷², если того пожелает великий Аллах. Щедрый на милости господь всеобъемлющей милостью своею вскорости наилучшим образом осчастливит [Вас] и одарит постижением этого его великодушия.

*Послание известного каллиграфа мирзы Абдаллы по прозванию “Очарованный” моему покойному заступнику [перед богом], да простит Аллах их
обоих*

Плодоносное древо приязни и дружбы, лучший цветок сочувствия и содружества, букет с лужайки, усыпанной розами совершенной красоты, самый справедливый счастливец, [наша] цель [в поисках] спасения и надежды, потомок рода великих, лучший из семьи знаменитых, то есть свет очей пишущего сии строки мирза Мухаммад Казим, да будет вечным его счастье! По просьбе **[93]** истинных друзей, убежденных в своих помыслах, да пребудет вечноцветущее, великодушное и радостное существо

его всегда [укрытым] от суровости холодного порыва
ветра досады и уныния под сенью благосклонности
всеславного бога, в милости и благоволении
всевышнего господа.

*Послание покойного мирзы Амир-хана, сына Ака Али
Харати, моему почившему заступнику [перед богом]*

Искренний друг [и] единомышленник, товарищ,
доказавший свою преданность! [Я получил]
чистосердечнейший ответ на представление моего
обращения. Очевидная правдивость [и] искренность
его закованы на ясности разума, отражающейся [в
нем], как в зеркале. Явив благородное красноречие
всех времен, он малой толикой [Вашего] существа,
украшенного расположением [ко мне], представил
блистательное, как солнце, [Ваше] суждение. Мы
молимся, чтобы Ваша дальнейшая жизнь и труды
Ваши отныне и навсегда были удостоены чести
сохранить цельность Вашей природы, прочность
Вашего здоровья и преумножить Ваше величие,
достоинство и радости бытия. Да услышит Аллах
[нашу молитву] и да одобрит!

Ханы гератского аймака всегда были преисполнены всемерного расположения и дружбы к моему покойному благочестивому отцу — заступнику моему [перед богом]. От каждого из них очень часто приходили послания. /л. 55б/ Однако, поскольку это были люди, обитавшие в горных местностях, их письма не обладали такой связностью и не были записаны, за исключением писем покойного Шади-хана старшего, правителя джамшидов, так как мулла Исма'ил, судья племени джамшиди, был каллиграфом, обладавшим совершенным почерком, учился в Барнабаде вместе с покойным заступником моим [перед богом]. Они вместе ходили в школу.

Вот послание из числа написанных его почерком.

*Письмо покойного Шади-хана, хакима [племени]
джамшиди, моему почившему заступнику [перед
богом]*

Капли из облака благоволения преславного господя, весна, украшающая лужайку жизни и бытия, Ваше превосходительство, высокоместный, похвальных качеств и одобряемых свойств [человек], особа

высокого сана, в изобилии наделенная лучшими чертами характера и добродетелями, потомок благородного и славного [рода], собрат по должности, да будет [жизнь Ваша] усыпана всякими розами, приносящими радость и веселье!

Украшив страницы дружбы и единения убранством полновесных похвал, сошлемся на удовлетворение [нашей] просьбы, [которое] основывается на едином мнении: [наша] приязнь и искренние взаимоотношения — это букет из цветущего сада, а Ваше послание, услаждающее душу и содержащее знаки любви, уведомляет об обстоятельствах [нашего] согласия и дружеских отношений, [94] каковые и пишущий сии строки испытывает пером дружбы. В благоприятнейший час, когда [мой] взор ожидания был обращен на столбовую дорогу, по которой прибывают чтимые достославные и ценные послания, [Ваше письмо] стало причиной умножения вещества [моей] радости и веселости. Три харвара пшеницы и пятьдесят маннов риса, которые Вы послали, [мною] получены. Не знаю, какие надо иметь таланты и дарования, каким языком умолять о

прощении за причинение беспокойства столь
родовитой особе. О собрат по должности, любой
кочевник не успокоится, пока не надоеет
горожанину, подобно тому, как рассказывают. Во
времена его святейшества, прибежища
посланнической миссии пророка, да благословит
Аллах его и [весь] род его, один из арабов-
кочевников по имени Захир каждый раз, как
приходил в город, приносил в виде подношения его
святейшеству что-либо из даров пустыни. А когда
Захир возвращался, тот почтенный снаряжал его
всем необходимым для путешествия и при этом
говаривал: “Пусть Захир остается кочевником, а мы
— горожанами. Нынче мы [помогаем] кочевникам, а
Вы — нам, горожанам”. И так продолжалось и при
дедах наших, и при отцах. Нынче, в силу умножения
нашего единодушия и принимая во внимание наше
содружество, я нарек своего сына Мухаммад Ризой в
честь Мухаммада Ризы, сына господина [моего]. К
Вам я направил верного человека Шахверди, дабы
Вы ради света очей [Ваших] мирзы Мухаммада Ризы
соизволили приложить скрепляющую печать из

числа прочих своих печатей для подтверждения имени тезки, а Шахверди в скорости отпустили бы. Более я Вам докучать не стану. Постоянно взором упования буду глядеть на Ваши обстоятельства, несущие отпечаток благополучия, и ждать Ваши распоряжения, если захочет того великий Аллах. По просьбе и желанию любящих друзей и искренних откровенных почитателей пусть он (т. е. адресат) пребудет в безграничном счастье!

/л. 56а/ Послание покойного муллы Исма'ила джамшиди Сафари, ранее упомянутого в приведенном [выше] письме, к моему почившему заступнику [перед богом]

Преданный единоведец, доверенный проситель [перед богом]! Вслед за полагающимся и искренним исполнением традиционного изъявления необходимых благопожеланий и посвящений докладываю, что с того момента, как сердце [мое], таящее единомушие [с Вами] и всегда тоскующее [о Вас], имеет обыкновение разузнавать о благоприятных обстоятельствах господина,

обладающего величием и почетом (т. е. адресата), оно постоянно получает известия [о Вас]. Но прошло уже много времени, как тайник мольбы сего стесненного сердцем, стоящего в ряду преданности, не был освещен лучом озаряющей мир свечи — безгранично любимого пера [Вашего], а в сокровенную опочивальню моей искренней веры не проникали отблески любимых мною букв [Вашей] осененной **[95]** жалостью записки. Самая долгая зимняя ночь имеет освещающий мир рассвет. Ступив пятой учтивости на ковер изъявления [чувств] и убедив себя посредством сего послания в добрых помыслах [Ваших], испрашиваю о причине и поводе [Вашего] недостаточного внимания ко мне. Надеюсь, что оснований для этого обстоятельства, кроме [Вашей] забывчивости и отсутствия таланта у [Ваших] искренних почитателей (т. е. у пишущего сии строки), не имеется. Я молю господя о том, чтобы в противоположность минувшим временам Вы не стерли с полей Вашего сострадательного сердца старых друзей и искренних просителей за Вас [перед богом] и написали о действительном положении

Ваших обстоятельств, отмеченных клеймом радости, дали знать о том, чем могут услужить Вам ряды Ваших искренних друзей, а также чтобы от Вас пришло дружеское животворное послание.

Да будет вечной вереница дней Вашего счастья во имя господа, несущего благодать.

*Послание покойного мирзы Фатх Али Мерви,
письмоводителя покойного Байрам Али-хана, моему
почившему заступнику [перед богом]*

Праведник, следующий тропой искренних убеждений, [человек], твердой поступью шествующий прямым путем искренней веры!

Воздавая хвалу и славословие, которые украсили форму приветствия, подобно тому как румяна правдивости освежают чело аскетов монастырской общины, вознося традиционные похвалы и молитвы, кои выявляют и обнажают способ их изъявления, подобно тому как облик посвященных в божественную тайну [выступает] из-под [маски] лицемерных сомнений и колебаний, страница

письма, впитывающая написанное, объясняет, что дружеское и изящное послание посредством пера искусного достойного Сахба-на ¹⁷³, наносящего тонкий узор, коим ныне [по отношению к сему лицу] были проявлены забота, любезность и внимание, явилось факелом, озаряющим келью молитвы и просьбы. Лучи его радиальных букв осветили непроглядную тьму мольбы, подобно белой восковой свече, они озарили сокровенные уголки [моей] преданности и привязанности. От созерцания их красоты дети рая, совершенно пристыженные, /л. 56б/ прошествовали в святая святых воображения, дабы снискать расположение глубокомысленных верных друзей. Оно явилось истинным наслаждением сада желаний, преуспеванием розария искусства. Где [взять] крупицу ветерка возможности [для подражания], как благодарить сверкающее солнце за его блеск. Надеюсь, что всегда озаряющее мир яркое сияние [Вашей] высокостепенной особы, даруя свет оранжерее благосостояния истинно верующих, как ближних, так и дальних, будет ласкать друзей и взращивать малых, хотя столбовая

дорога переписки настолько сузилась из-за атак витязей арены изощренности, [96] что желание [написать письмо] нельзя доверить ни творчеству следующих стезей учтивости, ни труду соперничающих со знатоками обычаев и традиций, [и] нет возможности добраться до обители изъявления страсти, найти ход к достойным благородным людям. Наконец, ввиду крайней степени [моего] страстного желания, в том смысле, что, быть может, мне при помощи нескольких упомянутых слов, пройдясь по кромке ковра благородных помыслов, удастся подойти к священному месту — к озаряющей душу [Вашей особе], аз, грешный, не заботясь о последствиях этого поступка, осмеливаюсь на дерзость. Молю о том, чтобы под воздействием моей просьбы райские кущи Ваших желаний, окропленные грозovým облаком животворящего пера, увлажнились и зацвели, [а] воздаяние за службу [Вы] включили бы в число милостей и знаков внимания, ибо оказание их выявляет искренность намерений.

*Письмо покойного мирзы Исма'ила, везира Мешихеда
[174](#), моему почившему [отцу]-покровителю, да
простит их Аллах*

[Сей] мученик-пьяница кабачка почетной встречи [175](#),
опьяненный кубком страсти достижения
благородной и дарующей радости беседы [с Вами],
вслед за закладкой фундамента единения и союза,
после выполнения обряда, [показывающего]
искреннюю любовь и привязанность, имеет
сообщить [Вам], украшенному [божьей] милостью
сановному, высокопоставленному приближенному
[господина нашего], славного милосердием и
благоденствиями, благочестивейшему и
признательнейшему, квинтэссенции
аристократического рода, лучшему представителю
благородного клана вождей, гордому, знаменитому
почитаемому моему повелителю, что [Вы] изволили
переслать [мне] прозрачную вкусную воду половодья
доверия и единства [нашего], брызги облака калама
дружбы, каплю почерка уважаемого властелина
[моего] — то есть письмо, изъясляющее приязнь,
украшенное благорасположением,

[свидетельствующее] о прочных дружеских узах [между нами], которое по прошествии веков забвения и исчезновения [моего] из [Вашей] памяти начинается с упоминания обо мне. В момент, когда лужайка бытия искренне любящих Вас (т. е. пишущего сии строки) сбросила [на землю] листья и плоды свежести и веселья из-за засухи неполучения капель весеннего дождя с дружеского пера [Вашего] (а они в саду [моей] жизни являются заменой живительной влаги), рано поутру там, /л. 57a/ где только что распустившиеся листья сделали первый вдох, ввиду отсутствия разноцветных роз-писем поднялись до Сатурна жалобные стоны потерявшего покой соловья-сердца — вместилища симпатии [к Вам] (подобно тиглю с горячей ртутью, оно погнулось, раскалилось и трепетало). [И тут] на голову истомленных жаждой [странников] по пустыне удивления хлынул дождь. Он освежил, оросил, напоил и заново окрасил яркой зеленью луг помертвелою бытия моего, и оно снова возродилось и приобрело **[97]** непомерную радость. Уведомление относительно денег в сумме четырех туманов

наличными, требуемых управляющим с еврея
Исмаила, о взыскании их и пересылке в столицу
Герат [получено]. Хотя вышеупомянутый находится
в весьма стесненных обстоятельствах и является
должником, но, с божьей помощью, так или иначе с
него взыщут и отошлют наличную сумму,
требуемую управляющим, до последнего динара. Я
надеюсь, что постоянно заветное желание любящих
[Вас] благодаря велеречивости васитских попугаев
наполнит ласковое перо чистейшим сахаром. Вы не
откажете мне в милости написать и изложить
благополучный ход [Ваших] дел и указать, какие
надлежит отсюда оказать [Вам] услуги.

*Послание покойного муллы Фулада Каини,
письмоводителя покойного мирзы Бука-хана, моему
покойному благочестивому [отцу]-заступнику
[перед богом]*

Выровняв строки посвящения, уплатив долг [своей]
преданности, довожу до Вашего сведения мнение,
ясное, [как] блеск взошедшей луны, о том, что вот
уже много времени прошло, как [Вы], уверенный в

моей преданности, стерли мое имя с полей [своей] сверкающей души, озаренной благосклонностью, не изволив донныне отправить никаких известий о нынешних событиях, благоприятных, радостных и счастливых. Ввиду прочных устоев дружелюбия и постоянного единства [наших родов] из поколения в поколение я все время пребываю в готовности со всей радостью услужить Вам. Отчаявшись [получить весть], я сунул голову в ворот удивления: с какого это перекрестка плотный слой пыли осел на поверхности [Вашей] души, что Вы вдруг меня — близнеца самой верности — присоединили к ряду забытых [Вами]. Я надеюсь, что, кроме забывчивости и занятости, нет иной причины. И хотя Ваши слуги (т. е. пишущий сии строки) пребывают в немилости, я непоколебимо следую путем веры и чистосердечия.

Тебе не доведется услышать, как мы скажем: “Брось друзей”,
Если даже ты меня не любишь, я говорю тебе: “Да, [я твой друг]”.

*Послание его сиятельства покойного мирзы Бука-
хана, правителя Каина ¹⁷⁶, моему почившему
заступнику [перед богом]*

До той поры, пока небеса благосклонны к Вам ¹⁷⁷, да
будет прочным и постоянным [Ваш] достаток. /л.
576/ Да пребудут неизменными чистые просторы
райского розария души сановного, высокоместного,
благочестивого, благодетельного, важнейшего из
великих, наипочтеннейшего, средоточия
добродетелей, собрата по положению мирзы
Мухаммада Казима, да увековечится его величие, да
будут [они напоены] свежестью цветов бодрости,
радости, веселья и удачи. Украшенные пышностью
цветника и богатством чести весеннего сада, да
пребудут райские сады великой славы и могущества
[98] под сенью обильного дождем облака милостей и
благодеяний всесвятого творца вдали от вреда
случайностей фортуны.

Связав букеты приветствий и отобрав украшения,
[подобающие] обычаю любви и верности, что
является правилом собирателей роз в саду дружбы,
пусть [адресат] взглянет на страницу [нашего]
единства. Подробности обстоятельств и ход событий
в наших краях таковы, как они чистосердечно
описаны в письме рабов беглербека. Если бы и я что-

либо написал [об этом], то, кроме повторения,
многословия и надоедания Вашему
высокопревосходительству, [сие] не дало бы иного
результата. Нетерпеливое стремление [к Вам],
желание встретиться, зимняя сердечная тоска сего
обездоленного были умерены и успокоены радостью
цветника мыслей о духовном свидании [с Вами] и
прогулкой по розарию драгоценных, несущих
удовольствие писем. Поэтому я радуюсь, что,
вытащив розу [моей] мольбы из букета просьб,
[господь] преподнес ее Вам, дарующему ликование.
Я жду, что райские кущи нашей души не будут
лишены капель из облака красноречивого [Вашего]
пера, что не останутся бесплодными труды надежды
жаждущих [получить] от ангела-вестника вверенный
[ему] ответ на письмо, отмеченное заботой.

*Послание его сиятельства покойного Али Мардан-
хана зангуи, правителя Тебеса [178](#), моему почившему
благочестивому заступнику [перед богом]*

От порыва ветерка, доносящего ароматы амбры,
изобильной божеской щедростью, да пребудет

вечноцветущим и всегда свежим лепесток бытия
дружелюбного, сановного, высокопоставленного,
милосердного Вашего высокопревосходительства,
благочестивого, почтеннейшего, достохвального,
родовитого аристократа, главнейшего из
письмоводителей, да увековечится его величие и в
соответствии с просьбой его друзей да сопутствует
ему в обоих мирах удача в достижении поставленных
целей и исполнении желаний.

Вслед за высказыванием цепи многочисленных
приветствий и [выражением] глубокого желания
достичь [с Вами] встречи, изобилующей очевидной
пользой, [автор] возлагает надежду на
благожелательное дружеское отношение [Ваше] и
высказывает серьезное соображение,
воздействующее [как] эликсир братства, что
почтенный обмен мнениями и известное послание,
написанное и отправленное при посредстве
сановного собрата по должности Абд ал-Джаббар-
бека, получено мною и [меня] /л. 58а/ обрадовало. То
место письма, где [Вы] уведомляете о добром
здравии [Вашем], стало источником моей радости и

счастья. Нынче, когда его превосходительство, квинтэссенцию аристократии мирзу Мухаммеда Ибрахима, кстати, направили исполнять обязанности уполномоченного высокочтимого наместника, степенью близкого небесной сфере, [автор] почел необходимым написанием [сего] [99] свидетельства расположения [к Вам] привести в движение узы дружбы, напомнить о себе и обеспокоить [Вас] изъяснением обстоятельств. Во всяком случае, по доброй традиции друзей — сохранить доброжелательство — пусть он соизволит, если захочет великий Аллах, изыскать способ, чтобы осуществить свое намерение возвратиться, поскольку он был уверен, что от того дела не сможет уклониться и собирался следовать путем единства. Более по этому поводу не надоедая, автор надеется, что, постоянно отворяя врата переписки и обмена посланиями, Вы напомните друзьям [о себе], написав сообщение о действительном положении дел и отправив [сведения] о происшедших здесь важных событиях.

*Послание его сиятельства покойного Абд ал-Али-
хана, хакима Туршиза, моему [ныне] почившему
покровителю*

Поскольку весна — отрада всего света и весенний период всегда и везде вызывает зависть к базилику и цветам, да пребудет неизменным луг славы, богатства, радости и розарий счастливого бытия рядов прислужников [при особе], щедрой в благочестии и благотворительности, отпрыска великого славного рода, самой гордой семьи, образца достоинств, собрата по положению мирзы Мухаммада Казима, да сохранится при нем обилие весенних благ, да будет дело его украшено тюльпанами и розами, да обретет он покой, да осуществляться его чаяния и да минуют его осенние невзгоды ударов судьбы.

Украсив чело свидетеля преданности и дружбы, автор имеет сообщить [свое] мнение о потребности благорасположения [к Вам] и обнажить [свое] сердце, озаренное любовью. Я удостоился чести и счастья получить фирман, [носящий] печать блеска

благородной дружбы, изучил [Ваше] высокое суждение, которое Вы отправили с многоуважаемым Ака Джа'фаром, глашатаем *саркара*, относительно побега Вашего гуляма абиссинца по имени Мубарак. Упомянутый Мубарак перед прибытием Ака Джа'фара здесь проезжал, направляясь в сторону Святой земли (Мешхеда). [Вашему] собрату по должности нужен фирман [относительно] Мубарака. Если бы Ваше послание пришло ранее того, как он находился в наших краях, если бы его и не было, то я все равно заковал бы его в цепи и отослал бы к Вам. Во всяком случае, с подробностями этих обстоятельств нынче также ознакомился Ака Джа'фар, он Вам их изложит. А относительно поимки упомянутого Мубарака в свете дружеских отношений [наших] я теперь также, если того пожелает великий Аллах, предприму необходимые старание и усердие, ни в коем случае не допуская промедления. /л. 58б/ На стезе дружбы и в силу искренней приязни необходимо постоянно подкреплять отношения любви и братской привязанности отправкой писем, уведомлением об

истинном положении дел и обращением с делами, не терпящими отлагательств. **[100]**

*Послание его сиятельства покойного
благочестивого Мир Ма'сум-хана араба племени
хузайма моему покойному набожному заступнику
[перед богом]*

Пусть секретариат вашей милости пребывает всегда в радости и преисполнен ликования, [а] средоточие рода знатности и чистоты, парфюмер семейства сановитых, отмеченный печатью писмоводителя высокого ранга, брат по положению мирза Мухаммад Казим, да увековечится его величие благодаря блеску и гибкости его речи, тонкости и разносторонности его образования и познаний, [да станет он] укрытием кружка страстных сердцами и мудрых людей, да позавидуют ему в художественной студии сокровенного люди честные и с изысканным вкусом. Сотворив приветствие и воздав дань традиции, напомнив о единстве и очевидном родстве душ, автор полагает необходимым сообщить, что в тот момент, когда душа опечаленного и

расстроенного создателя ввиду отсутствия известий об обстоятельствах того достохвального [человека] была в смятении и волнении, зефир веселья затрепетал и доставил услаждающее душу известие, что [их светлость] направили высокодостоинного сотоварища, собрата по должности Абд ал-Джаббарбека. Брошенный [Вами] луч прибытия [Абд ал-Джаббара] словно бы извещал о том, что на лужайке, источающей аромат величия в полноводном краю знатности, зацвела и распустилась роза, и радость поселилась в сердце [Вашего] друга. В то время, когда высокопоставленный Араб Кули-бек, человек высокодостоинного и почтенного Али Мардан-хана, намеревался направиться к господину беглербеку, чтобы уладить дела, я решился беспокоить Вас. Известно, что ввиду связей из поколения в поколение и в силу доброжелательства, которое является врожденным качеством натуры того достохвального, он не воздержится от изъявления своего благорасположения, а надобности в каких-либо поручениях [у меня] нет [179](#).

/л. 59a/ Согласно смыслу стиха:

О высокочтимый, что это ты похваляешься горстью праха великих
[мира сего],

Думай о своих личных заслугах, забудь о своем знатном роде —

и поскольку цель этих заметок, этих “Памятных записок”, [рассказать] о людях, близких моему сердцу, и обратиться к потомкам и родственникам, я не останавливаюсь на подробностях. Даже за написанное мною в соответствии с высказыванием моего покойного покровителя мирзы Абу Талиба, имевшего поэтическое прозвание Ма'ил, которому [принадлежит] строка:

Свое невежество подтверждают те,

Кто составляет генеалогическое древо своих предков, —

я боюсь упреков критиков и злословия насмешников.

*Те, кто связывает свою славу с именем предков,

Подобны собакам, обрадовавшимся кости. **[101]**

Воистину,

Если ты станешь гордиться благородными предками,

Ты прав; увы, однако, они породили дурное*.

Однако, поскольку книги, документы, сочинения и грамоты сего беспомощного неоднократно подвергались разграблению и воровству, [автор],

боясь забвения и тлена, приступил к записыванию [деяний] их (предков). В книге *Латаиф аз-зараиф* [180](#) упомянуто, что доблестный имам Мухаммад Бакир, да будет над ним мир, однажды беседовал с халифом Мансуром, а Раби-хаджиб стоял [подле] [181](#). Мансур спросил имама: “Сколько лет прошло с той поры, как скончался твой отец?” Имам изволил ответить: “В таком-то году, да будет доволен им Аллах, в таком-то месяце, да будет доволен им Аллах, в такой-то день недели, да будет доволен им Аллах, а похоронен в Баки', да будет доволен им Аллах [182](#). Прожил он столько-то, да будет доволен им Аллах”. Желая подольститься к халифу, Раби сказал: “Как ты [посмел] столько раз в присутствии халифа произнести о своем отце “да будет доволен им Аллах?” Имам ответил ему: “Тебя-то не упрекнешь в подобной надоедливости, ибо нет тебе радости от отца, ты им не дорожишь и даже не знаешь, кто именно тебе доводится отцом”. **Фард:**

Человек, познакомившийся с городом,
Знает, где располагаются наши товары.

Мой покойный отец-покровитель родился в месяце зу-л-хиджжа Запретном 1138/июль — август 1726 года в селении Барнабад, и сей отрывок — результат размышлений сего обескрыленного — уведомляет об этой дате. **Кыт'а:**

О дате рождения своего покровителя

Я задал вопрос своему разуму, чтобы ее запомнить,

Задумался Хызр-разум и сказал:

“Солнце великолепия возшло над башней славы” [183](#),

а прожил он шестьдесят восемь лет.

Одно-два мгновения, названные жизнью,

Подобны утру [птицы], в полете ищущей зернышко*.

Для постигших самую суть творения и для ведающих моменты познания и прозрения не является

сокрытым или тайным, что вселенная — не место

обитания и пребывания, не приют для отдохновения

и веселия, но обитель бед и зол, временный бивак,

[разбитый] в назидание [человеку], и доказательство

[тому] стих Корана: “Всякий, кто на ней, исчезнет”

— и аят: “Всякая душа вкушает смерть” [184](#). Бытие

близко к смерти, а цветы с лужайки [жизни] не имеют ни цвета, ни запаха вечности (**фард**):

Всякий, пришедший в мир, поселится в небытии,
Тот, кто прочен и вечен, станет божеством, — **[102]**

изначальные составные части, которые под воздействием движения небосвода были созданы за несколько дней по воле и желанию пречистого господя, /л. 59б/ требуют разъединения и разобщения.

Хотя уход из этой иллюзорной обители в райский сад — приют чистой радости — является отдохновением и сущим удовольствием, однако, когда человека, живущего во вселенной рода человеческого, настигает такая беда, он сгибается под тяжестью этого. Так [согнулся и я] из-за ужасного, ледящего душу, лишаящего разума несчастья — смерти моего покойного благочестивого покровителя. [Это было] подобно войску горя и муки, бросившемуся в атаку на сего заточенного в темницу испытаний и насилия. Я даже хотел,

Я готов отдать свою душу, чтобы получить в обмен его жизнь,
Согласен довольствоваться одним стеганым одеялом, лишь бы Азраил
оживил его.

Однако что за польза от солнца, коль в лучах его
забот многие люди проводят [дни] в тревоге из-за
несчастий, струящих холод; из-за его
противодействия обитель коварных небес вступает в
фазу солнечного затмения. Преуспеяние, которое
является последствием и признаком милостей
[господа], нежит в тени и колыбели отдохновения
лишь малую кучку людей.

Дни его жизни подошли к концу. А сей немощный
был вынужден ради назидательного примера прочим
людям оставаться в оковах жизни — сей
недолговечной юдоли. Под тяжким бременем тягот и
потерь я удивлялся своему положению, как
поразился Нарцисс [при виде своей красоты]. Из-за
множества несчастий я был растерян, подобно
луноликим красавицам, [восхищенным своей
прелестью]. Подобно кальяну, я не мог сделать ни
вздоха, чтобы пламя пожара моего сердца от кипения
крови в моей печени не смешалось бы с дымом

скорби. Подобно переполненной чаше, я не мог смочить губы и при этом от множества рыданий не утонуть в слезах. **Стихи:**

Я горю, и об этом печалится даже сердце пламени,
Воды полнятся влагой моих глаз,
Ночь набирает черноту из беспросветности моего дня,
Горе обучается безотрадности на примере моего отчаяния.

Подробности этого дела такие. Согласно просьбе правителей вилайетов Хорасана его высочество царевич Махмуд назначил моего [ныне] почившего отца-покровителя составлять в том краю кадастр, хотя некоторые гератские чиновники просили поручить им это дело и давали управляющему [царевича] взятку в пятьдесят туманов. А мой [ныне] почивший отец не согласился и по смыслу стихотворения [другого] моего почившего покровителя, имевшего поэтическое прозвание Ма'ил Барнабади:

Алое сердце не хочет брать свой цвет у рубиновых уст,
И нет желания понюхать подбородок, хотя он похож на яблоко — **[103]**

из-за того дела подавал в отставку, не видя пользы в этих планах. В 17-й день месяца шавваля 1206/10

июня 1792 года отец приехал в Барнабад, намереваясь направиться в те края. Здесь отец задержался, посвятив несколько дней осмотру домов и садов, которые возвел и разбил пишущий эти строки и которых почивший [отец] никогда дотоле не видел. /л. 60а/ Хотя отец постоянно высказывался о бренности сей юдоли и задумывался о сборах в мир вечности настолько глубоко, что за двадцать лет до кончины приготовил саван и имел его при себе во время всех путешествий, повсюду, куда бы ни направлялся; за семь лет до смерти возвел для себя склеп; за два года — изготовил гроб и держал его всегда в своей комнате для гостей подле себя — сколько ни просил пишущий эти строки, давай-де перенесем гроб отсюда в другое место, он не соглашался, — но в те два-три дня пребывания в Барнабаде, более чем когда-либо ранее, в его поступках и речах обозначились признаки [близкой] кончины и безысходности, приметы смерти и перехода [в иной мир]. Так, за два дня до кончины, придя в сад пишущего сии строки, он сказал: “Неизвестно, когда смерть дарует нам покой и когда-

то я еще приду в этот сад”. В сопровождении нескольких человек он пошел из сада к своему склепу, отворил двери склепа, которые в течение семи лет были заперты, приказал подмести там, а двери не запирасть. Людям, с которыми он беседовал в тот вечер, отец в течение пяти часов излагал [свои] соображения о тленности и недолговечности земной юдоли. Поздней ночью, извинившись, он отпустил их [со словами]: “Вы хотите спать, а мы желаем воспользоваться представившимся случаем”. **Стихи:**

О дорогие, цените беседу на этой лужайке —
Завтра ветерок унесет нас, как лепестки.

И в такую-то пору, среди ночи, он отправил человека за архитектором и каменщиком. Они набросали план мечети, которую архитектор собирался возвести, а каменщик придал [плану] конкретный [облик]. Пишущий эти строки умолял [отца], минет-де ночь, завтра обсудите это дело, но [отец] отвечал: “Я не уверен в том, что завтра буду жив”. Несмотря на то что отец был занят [почти] всю ночь, он встал очень рано. [Накануне] он ударился носом о дверь, и нос беспокоил его. Я стал расспрашивать отца о причине

этого. Из глаз его полились слезы, и он молвил расстроенный: “Старость настигла меня, сила обернулась немощью. То так, то этак дают себя знать близорукость и слабый слух. При свете лампы я стукнулся носом о двери”. Он приказал [подать] ему зеркало и стал себя разглядывать, приговаривая: “Пришло мое время уходить [из жизни]”.

Примерно через час он пожелал проехаться верхом /л. 60б/ по степи. Не ожидая проворной дворни и прочих прислужников, которые, как и я, собирались отправиться вместе с ним, он со всею **[104]** возможной поспешностью, в сопровождении двух-трех слуг отправился вперед. Вопреки тому, что, приступая к делу, [отец] всегда принимал во внимание благоприятное или неблагоприятное [для этого] время, нам [на сей раз] не пришло на ум ни дурное предзнаменование даты — двадцать первое число, которое имеет плохую славу, ни [взятое отцом] направление — в сторону созвездия Юлдуз, о котором известно, что оно сулит беду. В субботний день, 21-го числа месяца шавваля, отец поехал в степь к востоку от Барнабада. По случайному

совпадению в той самой местности, где ружейной пулей был убит мой покойный дядя мирза Мухаммад Риза, лошадь отца из-за строптивости и резкости ее нрава и многих неровностей [почвы] упала, и отец оказался под нею. От сильного удара его внезапно разбил паралич, половина тела сделалась неподвижной, и он совершенно лишился дара речи. Не было проку ни от обильных подаяний, молитв и советов, ни от лечения врачей. Поутру, в пятницу 24-го дня шавваля месяца /16 июня 1792 года, он преставился милости всевышнего господа и приобщился к лику усопших, избавившись от мирской суетности. *Мир — временная наша обитель, Сердечный покой там недостижим, Траурный дом, в нем мрачно и неуютно, Нет здесь и признака постоянства*.

Несмотря на горе, сей обескрыленный надумал и сочинил языком чувства и слова сию элегию для сохранения в памяти даты кончины отца-покровителя, обладавшего достойными похвалы свойствами всепрощения.

Элегия

на дату кончины моего благочестивого отца-
покровителя

Горе мне из-за твоих притеснений, о сеющая злобу судьба,
Из-за превратностей твоих, о вероломное время.
Увы мне! Нет справедливости от твоего беззакония, о небо,
От бесчеловечности твоей, о коварное небо,
Чем прогневил я тебя, что ты меня так обездолило,
Меня, горемычного, лишило отца.
Он — мой господин, и, так же как для меня,
Он был опорой всего нашего рода,
Он был розой, и с нею расцветал цветник эпохи,
От свежести его лица гератский сад наполнялся цветами,
От сияния солнечных лучей, что источало его чело,
Становился ясен смысл бытия и место восхода светил.
Наставник рода людского, украшение собраний эпохи,
Одаряющий щедростью, а по толкованию [мудрецов] он — груда
драгоценностей,
Он был Иосифом Прекрасным для моего сердца и вот сокрылся из
глаз,
К престолу всевышнего [устремился]; меня же покинул в горе.
Теперь, когда его тень покинула меня,
/л. 61а/ О если бы я мог стать за него искупительной жертвой,
То я стократ стал бы жертвой за его дражайшую душу.
Если бы то было в моих силах и возможностях,
То я бил бы челом у подножия с его прахом.
Кто имел счастье хоть когда-нибудь навестить его, [105]

Тот будет рядом со мною в трауре и скорби.
Все: гулямы, родственники и слуги его —
Льют слезы из глаз, как весенние тучи,
Вокруг моего жилища от потоков воды из глаз
Повсюду разлились половодьем реки, подобные Евфрату,
Мир перевернулся от потоков [слез] плачущих родственников,
Если бы также все глаза их стали облаками,
О небо, от хладного ветра моих вздохов
Этот вершок земли в конце концов рассеялся по ветру, как горсть
праха,
Да падет огонь моего сердца тебе в душу.
Да как мне рассказать о своем ужасном злосчастье,
Что придумать, как посыпать голову пеплом?!
Теперь, когда властитель престола четвертого неба
Украсил землю зеленью цвета эмали,
Цветы подняли головки от земли.
Так что же ты, моя надежда,
Положил под землю свою румяную щеку?
Подними голову с земли, приди посмотри,
Как от страшного горя почернела моя судьба.
Коварное небо по хрупкому стеклу моего сердца
Бьет без усталости камнями событий,
Мишенью стрел бедствия стал скакун моей груди,
Каждое мгновение из лука судьбы летит в меня тысяча стрел.
В двух случаях судьба против меня:
В радости несется вскачь, в горе — замедляет свой бег.
Как я расскажу о себе, если, подобно клетке,
Стал тесен для меня весь мир,
Вселенная придавлена, подобно хамелеону, от игры переменчивых
красок,

Из-за причуд фокусника мир полон коварства,
В удивлении взираю [на все вокруг], чувствуя себя
То всклокоченными волосами друга, то сердцем, смятым, подобно
бутону.

Одним словом, вот уже семь лет [185](#), как я

Лью из глаз слезы цвета крови,
Из-за того, что моя несчастная жизнь пошла вкривь и вкось,
Мне стало безразлично, день ли, ночь ли на дворе.
Что за удовольствие от такой жизни,
Если для моих желаний вместо меда всегда оказывается горький яд?!
Я ослабел от невзгод происходящего,
И в поисках спасения стал хромать скакун моего разума
С тех пор, как ушел мой дорогой отец, который
Всегда защищал меня своею добротой.
Теперь, из-за происходящих несчастливых событий, несмотря на его
достоинства,
Я ощущаю себя то в когтях тигра, то в пасти морского чудища.
О создатель времени и пространства, распространи на меня
справедливость,
Сжался надо мною и освободи меня от позора!
О всеблагой, сжался по милости своей,
Будь великодушен, прояви ко мне терпение и выдержку,
Я теперь настолько удручен горем, что от смятения чувств,
Под тяжестью несчастья мой стан согнулся полумесяцем,
Так моя звезда сошла с зенита благородства,
/л. 61б/ И так я живу, испытывая невзгоды
В конце концов мир стал для меня мрачным, как келья,
От ран мое сердце стало дырявым вроде решета.
Черное горе так охватило мою стесненную душу, **[106]**

Что достает [только] силы размышлять о вступлении [в этот мир] и об уходе [из него].

Почему я думаю об этом событии, которое
Из-за душевного беспокойства сделало рубиновым язык моего красноречия?

Как мне рассказать и поведать об этой скорби,
Где отыскать силы, чтобы доложить, где [взять] язык, чтобы вещать?!
На кого ни посмотрю, он видится мне подобным мне самому —
Охваченным пожаром скорби, утонувшим в пучине печали,
Если же нет, то, значит, вместе с ним (отцом) уже покинувшим мир
Веселья, безопасности, удовольствия, душевного покоя.

Почему после его кончины никто, как и я,
Не видит и признака спокойствия, даже в мечтах и во сне?
Бездушию своему я удивляюсь: почему
Я до сих пор остаюсь в живых при таких-то муках и таком горе?
Нынче, когда я испытываю такие боли,
Такие вспышки замешательства, такие [тяжкие] обстоятельства,
Для того чтобы запомнить [роковую дату], я задал себе мысленно
вопрос
И получил ответ: в 1206-м году
В день пятницы 24 шавваля
Полетела птица его души в сторону райского сада,
Райская птица расправила над ним крылья, [направляясь] к гнезду.
Если подсчитать сумму чисел, составляющих эту дату, она станет
ясной
Из [числовых значений] слов “пятница 24 шавваля”.

Можно постичь суть этой даты из слов “хам” — скорбь, “гамм” — горе
и “ана” — страдание,
Можно воссоздать ход событий и по слову “гоур” — раздумье [186](#).

Довольно, Риза, закончи речи произнесением молитвы,
Не нужно рыданий, Риза, пребудь в согласии с богом.
О правосудный, пречистый, величественный и высокоместный,
О пророк, всеблагой, могущественный
Предводитель апостолов, щедрый к правителям,
Почитаемый избранными, святой для попечителей,
Для пяти святых шиитских имамов и четырех высокопоставленных
друзей,
Для сейида мучеников, для кравчего райского источника Коусара,
Для одиннадцати сыновей тех имамов,
Которые являются первосвященниками всего рода людского,
провожатými, указующими путь
Приверженцам и последователям сподвижников,
Предводитель присоединившихся, последняя застава для путников,
Сама искренность для преданных,
Которые столь пронизаны страстью.
Он — опора нищих бедняков, его именем поддерживают пленные свой
дух.
В насилии притесняемых — слепец, находящийся в безвыходном
положении,
Ты проходишь мимо источника греха моего отца и прощаешь,
Всеобъемлющей милостью [прости] вину его, будь заступником на
месте сбора людей в день Страшного суда,
По великодушию своему, о всепрощающий,
Пожалуй ему (отцу) почетный халат, по милосердию своему, о
правосудный,
Возвеличь его убранством особого отпущения грехов,
По всеобъемлющей своей доброте возложи венец ему на темя,
Дай ему приют в Судный день **[107]**
Под сенью знамен высоконравственных людей.

Обитель господа [суждена] ему со дня рождения до дня воскресения из мертвых,

Он отвергает противозаконие и греховные поступки.

Да не случится так, чтобы когда-либо кто-либо из его родных

Ступил с пути закона шариата, [предначертанного] пророком.

Начни всем оказывать милости,

/л. 62a/ С помощью мудрости своей переправь нас всех через поток греха,

О надзирающий, ты сам обладаешь божественной силой,

Поэтому поверь, что мы все одинаково опечалены,

О Аллах, не допусти, чтобы мы, злосчастные,

Были бы так наказаны судьбой, так унижены и жалки.

О господи, не обращай внимания на наши прегрешения,

Обороти свой взор к милостям, доброте и мудрым деяниям,

Ведь даже если мы погрязнем в грехах, только ты можешь даровать нам отпущение,

Что есть сей грешник в сравнении с твоим всепрощением?!

Поскольку некоторые высказывания моего

покровителя с тех пор не потускнели, я приступил к

их пересказу. В том числе он изволил сказать о

раскаянии и заблуждениях и [выразить] сожаление о

прошедших днях своей жизни. “Мне было

восемнадцать лет, когда я был назначен на

должность в канцелярский приказ столицы Герат. А

нынче, когда мне исполнилось шестьдесят восемь, в

общей сложности пятьдесят из них я спешил в

прихожую [этого приказа], кто бы его ни возглавлял.
Во время путешествий я претерпевал от них
(придворных) многие бедствия и тяготы, *бывал во
многих местностях Хорасана, Туркестана, Хорезма, в
некоторых городах Ирака и Индии *. Я видел от
своих современников и издевательства и беды. В
течение пятидесяти лет, что я ходил по меньшей
мере по тысяче шагов в день туда-сюда, в прихожую
начальников приказа, я претерпел материальный
ущерб на семь-восемь тысяч туманов. Если бы эти
издержки и эти хождения я обратил бы на угодные
богу дела, о сколько прекрасных храмов мог бы я
воздвигнуть, сколько раз посетил бы я Мекку! Нынче
как я сетую, что всю жизнь свою погубил
понапрасну, что ради участия в суетных делах
ступил со стези и отошел от линии поведения своих
предков и упустил из рук самое дорогое свое
достояние — жизнь, *да не будет никто, как я,
несведущ в ценности жизни.

Кому известна цена возмездия за вероломство и воздаяния за верность,
Кто знает пеню нашей прошедшей жизни?*

Как говорят [по-арабски]: “Самое большое несчастье — терять понапрасну время, самое большое горе — упустить подходящий момент”. Ныне, когда удобный случай упущен, я сам себе удивляюсь и скорблю о своих поступках”. **Стихи:**

Боюсь, что [напрасно] надеюсь на награду,
Так как денно и ночью, и нынче и раньше притесняет нас наш
господин. **[108]**

И он припоминал известные рассказы, записанные в *Анвар-и Сухайли* [187](#), относительно воздаяния за проступки и рассказывал их, приводя по ходу изложения доказательства [их правильности] из личного опыта и минувшей жизни. В назидание нижайшим он разъяснял смысл этого [арабского] стиха... /л. 62б/ Стихотворный перевод автора:

О ты, который требуешь высокого сана и почестей,
Следуй путем доброты и справедливости,
Оставь злопыхателей со всеми их кознями,
Подумай о возмездии за твои собственные дела.

Хотя велики были убытки, причиненные
временщиками и насильниками сему смиренному в
момент кончины моего покровителя, но так как я

ранее не имел возможности их описать и изложить, ниже вкратце упомяну некоторые [случаи]. В частности, в тот год причинили такие убытки: при соучастии Ака Хусайна Али, который был тогда управляющим делами его высочества царевича, [взяли] пятьдесят харваров зерна в местечке Оба [188](#), захваченном в тиул покойным Аннаб-ханом Таимани. Доля моего почившего покровителя оказалась равной примерно тремстам харварам, ибо весь урожай увез оттуда Ака Хусайн Али. Ака Бакир курд, происходивший из пленников Курдистана, подлейший курд, но в то время на службе царевича имевший и власть и влияние, завладел пахотными землями Туркабада [189](#), которые [отец] арендовал тридцать лет у [шахского] двора, обрабатывал своим скотом и засевал своим зерном. [Ака Бакир курд] захватил также семь-восемь пар быков-производителей, урожай и весь сельскохозяйственный инвентарь. Это составило примерно еще двести харваров, да еще туманов на пятьдесят рабочего скота, инвентаря и денег, которые отец мой получал с тамошних дехкан. Ака

Али Акбар Туршизи, *ювелир*, забрал тридцать харваров неочищенного риса и зерна [якобы] на воспитание Хайдар-Кули-хана, представив противозаконный, идущий вразрез с обычаями фирман на имя моего почившего отца-покровителя. Ибрахим-хан кипчак, правитель Оба, со своими дружками и старыми приятелями увез урожай с двух зауджей пахотных земель деревни Дираз-махал из вилайета Оба, которые мой почивший покровитель засеял зерном. Временщики завладели одним *фардом* пахотных земель из числа распаханых пастбищ, на засевание которого [отец] расходовал пятьдесят-шестьдесят туманов. Они получили на это фирман его высочества царевича. Все эти люди старались силой причинить ущерб и мучения сему смиренному. Поскольку иных возможностей и прав у них не было, они уговорили царевича [согласиться] на расхищение сумм и денег и беспричинно наносили обиды *всем состоятельным людям в этом краю*, особенно сему сломленному сердцем.

*Все наши беды от лютой ненависти [наших] врагов,

Пыль наших обид служит лекарством для наших глаз* [190](#). [109]

Дело дошло до того, что, как будет ясно из дальнейшего изложения они принудили царевича /л. **63a**/ бежать и скрываться, и он отдался им на свою погибель [191](#), “Навидайтесь, обладающие зрением” [192](#).

Уважение мимолетно, два-три дня — и нет его,
Быстро оседает на дно то, что было на поверхности *.

Чрезвычайно тягостные обстоятельства жизни сего погрязшего в море суеты и волнений и подлинные события, [приключившиеся] с сим блуждающим по пустыне обиды и печали, хотя ни в коем случае не заслуживают того, чтобы быть изложенными, и недостойны быть услышанными (**фард**):

Не слушай нашу сказку, ибо она — [лишь] ступенька горя,
Обидно, что по ней ступает [человек] веселого нрава,

однако, поскольку (**фард**):

В каждой шутке можно усмотреть открытый намек,
Из каждой сказки можно извлечь урок,

[автор] приступил к повествованию, уповая на то, что ему еще суждено пожить и милость вершителя судеб распространится на него, а также потому, что

дни минувшие не изменить на будущие времена,
[ради] основы житейского опыта, примера для
исследователей, напоминания о втуне потраченной
жизни, о ранее совершенных бессмысленных
действиях и поступках, большая часть коих стала
причиной сожаления и волнения сего приюта
раскаяния. **Фард:**

Влияние окружающего мира проявляется только в пересудах,
Иногда мы сплетничаем о других, подчас сами становимся притчей во
языцех.

Появление на свет сего обескрыленного по смыслу
[арабского] полустишия: “Враждуют ради смерти,
строят ради разрушения” — произошло в стольном
городе Герате вечером во вторник в конце месяца
шавваля 1164/13 сентября 1751 года.

*В пустыне небытия я спал,
Мне было хорошо в этом небытии,
[Но] меня разбудили от этого сна,
Не знаю, зачем мне это?*

И этот отрывок содержит хронограмму того года по
хиджре. **От автора:**

Над [составлением] хронограммы жизни, потраченной столь
безалаберно,
Размышлял сей раб скорби,
Когда мудрый старец мне ласково шепнул:
“Мухаммад Риза да будет вождем” [193](#).

А в момент написания этих слов автор миновал уже
пятьдесят **[110]** шесть стоянок на своем жизненном
пути [194](#), и нынче я повторяю такие слова. **От автора:**

Я загубил пятьдесят лет своей жизни
На тщетную суету ввиду полного своего неведения и беззаботности,
Ни одно занятие или дело, за какое бы я ни брался,
Нынче не дало мне ничего, кроме разочарования,
Я старался, но, несмотря на это, видел лишь притеснения,
Беды сделали мой день непроглядной ночью.
Я тщился в пустыне взрастить кипарис,
При всех моих хлопотах теперь у сего бесприютного
Нет ни доли в сем мире, ни покоя относительно загробной жизни,
Я так [бессмысленно] потратил столь дорогую мою жизнь.
О Риза, при всем изъятии раскаяния
Почему же ты остаешься нерадивым и грешным?

Поскольку целью употребления глаголов в форме
прошедшего времени является желание познакомить
с обстоятельствами [сего дня] и использовать опыт
[прошлого] для будущей жизни, автор описывает ход
событий в манере, как это было изложено ранее.

Согласно обычаю воспитания детей в [тот] период, когда я миновал шесть /л. **636**/ стоянок на своем жизненном пути, что составляет шесть лет, 7 шавваля 1170/26 июня 1757 года мой достойный отец оставил сего обескрыленного у Мухаммеда Алибека, известного под именем Кари, для обучения чтению.

Школа открыла передо мною двери в розарий разума: Как только учитель ударил меня прутом, срезанным с того розового куста, я [сразу] стал соловьем *.

Окончив читать Коран, я тренировался, беря первые уроки у [ныне] покойных всесторонне образованных Абдаллаха, имевшего прозвание Мафтун, и Ака Рафи, прозванного Джамии' [195](#), каждый из которых был вершиной совершенства и светилом каллиграфического искусства [той] эпохи. В общем, некоторое время я удостоился чести приобретать знания при одном из выдающихся ученых и эрудитов, потомке сейидов, наиславнейшем Ака Сайид Мухаммеде, и [ныне] покойных шейхе Зийа ад-дине и мирзе Хасане,

Детство и материнский подол были для нас раем,
[Но] как только мы подумали встать на [собственные] ноги и идти
[самостоятельно] — мы растерялись,

постигая основы таких наук, как морфология,
синтаксис, логика, геометрия, философия,
арифметика, астрономия [196](#), согласно [со стихом]:

Для тех, чей удел бедность, нет проку от хорошего провожатого,
Ибо Хызр повернул вспять Александра, жаждавшего испить живой
воды [197](#).

[Так продолжалось] до 1180/1766-67 года, когда сему
беспомощному случилось попасть в компанию и
связаться с завзятыми ветрогонами [198](#). Из-за
общения [с ними] и оболъщения [такими] **[111]**
"наставниками" я безумно увлекся, ввязался в
бессмысленное дело, предался страсти, не только
совершенно пренебрегая получением знаний и
совершенств, но, напротив, стал беспечен по поводу
как земной, так и загробной жизни.

Сколько ни наблюдал [за мной ныне] покойный отец
мой и дражайший покровитель сострадательным и
нежным взором, свойственным взгляду отца,

обращенному на детей, сколько ни наставлял на путь истинный, [давая] участливые советы сему потерявшему голову вместилищу вреда в том смысле, как это вытекает из слов Ибн Йамина [199](#)

(стихи):

О ты, который воплощаешь собой любой портрет,
[Знай], что изначальный художник (бог) нарисовал его иначе.
О ты, который в медресе у школьного учителя алчности
[Все] уроки усвоил, понял и заучил наизусть,
Ты называешь медом плевков мухи
И с наслаждением употребляешь его себе в пищу,
Кокон могильного червя ты принимаешь за шелковый и с
удовольствием носишь [одежду из него],
Называя [такую ткань] то клетчатой парчой, то йеменским полосатым
полотном.
Бусы из ракушек свисают у тебя из ушей и висят на шее,
Ты выдаешь их за драгоценные камни, украшения.
До каких же пор будешь ты обнаруживать жадность и стяжательство?
Ведь твоя доля предопределена заранее,
Стремясь завладеть серебром, не суетись, подобно ртути,
/л. 64a/ Ибо сам господь усыпал твои жизненный путь золотом.
Не стоит вступать в пустыню покорности, ибо нет в этом смысла.
[Собственное] мнение и устройство дел определено трудом.
О свет обеих очей моих, смирись с судьбой и знай,
Что в целом свете ты не сыщешь того, что тебе не предназначено, —

в силу обуревавших меня страстей, что обычно для такого возраста, [его советы] не дали никаких результатов. Вследствие этого, найдя подходящий выход из положения, дабы сего преследуемого злым роком отвратить от пустого дела, отец взял для сего скитальца согласно грамоте Тимур-шаха — прибежища всепрощения — должность надзирателя вилайета Гурийан с двумя парами тиулов из числа пахотных земель Ариз и Фашан. Он отправил меня в Барнабад, полностью освободив меня — мишень стрел вреда — как от занятий теми [дурными] делами и от общения с деревенщиной, так и от приобретения знаний и совершенств. **От автора:**

Общение с непутевыми

Лишает человека разума.

Разве ты не слышал, что пророк сказал:

“Беседа с дураком гнетет душу”.

В тот период я проводил дни, занимаясь земледелием, садоводством, развлекаюсь соколиной охотой, прогулками по горам и степи. **Фард:**

Увы, я понапрасну загубил молодые годы,

В этом чертоге я ни минуты не занимался полезным делом. [112]

Около семнадцати лет поденщики и другие работники сего двойника убытка и приюта раскаяния непрерывно занимались в Барнабаде и других местностях ремонтом крепости, домов, стен, строительством мельниц, разбивкой садов, высадкой саженцев. Из-за великой своей страсти и обуревавших желаний я не уделял внимания смыслу такого стиха. **Фард:**

Послушайся меня, не тяни так со строительством здания,
Дом назовут дворцом, нужно [только] поскорее его построить.

Я огородил примерно сто пятьдесят джарибов пашен и садов. Поскольку и поныне существуют и известны крепость, дома, сады, мельницы, которые я построил, они будут упомянуты по ходу изложения. **Фард:**

Горстка колючек останется после нас для гнезда,
Если мы построим все эти нелепые шалаши.

27-го числа месяца ша'бана Великого 1183/26 декабря 1769 года благодаря заботе и вниманию моего отца-покровителя в Барнабаде произошло бракосочетание и свадьба сего сломленного духом с дочерью моего покойного дяди мирзы Мухаммада

Бакира. 11-го числа месяца мухаррама Запретного
1191/20 февраля 1777 года появился на свет
благоденствующий сын мой Мухаммад Аршад. В тот
момент /л. 64б/ на ум сему немощному пришли эти
строки, говорящие о счастливой дате. **От автора:**

Так как райский сад моей надежды спешит принарядиться,
Слово “спешит” стало хронограммой года твоего рождения [200](#).

От автора:

Когда дорогой старший сын мой
Мухаммад Аршад стал светочем моих очей,
Озарившим сад [моей] жизни,
Я задумался о [сочинении] хронограммы.
Сердце ясно сказала, умоляя:
Да умножит Аллах всевышний твое благородство [201](#).

В четверг 20-го числа месяца раби' ал-аввал 1192/18
апреля 1778 года, когда солнце приближалось к
полудню, на второй день [родин] появился свет очей
моих Абу Талиб. Вот отрывок, содержащий сию
дату:

Расцвела роза в саду моей надежды,
Мое сердце требовало сочинить хронограмму этого [события].

Тайный голос поднял голову и произнес:

“Абу Талиб сын Мухаммада Ризы” [202](#).

Если пожелает великий Аллах, оба они, одаренные добродетелью и стойкостью, осчастливят меня достижением желаемого в обоих мирах и чувством удовлетворения в период естественной жизни. На третий день месяца раби' ал-аввал * 1197/6 февраля 1783 года* сын Бакир, познавший вечность, покинул тайник небытия **[113]** ради ристалища жизни. Сей отрывок содержит эту дату. **От автора:**

Роза букета [моей] надежды в саду моего сердца

Расцвела по милости великого господа.

Дату появления ее я искал в уме, и он подсказал:

“Утром в пятницу третьего числа месяца раби' ал-аввал” [203](#).

Схваченный когтями смерти, упомянутый ребенок в двухлетнем возрасте переселился в мир вечности по причине заболевания лихорадкой.

Затворники — предки сего смиренного, в особенности же облаченный в одежды прощения мой отец, почитали правилом поведения и обыкновением идти проторенным путем дружбы и соблюдения

верности в обращении со знатными современниками и великими мира сего — и когда дела наши шли в гору, и в периоды неудач. И когда в наших руках была власть, и во времена бессилия их манера обхождения была ровной со всеми знакомыми от малолетних до великовозрастных, от дальних до ближних, от родственников до чужестранцев; они вели себя одинаково как в отсутствие, так и в присутствии [человека]. Ввиду этого все знакомые и знатные полностью доверяли им, и во все времена и периоды проявляли к нашим предкам любовь и благосклонность. **Фард:**

Благодаря своей искренности ты можешь занять место в сердцах людей,

Сияние этой свечи отражается в воде.

Так, в 1204/1789-90 году, когда [ныне] покойный главнокомандующий Мадад-хан посватал за себя дочь Йазданбахш-мирзы, сына Шахрух-шаха, и отправил подарки и подношения [ее родным] из Кабула в Святую землю (Мешхед), чтобы ее /л. 65a/ привезли [к нему], а сам вышеупомянутый военачальник был назначен в Хорасан для закрытия

плотины Мерва Шахджана ²⁰⁴, он своей рукой написал и отправил [такое] письмо почтенному моему родителю и пишущему эти строки:

“Поскольку мы почитаем ваш дом своим домом, мы указали хаджи Анбару, евнуху, и своим работникам, дабы наши родственники, которые едут из Святой земли (Мешхеда), разместились бы в Барнабаде в вашем доме до нашего возвращения в столицу Герат. Надлежит, чтобы их не утесняли и не урезали в части расходов во всем, что [для них] потребно. Не жалейте на их нужды [ничего] из своего имущества. Что бы им ни понадобилось, возьмите с арендаторов земель и наших работников. Пусть с ними обходятся таким образом, как это соответствует их положению, нашему и вашему. Учитывая полноту нашего единомыслия и [нашего к вам] доверия, мы сочли возможным вас побеспокоить”.

Поскольку мой покойный покровитель оказал названному военачальнику в дни его бедности много услуг, вышеупомянутый [ныне] покойный [военачальник], учитывая [эти заслуги], также **[114]** изволил выказать нашим [родственникам] всю

полноту благорасположения. Так, в то время, когда он одолел и победил раеподобный город Кашмир, он послал одну шаль [ныне] покойному моему отцу в качестве подарка [205](#). **Стихи:**

От твоего великодушия зависит добрым словом помянуть [живущих] вдалеке,
Если же ты не сделаешь этого, то все пальмы в твоём саду сбросят к подножию [свои] плоды.

А во время похода на Курдистан, по прибытии в вилайет Гурийан, он также оказал милость пишущему сии строки — пожаловал *ихраджат* и *союрсат* [206](#) со всего вилайета Гурийан и халат.

Стихи:

Благодарность за его доброту лежит на тебе тяжким бременем.
О половинке лилии я говорю ста языками.

Также и мои родственники, принимая во внимание оказанные им в прошлом милости и надеясь на проявление благосклонности в будущем, не жалели своего имущества и не скупилась, обслуживая шестьдесят человек его родственников, которые в течение четырех месяцев жили в моем доме.

* Пусть исполнятся желания того,
Кто может отдать [последний] глоток вина *.

Стихи:

Вы можете уловить аромат давних времен
Из букета, которым пахнет наша роза до дня воскресения из мертвых.

Эти гости стоили восемьдесят харваров ячменя для
лошадей да прочих расходов примерно на сто
туманов.

Упомянутый военачальник в Герат не вернулся — в
дороге /л. 65б/ он скончался.

Стихи:

Как жаль, что радости жизни столь редки, а тревоги непреходящи.
Ох, как долгод труд и как коротка жизнь.

Согласно желанию высокоместного Шахрух-шаха
высокостепенный падишах Тимур-шах дал
разрешение на отъезд дочери Йазданбахш-мирзы,
которая жила в Барнабаде в моем доме, и
распорядился, чтобы пишущий эти строки
сопровождал ее в Святую землю (Мешхед).
Благодаря этому 17-го числа месяца зу-л-хиджжа

Запретного 1204/17 августа 1791 года я удостоился чести поцеловать порог гробницы Али б. Мусы ар-Ризы, тысячу тысяч приветствий и восхвалений ему и роду его, гордый сознанием, что был отличен столь высокой миссией. **Мисра'**:

Благодарение Аллаху, что я достиг цели.

Их светлости Надир-мирза и Йазданбахш-мирза, каждый по собственному желанию, проявляли милость и благоволение в отношении пишущего эти строки и [его] брата Мухаммада Али, [115] который сопровождал их в том путешествии. Каждому из нас преподнесли подарки. Однако все подарки и их гостевые расходы не были равны подношениям, которые делали им мы.

При том удобном случае, удостоенный высокой чести посещения многими учеными и почтенными мужами тех мест, как-то: (ныне] покойным благочестивым мирзой Махди и другими, сей | несчастный извлек большую пользу от общения с ними. **Стихи:**

Беседа с дорогими твоему сердцу доставляет радость,
Осенней порой даже лужайка (навевает] уныние.

В особенности же [от бесед] с [ныне] покойными
мирзой Абдалла и мирзой Хусайном мунши,
сыновьями [ныне] почившего благочестивого мирзы
Садика мунши Гератского, которые в силу
многочисленных связей на веку нескольких
поколений [наших родов] и доброты мунши [Садика]
большую часть времени проводили подле пишущего
эти строки. В тот период Йазданбахш-мирза ввиду
благоволения [ко мне] дал указание на брак
пишущего сии строки с дочерью мирзы Абу-л-
Касима, сына мирзы Мумина Джаджерми [207](#),
который был управляющим его делами, а [еще] одну
дочь его он отдал [замуж] за Али-Кули-мирзу, своего
сына. Мать Абу-л-Касима с дочерью Йазданбахш-
мирзы четыре месяца жила в Барнабаде. Поскольку
пишущий эти строки не получил от отца разрешения
[на брак], он задумался, [как поступить] в этом деле.
Йазданбахш-мирза, великодушно приняв на себя
приятную заботу [ныне] почившего моего
покровителя-отца, *взял у пишущего эти строки*

алмазное кольцо стоимостью семь туманов, двадцать стеганых курток, сахар и сладости и послал в сопровождении нескольких почтенных мужей и ученых в дом мирзы Абу-л-Касима, и они благословили дочь.

/л. 66a/ В этот удобный момент на благоусмотрение Надир-мирзы было подано письменное представление моего [ныне] покойного покровителя-отца относительно возможности [нашим] нижайшим особам удалиться. Мы были отпущены и прибыли в Герат. В то самое время Абу Талиб, брат упомянутого мирзы Абу-л-Касима, приехал в Барнабад. Его друзья и хозяева извоза предъявляли ему требование уплатить два тумана и арендную плату. У него не было [ни гроша]. Я дал [деньги]. Приехал мирза Абу-л-Фатх, второй его брат, жил в моем доме шесть месяцев. Я дал ему насовсем сумму в три тумана. [Кроме того], он взял у меня в долг деньги наличными. Мирза Ибрахим, сын мирзы Абу-л-Касима, взял у моего покойного покровителя пять тысяч динаров, несмотря на то, что перед тем он был уведомлен, что мой покойный покровитель

возможности принять их не имеет и отклоняет [визит]. В общем, пока мы имели средства и положение, у нас искали [поддержку], нас навещали, а в дни сумятицы и нашей бедности от знакомства с нами отказались, о ссуженных деньгах и о прочем ни они, ни пишущий эти строки никогда не заикались.

Стихи: [116]

Эти хитрые друзья, которых ты видишь, —

Мухи, вьющиеся вокруг сладкого:

Пока не выпьют все до капли,

Будут жужжать над тобой, как осы.

Когда же в упадок придет [твоя] деревня,

Кошелек твой и кубок зазвенят, как рубаб [208](#),

Друзья покинут тебя, и, печальный,

Ты поймешь, что друзей у тебя [и] не было.

В том же самом, 1204 году 7-го числа месяца зу-л-хиджжа Запретного/18 августа 1790 года волею моего [ныне] покойного отца-покровителя я женился на дочери мирзы Ма'сума, сына покойного мирзы Абд ал-Азима. Вечером 6-го числа месяца мухаррама Запретного 1207/24 августа 1792 года из чрева, освященного узами законного брака, явился на свет мой сын Хасан. Относительно события, [связанного]

с Хасаном, на ум сему испытанному [судьбой]
пришел такой стих, содержащий эту дату. **От
автора:**

В моем цветнике распустилась роза, которая своим видом
Освежила лужайку моего сердца.
Я отыскивал в уме год и месяц его рождения,
[Разум] подсказал: “Родился ночью шестого мухаррама” [209](#).

В двухлетнем возрасте упомянутый ребенок
прошествовал из [этой] обители бренности в мир
вечности. Вечером в понедельник 8-го числа месяца
ша'бана Великого 1211/6 февраля 1797 года из чрева,
освященного узами законного брака, появился на
свет сын Мустафа. Этот отрывок содержит ту дату.

От автора:

Тысяча двести одиннадцатый год,
Вечер понедельника 8 ша'бана, —
Время рождения Мустафы.
Слово “тарих” — “число” — также указывает на это.
В райских садах моего сердца распустилась роза [210](#),
И в тот же миг она стала светиться [лучами] славы.

/л. 666/ Если пожелает великий Аллах, он доживет до
глубокой старости, украшенный умом и знаниями. И

еще один ребенок ступил из тайника небытия на
ристалище жизни. По поводу его рождения была
сказана эта хронограмма:

В цветнике моего сердца появилась новая роза,
Сообразна моему желанию, она прекрасна.
Я хотел, чтобы мудрый старец указал мне
Год и месяц ее появления на свет.
Мудрый Хызр сказал: “Счастливым Мухаммад
Рожден двадцать третьего месяца сафара” [211](#).
Этот ребенок умер в двухмесячном возрасте [212](#).

Дорогой мой сын, свет очей моих Мухаммад Аршад,
став хозяином дома, взял в жены дочь мирзы
Ма'сума, сестру матери Мустафы. Святейший Аллах
пожаловал моему сыну от нее ребенка, нареченного
Исмаилом. Для сохранения [в памяти] года его
рождения была сказана эта хронограмма. **От автора:**
[117]

Сегодня у меня на лужайке покоя
Благодаря зефиру божественной милости распустился цветок.
По милости своей Мухаммеду Аршаду
Единственный преславный господин пожаловал сына.
По вдохновению разума его нарекли именем Исмаил,
[Мое] сердце готово стать жертвой на его пути.
[Мои] глаза заблестали при виде его луноликого облика,

Как глаза отца при виде Луны Ханаанской (Иосифа).
Я надеюсь, что по милости господа
Он будет своему отцу тем же, чем его отец является для меня.
Они постигнут науки, дело, жизнь, совершенство
Оба по всеобъемлющей божеской милости и доброте.
Я искал в уме [хронограмму] на год и месяц его рождения, и он
подсказал:
“Четверг, третьего числа месяца джумада ас-сани” [213](#).

Этот ребенок в возрасте двух лет приобщился к
милости всепрощающего господа. Вечером 27-го
числа месяца рамазана Великого святейший Аллах
пожаловал упомянутому моему сыну другого
ребенка. Он был назван Мухаммадом Йусуфом. Для
[сохранения] даты его рождения был сказан этот
отрывок. **От автора:**

В тысяча двести двадцать первом году,
Вечером двадцать седьмого рамазана,
Родился Йусуф, и глаза мои
От созерцания его лика заблестели, как у Йа'куба.
В райском саду моего сердца расцвела роза.
Это [выражение] также стало [указанием] на год его рождения.
Поскольку по поводу его [рождения] были сказаны две хронограммы,
Выражение “два тариха” также указывает на это [214](#).

Если на то будет воля всевышнего господа,
святейший Аллах украсит его умом и
совершенством, нарядит в убор добронравия и
справедливости, и он достигнет желаемого в
естественной жизни и [своей] цели в обоих мирах.

Поскольку некоторые из начинаний по
благоустройству, за которые принялся и претворил в
жизнь сей несчастный, стали знаменательными, и в
числе подобных — благоустройство округа и
разбивка садов в селении Барнабад, здесь для памяти
надлежит записать некоторые из них. /л. 67а/ Первая
из работ по благоустройству, за которую я взялся,
будучи несовершеннолетним, это [разбивка] сада,
заложенного мною к югу от мазара Пир-и сабзпуш
[215](#). [Земляные работы], ограду и сооружения [в саду]
— все это я создавал на пустом месте, и этот отрывок
уведомляет о дате [разбивки] сада. **От автора:**

По воле и предопределению судьбы [216](#)
Ничтожнейший из людей Мухаммад Риза,
Поскольку его желанием было уединение,
Разбил этот сад и [устроил] сей дервишеский приют,
С тем чтобы, [следуя] путем своих предков,

Найти здесь отдохновение. **[118]**

Он надеется, что по милости господ

Осуществятся его упования.

Когда он задумался о [хронограмме] на дату постройки,

Разум подсказал ему: “О жилище Ризы” [217](#).

После этого я благоустроил сад на восточной окраине селения Барнабад. Вокруг него для укрепления я возвел заграждения, так что все пространство с того края оказалось огороженным двумя рядами стен. Земли под садом и огражденные пространства вокруг них, которые, в свою очередь, образовывали вал, составили примерно пятьдесят джарибов. На постройки, возведенные в том саду, пошло в дело триста тысяч штук кирпича-сырца, и этот отрывок содержит дату [разбивки] сада. **От автора:**

Я набросал план этого сада,

Надеюсь, что по милости великого славного господ

Он вскоре и сполна войдет в силу.

У [этого сада] нет ни изъянов, ни недостатков.

Я искал в уме [хронограмму] на год его основания,

[Разум] так отвечал ничтожнейшему из рабов божьих:

“Год, месяц и день основания —

Суббота, седьмое раби' ал-аввал” [218](#).

Затем в селении Барнабад я построил для своей семьи дом. Дату основания верхних и нижних построек, возведенных к востоку от жилого дома, [содержит] эта хронограмма:

Мое жилище было тесным, как стеснено мое сердце,
Я принялся строить для себя другой дом.
Я задал вопрос мудрому учителю о [хронограмме] на его постройку,
И разум в тот же миг ответил: “Умножающее радость жилище” [219](#).

А это полустипише уведомляет о дате [возведения] зданий к югу от того жилого дома; из их числа — два больших великолепных строения с росписью и украшениями:

Да будут вечными и благословенными эти дома, несущие счастье [220](#).

А еще в числе недвижимости и построек, основанных и возведенных заново сим немощным, — две каменные мельницы с желобами, которые я выстроил между восточной и северной окраиной селения Барнабад. Вода к каждой из тех двух мельниц подается из реки через отдельный канал и отдельную плотину. Одну мельницу построил десятник по имени Мухаммад, взяв [строительство] в

аренду за 18 туманов наличными и наняв двести рабочих. А другую выстроил мирза Бади' Каини за арендную плату 20 туманов. /л. 676/ Мельница десятника Мухаммада действует доныне, а мельницу, которую построил мирза Бади', он сам несколько лет арендовал, а затем уехал в Каин. За ним осталась недоимка в мою пользу — двадцать харваров зерна и пять туманов наличными. [Теперь] мельница разрушилась.

С северной стороны барнабадской крепости в нее входит два джариба земли. Там [я] в течение десяти лет непрерывно производил работы и устроил подворье в пятьдесят-шестьдесят [119] строений. В случае если бы я более этого [остановился] на подробном описании [своей] строительной деятельности ²²¹ в городе Герате и в Барнабаде, то изложение подробностей стало бы причиной удлинения повествования, поэтому я не приступаю к нему, а позволю побеспокоить [читателя] своей биографией.

На второй день после кончины моего покойного покровителя-отца в Барнабад наведались их светлости чиновники вроде государственного секретаря, представителя финансового ведомства и другие. Они представили документ от начальника финансового управления относительно приезда пишущего эти строки в Герат. Через семь дней траура по моему почившему покровителю, *когда очи моего сердца все еще проливали слезы по поводу этого [скорбного] события, а моя печень горела пламенем этого горя —

Потеряв друга, не могу глядеть на мир сей — сяду в угол скорби,
Захлопну за собой дверь этой кровавой лачуги [222](#).

Ресница в моих глазах стала колючкой, а сон теперь бежит моих очей,
Быть может, стоит закрыть от подлецов эту брешь раздора *, —

согласно распоряжению прославленного царевича сего злосчастного изволили назначить на должность умершего отца [223](#) и выразили надежду на подношение управляющему. Несмотря на то что сей сломленный сердцем *не имел желаний заниматься этим делом и хотя он* отказывался и отнекивался от принятия тех [обязанностей] и братьям своим велел

отказаться от предложения, пользы не было, и сему смиренному вверили ведомство земель *халисе* города Герата и, кроме того, должность уполномоченного вилайета Гурийан. Волей-неволей у сего затворника, сидящего в углу слабости и упадка духа, взяли подношение в сумме шестьдесят туманов наличными. А брату Мухаммаду Али, прельстив его многими соблазнами и взяв с него тридцать туманов подношения, счастливый царевич также пожаловал должность хранителя книги [224](#).

В это время вслед за прочими чиновниками из столицы Кабула приехал сборщик налогов. Он привез высочайший рескрипт на имя сего истерзанного сердцем по поводу ведомства земель *халисе* и вызова во дворец стержня правосудия. Согласно просьбе сего смиренного царевич под каким-то предлогом отменил мою поездку, найдя перед шахом какие-то оправдания, но в конце концов по подстрекательству толпы злокозненных, которые в то время управляли его делами, пожаловал большую часть посевов сего нижайшего раба, с зерном, скотом, сельскохозяйственными орудиями и

урожаем, низким тварям вроде Ака Бакира курда и Ака Али Акбара, ювелира, как это было описано выше. Немало захватил и Ака Хусайн Али.

/л. 68a/ В тот подобающий момент, сочинив сию касыду, я послал ее к высочайшему двору. [120]

Касыда:

Вчера глубокой ночью, уже под утро, надежда моего сострадательного
разума

Милосердно разбудила меня от сна моей беспечности.

Когда она увидела мое положение столь расстроенным,

Обратилась ко мне: О бедняга, опечаленный сердцем,

Почему ты все время пребываешь в такой тоске и горе,

Поглощен печальными размышлениями, подобно ветру горести?

Почему и до каких пор ты будешь так подавлен,

[Повторяя:] Черна моя судьба и запутана, как кудри любимой.

Почему ты не поведал о своих прискорбных обстоятельствах

Небесным слугам ранга государя, отличенного знаком справедливости,

Восседающего на троне, окаймленном славой и отмеченном печатью

апогея,

Величавого, всемирно известного своей отвагой, снисходительностью

и степенностью,

Обладающего знанием мира и прозорливостью, чьи длань и сердце —

То океан щедрот, то облако, льющее дождь драгоценных камней,

Величием равный небесам, он одновременно кроток и велик,

Высокостепенный, счастливый падишах.

Так что ясно: мир от всесторонности его правосудия,

Поверхность земли благодаря ему, как в фокусе, сосредоточивают
сияние светил.

Высокоместный покровитель всего мира, обитающий во дворце
судьбы,

Звезда величия, Сатурн важности, облаченный в кольчугу
справедливости.

Государь, который из сострадания держит в услужении,

От избытка благорасположения и великих милостей к слугам,

Шах, который в силу мягкосердечия застенчив,

Это равно хорошо и для притесняемых и для слабосильных.

Ты — мусор у этого порога, и, если

Твое счастье окажется униженным и смиренным,

Заботою своей, особой милостью и всемерным состраданием

Он отведет тебя от пропасти горя и забот.

Ты рожден рабом сего дворца, но шах

К обиженным рабам испытывает сострадание и утешает их,

Подобно тому как сказал мудрый старец.

Из-за своего преисполненного болью сердца

Я испустил вздох и зарыдал, подобно весеннему облаку.

После выражения всемерного сочувствия я

Сказал ему: Что могу я поделать

Из-за злосчастия и обид коварной судьбы?

Несмотря на шаха, блеск справедливости которого сияет.

Украшая земные просторы, как садовые лужайки, усыпанные розами,

О мудрец, почему таковы мои обстоятельства?

Почему в век такого государя я унижен,

Почему столь тщетны мои надежды,

Почему мой злосчастный день стал подобен ночи?

Я — рожденный рабом в этом дворце, почему я стал несчастным?

[Почему я должен] влачить свою жизнь в нищете и унижении?

Мой отец служил сорок лет Верой и правдой при том самом дворе,
Теперь же дела мои дошли до того, что у меня нот
Ни смысла оставаться здесь, ни основания бежать.
Мудрец дал ответ: Поступила грамота от шаха,
Чтобы возвеличить тебя, о несчастный бедняк.

/л. 68б/ Ввиду заботы и милости к тебе твое ходатайство
Передали царевичу, обладающему величием небесной сферы,
Дабы он воздал за все гнусности и подлости, о несчастный
Друг горя, тревог, страданий и бед. Я дал ответ. Я сказал: Пришел указ
[121]

Благодаря милости и всеобщей заботе стольких друзей,
Ввиду повеления указа киблы мира,
Ввиду своих услуг сей раб-прислужник
Надеялся на царевича — властелина вселенной.
Я надеялся, что не буду столь унижен среди других людей.
Ввиду благосклонности и заботы обо мне пусть постигнут
До дна петицию мою, несчастного бедняка,
Так как оказалось большинство моих пахотных угодий незасеянными,
Мои крестьяне разбежались из-за насилий,
Ввиду пренебрежения рабов царевича.
Что нынче я могу сказать о людях, какие обиды я претерпеваю,
О чем мне теперь докладывать, когда я беспомощен.
Из-за бесчисленных притеснений и придирок зловерных людей
Я приношу заверения в своей преданности к подножию падишахского
трона,
Разверзая уста для того, чтобы довести до сведения о своих
намерениях.
О шах, заклинаю господом, который проявил свое могущество,
Создав без посредников-помощников вращающийся небосвод,
Светилом апогея посланнической миссии, заступником в день

Страшного суда,
Искренностью, правосудием, скромностью.
Из милости своей брось один-единственный взор на мои
обстоятельства,
Возроди [меня], увядшую былинку, весенним изобилием щедрот.
Не твори того, чтобы пальма моей надежды более нынешнего
Плодоносила желтыми цветами из-за отчаяния и безнадежности.
Хватит, Риза, заверши речи молитвой, обращенной к богу,
Ибо зрячие одобряют краткость. Луне постоянно достается свет от
солнца,
Ядро земли — твердь, небеса движутся с места на место.
Да пребудет мир в согласии с желанием счастливого падишаха,
Да процветает он благодаря величию, высокому сану и великолепию.

В ответ на эту касыду от падишаха,
[олицетворяющего] величие небесной сферы,
пришло знаменующее зарю послание, направленное
к возвеличению царевича и касающееся моего
ходатайства и важных для меня дел. Пользы для себя
[сей несчастный] — мишень стрел мучений — не
усмотрел:

*В моем сердце до дня Страшного суда остался узел
И мечта о том, чтобы его развязать*.

А 24-го числа месяца шавваля 1207/4 июня 1793 года
в Герат пришла весть о кончине шаха. Злодеи,

отмеченные печатью порока, стали наносить вред и ущерб населению этой страны. Племена и роды афганцев, которые всегда только и ждут такого случая, принялись непомерно вредить и придирались к людям. Они подстрекали ханов его высочества изымать имущество у зажиточных людей. Каждый из них определился на какую-нибудь должность, надел дорогое платье, напустил на себя важность. В качестве слуг они взяли себе хулиганов, базарных подонков, людей из предместий, работников с земель *халисе*. Все они сделались служилыми людьми [225](#) и стали причисляться к дурно воспитанным ханам.

/л. 69a/ Они усердствовали в причинении вреда мусульманам и грабеже имущества слабых и убогих.

Фард: [122]

Примета конца света и упадка государства —

Когда не обращают внимания на нужды несчастных.

Государь, не разрушай своими руками свое царство,

Ибо [даже] враги твои ничего хуже этого тебе не сделают.

Расточительный царевич не ведал о подлейших и медлил воспрепятствовать злу и наказать этих подонков. Несмотря на отсутствие доходов,

[царевич] склонялся к увеличению милостей и даров недостойным людям, так что от раздачи многих подарков в казне и на складе управляющего его делами не осталось ни динара, ни зернышка. А злобные, низкие твари, у которых ранее не было за душой ни гроша, нынче стали силой и властью.

Повальная глупость дошла до того, Что у каждого появилось занятие, когда в воздухе над головами парила птица феникс [226](#).

Дошло до того, что какого-то ничтожного Абдала, который в течение десяти лет пас коров в селении Хиндуван [227](#), царевич Махмуд оторвал от пастьбы коров, зачислил в придворные, пожаловал именем Сандал-хана и возвеличил должностью командующего наемным войском [228](#) и особым отрядом. Его сделали обладателем пяти-шести тысяч туманов, взятых из имущества обиженных, отличили должностью гаремного надзирателя и главного привратника его высочества. **Стихи:**

Наш государь одаряет тех, кто находится справа [от него],
Тех, кто не различает, где правая сторона, где левая;
Тем, кому на шею надо бы подвязать ослиную торбу,

Государь сует в подол рубин или золото в кошелек.

* Сквернейшие в роде людском те, кто берут без права, а дают без счета *.

В те времена этот пастух каждый вечер притаскивал к себе в дом по семь-восемь человек именитых и сановных людей, которых считал богатыми и состоятельными, и от имени царевича насилиями и побоями отбирал у кого сто, у кого двести туманов. Подобным же образом и манером обходился с беспомощными людьми любой из ханов. Тогда же Заман-хан, который был *векил ад-дауле*, насильно забрал у сего немощного долговую расписку на сумму 200 туманов и передал ее Ака Хусайну Али, казначею управляющего. А Хусайн Али за 10 дней [вместо] 200 туманов раздарил и раздал людям 229 туманов ²²⁹, и по этой причине [их] со всевозможной жестокостью взыскали с сего обезумевшего.

Рахматулла-хану, брату Заман-хана, — 21 туман ²³⁰,
фуфулзайам того же Рахматулла-хана — 3 тумана 4
крана 125 динаров,
Мухаммад Азим-хану, сыну мир Хазар-хана, — 34
тумана 375 динаров,

Рахмдил-хану, сыну Камал-хана, — 15 туманов 4
крана 375 динаров, [123]

Абд ал-Карим-хану, грозе воров, — 21 туман 8 кран
750 динаров,

Ханджар-хану бар-дуррани — 40 туманов,

/л. 69б/ в пользу Ака Хусайна Али при

посредничестве безбожника Наджафа — 25 туманов,

нурзайам Ахмад-хана — 3 тумана 6 кран 500

динаров,

ализайам Осман-хану и Мулладад-хану — 6 туманов

2 крана 500 динаров,

Музаффар Шаху — 18 туманов 4 крана 900 динаров,

ализайам Мулладад-хана — 3 тумана 875 динаров,

Худадад-хану ализайу — 2 тумана 8 кран 500

динаров,

Ситан-хану ализайу — 6 туманов 4 крана 125

динаров,

ализайской общине — 8 туманов 8 кран 750 динаров,

Фатхи-хану ализайу — 12 туманов,

Зафаран-хану хугйани — 4 тумана 2 крана 960

динаров,

погонщикам верблюдов, барабанщику и литаврщику
Сабз Али — 9 туманов 9 кран 275 динаров.

После того как они на основании бератов взяли у пишущего эти строки вышеназванные суммы, Заман-хан, Хусайн Али и прочие неоднократно брали у автора приведенные ниже суммы в соответствии с подробным перечислением:

Хусайн Али взял якобы для казначейства — 10 туманов,

Ака Хусайн Али при посредничестве безбожника Наджафа взял даже деньги, предназначенные для пожертвований, хотя он и отрицает это, — 15 туманов,

Заман-хан дважды брал [деньги] при посредстве своего управляющего Джан Мухаммада — 10 туманов,

Заман-хан при посредстве Джан Мухаммада взял ковер, который был выкуплен за восемь туманов,

Заман-хан взял деньги, подарил их Хашим-хану — 5 туманов,

Заман-хан взял у меня и отдал мирзе Абд ал-Халику

— 2 тумана 5 кран,
мне нанесли ущерб [в размере] стоимости одного
рулона расшитого полотна, красной шелковой
материи и двух рулонов рубашечной ткани, которые
унесли Заман-хану, — 2 тумана 5 кран,
[в размере] стоимости пятирядной шали, которую
взял Айн Али-бек, — 4 тумана,
Заман-хан взял в пользу привратников в счет сборов
на содержание двора — 2 тумана,
Айн Али-бек также взял наличными — 5 туманов,
Джан Мухаммед, управляющий Заман-хана, взял
себе — 2 тумана,
Рахматулла-хан, брат Заман-хана, взял себе — 14
туманов,
Ибрахим-хан хазаре взял [деньги] при посредстве
Ака Али Ризы — 14 туманов,
сам Ака Али Риза взял наличными — 1 туман, **[124]**
[я понес ущерб] на сумму стоимости меча, который
унес Ака Али Риза, — 2 тумана 5 кран,
стоимости одного рулона шитого полотна и двух
рулонов рубашечной ткани, [взятых] Мухаммед
Азим-ханом,

— 1 туман 8 кран 100 динаров,
стоимости пятирядной шали, [взятой] Мухаммед
Азим-ханом, — 4 тумана,
я поневоле отдал Мухаммед Азим-хану ячмень,
выданный мне в качестве аванса муллой Сарваром,
— 3 тумана,
Мухаммад Азим-хан взял пшеницу — 5 кран,
Ака Джалал Каси взял по векселю — 15 туманов.

Сколько ни тщился, сколько ни пытался сей
обезумевший выплатить тогда вышеозначенные
суммы, дабы не обесчестить себя, пользы не было.
После взыскания названных сумм в день 20-й месяца
зу-л-хиджжа Запретного /9 августа 1792 года
пишущего эти строки и его братьев Мухаммеда Али
и Мухаммеда Таги по распоряжению царевича
приволокли в дом Сандаля. После многих пыток
Ибрахим-хана Гури назначили нашим сборщиком
налогов, с тем чтобы он взыскал с нас сумму 5000
туманов. И тот грязный гуриец — потомок Заххака
[231](#), несмотря на тесное знакомство с нами, а также на
то, что он был в близких отношениях с нашими
родственниками, сняв с головы пишущего эти строки

головную шаль, которую я купил у Фатх Али-хана араба за пять туманов, напялил на свою голову. А головную шаль моего брата Мухаммеда Али он отдал своему брату.

Ох, да падет прах на голову, в мозгу которой нет верности.

[Ибрахим-хан] пришел и засел в нашем доме и делал все, что ему заблагорассудится. Он был с десятью гурийцами, каждый из которых хуже осла. **Фард:**

Даже злая собака не кусает знакомых ей.

/л. 70a/ Причинять зло знакомым — хуже, чем быть собакой.

Он запретил нашим слугам, домочадцам и прочим навещать нас, а пищущего эти строки не отпускал домой, принуждая проводить дни в соответствии со смыслом этого полустихия: Общение с непутевым — великая мука для души.

А по ночам он таскал автора в прихожую царевича, где подвергал его пыткам и требовал денег. **Фард:**

При тех бедах, которые мне уготовила судьба,

Дивлюсь я — до чего же в конце концов дойдут мои дела?

Они также притащили в дом пишущего эти строки Мурад-хана, сына Дервиш Али-хана, и еще нескольких человек, [с тем что] он, дескать, имеет денежные претензии к твоему отцу. И тот бесстыдник в течение десяти суток также пас свой желудок [у меня]: каждый вечер из нашего дома в свой дом он посылал два-три [125] блюда пищи, два-три манна хлеба и десять маннов ячменя помимо личных расходов. В конце концов он на манер омывателя покойников взял *кабу*, *шамале*, рубаху и нижнее белье из пожитков моего отца. Хотя он [делал вид, будто] не понимает [своего] позора, он ушел из-за насмешек людей.

В тот момент пишущий эти строки под предлогом завершения выплаты денег принял на себя денежные обязательства братьев и отпустил их, напутствуя словами: “Я потонул в пучине отчаяния. Будет лучше, если [хоть] вы на своем корабле пристанете к берегу”. Я уповал на то, что они приложат рвение и усердие, чтобы освободить и самих себя, и меня.

Таги, который более нас знал о денежных требованиях моего покойного отца, поскольку он жил в городе, а мы в Барнабаде, без нашего ведома унес большую часть наличных денежных сумм и векселя. В том числе он взял, не сказав нам об этом, набивную ткань, стоившую семьдесят туманов, которую отец держал в счет требований его к Пирзаде Сахиб-раю, индийцу. При посредничестве своего поставщика хвороста Аллаверди Таги дал Сандалу пятьдесят туманов и освободился. Обделав дела по-своему, он более не появлялся подле и говорил: “Я больше не сын такого-то”. **Фард:**

О горе мне, ибо от тех, на чью верность надеялось сердце,
Нам не досталось ничего, кроме вероломства.

А над пишущим эти строки и братом Мухаммадом Али учинили все, какие возможно, муки и предъявили всевозможные денежные требования. Каждые сутки они брали какую-нибудь сумму — то на *сиге* [232](#), то еще на что-либо. Вечером, в пятницу, 10 мухаррама 1207/29 августа 1792 года, нас, обоих

братьев, притащили в прихожую царевича. Сандал, Мардан, сын Мухаммада Али, известный голубятник, и Ибрахим-хан Гури так нас мучили и били, что мы не чаяли вернуться в свой дом [живыми]. **Фард:**

Мы так обездолены, а враг так жесток.
Каждая наша слезинка [лишь] придает блеск его глазам.

/л. 70б/ В тот вечер Мардан унес печать с моей подписью, а Ибрахим-хан увез для себя и Сандала коней и те ходовые товары, которые были у нас.

Фард:

Из-за того самого подлеца виночерпий наполнил эту чашу
Помимо вина, цветом похожего на тюльпан, нашей кровью.

А на следующий после той ночи день Сандал назначил одного из известных мерзавцев Наджафа **(фард):**

Столь горластого, брыкливого, кусачего,
Такого буйного осла в наш век еще не бывало, —

напарником Ибрахим-хана в деле изъятия средств у сего ничтожного. В тот день ковры, фаянсовую посуду и прочее мое [126] имущество повезли на

базар и продавали за ничтожную стоимость* А те вещи, которые им пришлось по вкусу, они забирали себе, либо [брали] для себя [деньги] из стоимости проданных товаров. И они [сами], и любой, кто хотел, уносил к себе все, что понравится.

Голодный еретик в доме с накрытым столом —

Уму непостижимо, чтобы он вспомнил о рамазане* [233](#).

[Дошло] до того, что Аскар, сын нашего старого [слуги] Махди, составил значительную сумму из стоимости наших товаров, которые он стащил на базар и продал. **Фард:**

Отчаяние мое достигло такой силы, что я отрешился
И от мщения врагов, и от доброты друзей.

В столице Герат нашего имущества было приблизительно на пятьсот туманов — золотое оружие, ковры, фаянсовая посуда, зерно, рис “шали”. Оценив все это в сто туманов, они увезли [вещи]. Угомонившись насчет нашего гератского достояния, Ибрахим-хан оставил [там] десять голов гурийских болванов, чтобы они [продолжали] мучить сего ничтожного, а сам с Наджафом и двадцатью другими

[личностями], верхами, захватив с собой моего брата, направился в Барнабад, чтобы тянуть там деньги и грабить мое добро.

*Из-за тех пыток на нашей окровавленной груди — шрамы,
Из-за тех мук стоязыкое пламя горя испепеляет наши сердца*.

В том же месяце мухарраме те два Хариса, подобно Шимру и Ибн Са'ду [234](#), из чувства зависти, а также из-за жестокости и склонности к насилию причинили страдания и мучения брату, детям и племяннику этого узника, [закованного] в цепи горя и печали. Дошло до того, что на пепелище сего бедняги стали ясны и очевидны [следы] событий Кербелы [235](#). В ходе этих происшествий язык обстоятельств сего обескрыленного напевал такие слова. **Стихи:**

Мы — те, положение которых — не бывает хуже,
Отчаявшиеся в справедливости шаха и беспристрастности везира,
Обиженные, словно сыновья пророка наших дней,
Мы — пленники в руках сегодняшнего Йазиды [236](#).

А в Барнабаде Ибрахим-хан, явившись [якобы] из дверей дружбы, с помощью ложного обещания и фальшивой клятвы выпытал сведения обо всем, что я

имел, у моего гуляма по имени Йакут. с которым мы были неразлучны в течение тридцати лет, так как он сопровождал меня и в школе и повсюду, знал и был осведомлен обо всех наших делах и обо всем достоянии. **Фард:**

В вино дружбы они подмешивают яд, вызывающий обморок
Мерзавцы лукавы, будь начеку! [127]

В тот раз /л. 71а/ Ибрахим-хан вывез из Барнабада нижеследующие товары, наличные деньги и скот из числа имущества пишущего эти строки:

Мой брат дал Ибрахим-хану из моих денег
наличными — 38 туманов,

Ибрахим-хан взял также наличными для Санда-хана
— 10 туманов.

Ибрахим-хан взял [еще] наличными для себя — 10
туманов,

он взял также наличными для Мардана — 5 туманов,

он также взял наличными для Лала Рафи, который
был хозяином Сандала, когда тот пас коров, — 5

туманов, определив стоимость домашней прислуги в
сто мискалей золотом, Ибрахим-хан увел [и ее] — 35

туманов, десять пар ковров размером десять на
восемь заров ²³⁷ стоимостью 50 туманов,

Наджаф взял себе — 4 тумана 7 кран 100 динаров,
[у меня взяли еще] меч, который я сам купил за 7
туманов,

[я претерпел ущерб на] цену котла, который
Ибрахим-хан взял себе, — 2 тумана 7 кран 500
динаров,

восемь голов мулов для торжественных выездов
стоимостью 62 тумана,

жеребенка рожденной в доме гнедой кобылы
стоимостью 33 тумана,

жеребенка двух с половиной лет от рожденной в
доме кобылы стоимостью 12 туманов,

лошадь военачальника, доставшуюся по наследству,
стоимостью 7 туманов,

гнедую кобылу, рожденную в доме, стоимостью 5
туманов,

жеребенка рожденной в доме кобылы, которую

Сандал подарил Мардану, стоимостью 10 туманов,

четырёх стельных кобылиц, за которыми следовали

четыре жеребенка, — итого восемь голов коней и

четыре жеребенка стоимостью 60 туманов,
коня по кличке Тарам, которого я купил в Мешхеде и
привез, стоимостью 6 туманов,
жеребенка кобылицы, принадлежавшей моему брату,
которую Сандал продал за 12 туманов — стоимость
ее 12 туманов,
четырёх кобылиц, принадлежавших моему брату и
хаджи, стоимостью 20 туманов.

Дочиста разграбив имущество семи-восьми семей
наших гулямов и домашних слуг, каждая из которых
кое-что имела, они унесли все, вплоть до последней
холщовой тряпки, до детской распашонки и ношенной
одежды.

В те дни добыча каждого из этих подонков,
презренных тварей и гурийцев, которые пришли с
Ибрахим-ханом, по их собственному признанию,
составила десять-двенадцать туманов из имущества
наших угнетенных [родственников]. 20-го числа
месяца **[128]** мухаррама Запретного /7 сентября 1792
года те самые ковры и товары привезли в Герат на
вьючных мулах, принадлежавших пишущему эти

строки. Сандал отобрал для себя все, что приглянулось, а что захотел — подарил [своим] людям. Царевичу ничего не досталось. **Фард:**

Влюбившийся в другую сочувствует желаниям других.

Первого шавваля в праздник рамазана пишущий эти строки перечислил все разграбленное у него имущество стоимостью примерно семьсот туманов в подробной описи и при посредничестве его светлости. Мухаммад-хана, беглербека, и мирзы Хашим-хана, мунши-баши, представил ее на доклад царевичу, [отметив следующее]: “Злокозненные личности унесли к себе вещи сего невинного бедняка на сумму в семьсот туманов в соответствии с приводимым перечнем, дав за товары половинную стоимость, а [вашему] управляющему не досталось и десятой части этой суммы. Просьба состоит в том, чтобы гурийца призвали к ответу”. Царевич это заявление во внимание не принял и ответа не дал.

Фард:

/л. 71б/ Если ты сегодня спишь безмятежным сном,
Было бы странно, если бы ты в день воскресения из мертвых услышал
трубный глас [архангела Исрафила].

В те времена злоумышленники, заправлявшие делами этого края, расправлялись подобным же образом с большинством состоятельных людей. После доставки всего этого имущества из Барнабада Ибрахим-хан, Наджаф и прежние их сообщники, которые таким образом извлекали доходы из грабежа имущества сего ничтожного, забрав моего брата, вторично направились в Барнабад, намереваясь снова поживиться чем-нибудь. На этот раз тамошние жители также указали им путь, [и] они в сенях амбара опечатали своими злосчастными печатями четыреста харваров зерна сего бедняка и моего двоюродного брата. Они забрали виноград из наших садов да еще сто человек из наших близких принудили бродить в поисках ежедневного пропитания. Сверх того с них ежедневно требовали кормить двадцать их всадников. Брата, детей и моего кузена пытали. Кое-что они вымучили [у родственников], кое-что разыскали. Об издевательствах этого бесстыжего гурийца [знайте].

От автора:

Я не думал, что он приносит такое злополучие,
Что он такой прохвост и негодяй.
Я знал, что гурийцы — болваны,
Но и не помышлял, что до такой степени.

В этот раз они также забрали хранившиеся у меня
векселя, бумаги и денежные обязательства от
жителей того вилайета и райатов. И у моего
двоюродного брата забрали все, что смогли.

Из моих векселей Ибрахим-хан взял у людей на имя
управляющего [царевича] — 87 туманов, **[129]**
для Сандала, для себя, Мардана и Наджафа — 22
тумана 5 кран,
у моего двоюродного брата Ибрахим-хан и Наджаф
взяли наличные деньги серебром и золотом — 13
туманов 8 кран,
еще у моего двоюродного брата взяли атрафи и
рупии — 3 тумана.

В те времена, наслышавшись о многих случаях
конфискаций и барышах, полученных Ибрахим-
ханом, большинство подонков и злоумышленников
этого растленного времени хаживали в Барнабад,
чтобы поживиться за счет вещей сего немощного.

Дошло до того, что в Барнабад отправился Мардан, сын Мухаммеда Али, голубятника, бывший в тот удобный [для него] момент подавальщиком блюд при особе царевича и глашатаем особого отряда Санда-хана. Уже в первый раз, когда у сего бедняка отбирали имущество, он получил достаточно наличных денег. Кроме того, Ибрахим-хан привез ему в подарок мои ковры, фаянсовую посуду, коней. Кое-что ему пожаловал Санда-хан, да и сам он [немало] унес из нашего имущества в Герате. Несмотря на это, из-за великой своей алчности он не был удовлетворен и отправился в Барнабад, обязавшись от имени царевича взыскать имущество с сего обескрыленного. **Фард:**

Еще не освободившись от оков одного злодея,
Я тут же попал в капкан другого.

/л. 72а/ Пытая и избивая палками моего двоюродного брата и моих детей, Мардан также набрал для себя сумму в десять туманов и возвратился. Пусть не останется тайной, что подобные мучения и пытки в тот удобный [для злодеев] момент чинились не только сему бедняку, но каждый день мучительным

пыткам и истязаниям в когтях подонков и невежд
подвергалось около ста подобных мне человек.

Фард:

Их били так, [что искры сыпались из глаз], как из объятого пламенем
полена, — и они отдавали золото,

Так, что от бессилия и унижения они умирали [прямо] на земле.

Большинство [преследуемых] бежали из [гератского]
вилайета из-за сильных притеснений и мучений.

Однако бесконечные [издевательства] и тиранство в
отношении сего обезумевшего осуществлялись столь
старательно и усердно племенем клеветников,
вероломных слуг, подлых злодеев, которые в
прихожей царевича были вершителями судеб и осью
важных дел, и настолько превосходили насилия,
чинимые в те дни над другими, —

В нашем мире у всех есть право причинять зло:

Мы взрастили беззаконие, откровенное и укоренившееся, — **[130]**

что и по сие время, хотя прошло уже пятнадцать лет,
я все еще испытываю ту же боль и горечь. **От**

автора:

Да будь [состояние мое] из ста железных гор, однако и оно растаяло бы
От пламени обид и насилий, выпавших на мою долю.

После всего этого некий человек из временщиков,
войдя в долю с Сандал-ханом по части получения
имущества по обязательствам с сего немощного,
отвез в Барнабад Клыч-хана Равати, сына Надир-
хана, и Мардана. Несколько дней они жили в доме
тех лиц, которые прежде были кладовщиками сего
смиренного. Сначала тайком, потом [открыто] и
многократно [допрашивали] и наконец подвергли
мучениям и истязаниям детей и двоюродного брата
сего закованного в цепи беды и горя. Моего гуляма
Йакута и коня, который был у меня до той поры,
доставили к царевичу. Йакута мне изволили вернуть
благодаря сочувствию [ко мне] и усилиям его
светлости беглербека, а коня увели и забрали также
семь собранных туманов.

*Он настолько невнимателен, что до его ушей ничего не доходит,
[Даже] вопли мои, из-за которых оглох небосвод*.

В ходе этих обстоятельств ее высочество мать
царевича послала гаремную служанку по имени
Турки в сопровождении своего привратника Икбала

в мой дом, чтобы осмотреть мои вещи и пожитки и
взять для себя то, что покажется подходящим для их
управляющего. Привратник Икбал забрал одежду
моих слуг, служанку из [моего] гарема, платье моего
двоюродного брата и детей, их шубы, а также
векселя на сумму сто пятьдесят туманов и все это
привез матери царевича. В то же время Джамал, сын
/л. 72б/ Исмаил-хана, с одним из временщиков,
ратующим за благополучие Хусайн Али-хана, чьи

Поступки — гадости, погромы, городская смута, —
Вот платье, сшитое по его фигуре,

заполучив за тысячу туманов у царевича сего
немощего в аренду, обязался взыскать их [с меня].

Фард:

Не улеглась одна смута, а уж грядет другое горе,
Не затих грохот одного мятежа, а уж поднялся другой.

Вместе с Хусайном Гури, известным подонком и
отцеубийцей (**фард**):

Он верховодит всеми дурными свойствами.
Зачем злословить о его натуре, коль хуже он горькой отравы

[а] он в то время достиг высокого положения [и] покрыл позолотой свое оружие — меч и кинжал, с сыном Мухаммада Али, известным как самозванный сборщик недоимок, подвергли пыткам и мукам сего закованного в цепи горя и бед. В течение нескольких дней Хусайн Али мучил меня своим присутствием в саду [131] селения Карта ²³⁸. Он взял у меня па сумму восемь туманов сельскохозяйственных продуктов. Да пятьдесят харваров ячменя Хусайн Али взял себе у меня по подстрекательству и из-за сатанинских свойств Ханджана Халуи.

После его пыток у меня осталась печень, но на ней — тысяча шрамов, От его притеснения я [еще] могу дышать, но при этом тысячу раз охаю.

В тот удачный момент, ввиду похода царевича к [городу] Ахмадшахи ²³⁹, Джамал и прочие не имели возможности заниматься вымогательствами и допросами. Когда его высочество царевич вознамерился захватить Ахмадшахи, он назначил своим наместником в Герате его высочество царевича Фируз ад-дина ²⁴⁰. Мирза Бабай, сын Мухаммада Али-бека Кари, который на придворной

службе у царевича занимал должность посыльного и
управителя ²⁴¹. взял у сего немощного сумму в пять
туманов.

*Для меня безразлично, траур или пир.

Я — свеча, и мое дело — гореть*.

А 20-го числа месяца мухаррама Запретного 1208/28
августа 1793 года — в тот самый день, когда год
назад наше имущество привезли из Барнабада в
Герат на наших же вьючных животных и каждый
тащил себе все, что хотел, таким образом, как это
было описано выше, в тот же день, 20-го мухаррама,
год спустя, царевич [Махмуд] потерпел поражение от
своего брата Шахзамана ²⁴² в местечке, именуемом
Гурак, которое входит в состав Замин-Давар, и все
снаряжение и пожитки их исчезли в тленности
грабежа. “Нет судьи лучше, чем Аллах”.

Не забывай о воздаянии за содеянное.

Пшеница от пшеницы произрастает, ячмень — от ячменя.

После того как во время того похода, чреватого
сумятицей и несчастьем, и царевич, и рядовые воины
понесли ущерб и урон, они вернулись сюда (в Герат)

в состоянии полной растерянности, преодолев всевозможные трудности. **Фард:**

Я видел достаточно примеров воздаяния за содеянное
И уверился, что за нынешним днем наступит завтрашний.

Его высочество царевич, /л. 73а/ неоднократно выражая раскаяние в прежних бесчисленных своих проступках, сообщил нам, доведенным до крайности страдальцам, радостную весть, питающую муравья и распространяющую справедливость, и во все концы и края разослал фирманы, [содержащие] уступки. Однако прозорливые люди смыслу их не доверяли, ибо, несмотря на сумятицу, разброд в войсках и неполадки в ведении дел, разве уменьшат **[132]** тиранство и насилие злые и низкие по происхождению люди, природы, большинство из которых склонно к подлости? **Фард:**

Сказал, мол, стану меньше тиранить, отныне начну проявлять справедливость,
[Хотя] и сам не верю в это, коль неоднократно испытал себя.

[Дошло] до того, что по истечении одного месяца, когда царевич стал думать о сборах и снаряжении

войска и армии, он отдал могущественным мучителям — сборщикам налогов — своего учителя-судью и старого чиновника финансового ведомства, которые были приближенными и многократно волея-неволей ссужали ему (царевичу) различные суммы, чтобы те с помощью пыток и истязаний выманили у [судьи и мустауфи] все, что смогут.

*Как и раньше, та красавица ранит мое сердце.

Я увидел ее и понял, что она стократ прекраснее прежнего.

Ее кокетство поднимает бурю [в душе], взор искушает, ресницы ранят до крови.

Она сулит беду, [но] да не сглазит ее дурной глаз*.

Злобные сборщики налогов не прекращали также грабить имущество, опустошать жилища и истязать невинных людей вроде меня, грешного. **Фард:**

Я знал, что он нарушит любой обет и клятву,

Но не [предполагал], что столь поспешно.

А в это время Заман-хан, который был в момент поражения при Гураке *векилом ад-дауле*, поворотив поводья службы, [от] царевича [Махмуда] ушел к Шахзаману. А его брат Шукур-хан, предпочтя побег от того двора, объявился на этой стороне, получил

титулы *мухтар ад-дауле* и *сахибкара* ²⁴³. Некоторые знакомые с его стороны обещали сему немощному сочувствие и милость. Также и я, произнеся касыду, представил им ее при посредничестве его сиятельства Ака Ханджана. Весьма сожалел о разорении сего смиренного, мне обещали [помочь].

Фард:

Все придворные внешне любезные, а внутренне — злобные.
Золото делает руки черными, хотя они и белые.

Внимая этим словесным обещаниям, я надеялся на милость и благорасположение, как вдруг, в это самое время, меня, с моим почтенным собратом по перу ²⁴⁴ мирзой Мухаммедом Али, у которого также перед тем изъяли сумму примерно в тысячу туманов. поволокли в свой дом, заперли и предъявили нам, несчастным и отчаявшимся, требование на выплату пяти тысяч туманов. **Фард:**

Я не знаю, в чем моя вина,
Но лишь утро /л. 73б/ забрезжит — и я в когтях льва.

Через десять дней заключения усилиями некоторых друзей сначала освободили мирзу Мухаммеда Али, а

через два дня и меня. Но эти два дня Мухаммад Али из доброго ко мне отношения просидел вместе со мной. **[133]**

В тот самый период по подстрекательству Ака Хусайна Али и прочих, идущих тем же путем, Рахмдил-хану, старшему конюшему ²⁴⁵, подсказали способ [причинить] мне несчастье. Пусть-де он возьмет [с меня] тысячу туманов. И этот мерзавец, посадив в доме сего [несчастливого], являющегося мишенью стрел бедствия, своего брата Хайата вместе с несколькими своими подручными — злобными подлецами, учинил надо мной и моим сыном Мухаммедом Аршадом всевозможные издевательства и поборы. Что же еще можно написать, если

После всех унижений и бед я [все еще] жив
И сам удивляюсь своей живучести.

Они ушли из нашего дома, набрав в течение одного месяца на восемь туманов всяких поборов и денег.

Стихи:

Тот, кто ни на мгновение не видел себя счастливым, — это я,
Тот, чьи усилия пошли прахом, — это я,
Тот, кто подобен бутону с увядшими по весне лепестками,
До сердцевины кого не доходит ветерок желаний, — это я.

Пусть не останется сокрытым, что из-за множества злодейств и бесчисленных [насилий] большинство друзей, как и сей несчастный, были охвачены пламенем беспокойства, муками горя и терзаний; пожар пыток и истязаний пожирал все души до самых недр. **Фард:**

От раздирающих душу бесконечных насилий
Кровь [моего] сердца изливается из очей.

И никто не остался в стороне от бесчисленных вымогательств: ни женщины, ни мужчины, ни близкие, ни далекие, ни мусульмане, ни индийцы, ни армяне, ни евреи, ни крестьяне, ни торговцы, ни ремесленники, ни путешественники — все были разорены, ни один человек не избежал такой же участи. Дошло до того, что судья и чиновник финансового ведомства каким-то образом отдали свое [достояние] на грабеж. Каждый [из погромщиков] унес для себя тридцать-сорок тысяч

туманов наличными и вещами. Их книги, каждый том которых на самом деле стоил пятьдесят туманов, проходимцы обменивали в лавках зеленщиков на пучок зелени. [Из-за налетов] в поисках имущества их жилые дома были опустошены и разорены, а большинство обитателей, подобно сему бесприютному, пошли скитаться и блуждать по миру. **От автора:**

Не только у меня похитили все, даже разум и веру [в бога],
Но всякий, кого ни увижу, как и я, в беде.

А Хусайн Али и Сандал каждый вечер
приволакивали в свои дома людей, насилиями,
угрозами и страшными пытками /л. 74а/ забирали
себе [от них] все, что можно. **Фард: [134]**

Никто в целом мире от [момента] зарождения до обращения в прах
Не упомнит таких мучений,
Которые в те дни гератцам
Причиняла банда мерзавцев.

В тот период — двойник обид, один из моих
знакомых — близнец верности дал знать сему
подвергнувшемуся злоключениям судьбы, дескать,
по приказу царевича Сандал намеревается пойти в

Барнабад и пытаться твоих детей. Если вы припрятали имущество, он его найдет. Услышав эту весть, я послал своего брата Мухаммада Али, чтобы он привез в город остававшихся там родственников. Приехав в Барнабад, Мухаммад Али не нашел возможным все и всех переправить в Герат, поскольку наша барнабадская родня была слишком многочисленной, да каждый имел при себе скарб, одежду, фамильные вещи, о которых сей низайший и не ведал. Брат оставил [пожитки родственников] в доме покойного мирзы Худабахша, сына почившего Абу-л-Хасана. Через несколько дней по приезде родственников упомянутые друзья, войдя в дверь сострадания к сему заблудившемуся в пустыне удивления, выразили раскаяние и сожаление о своем поступке и предложили им возвратиться в Барнабад. Сами же через посредство сановного подателя прошений передали царевичу представление: приезде родственников и перевоз ими своего имущества делает такого-то (т. е. Мухаммада Ризу) причиной разорения Барнабада и нашего беспокойства.

Прикажите им возвратиться. Я туда ехать не согласился (**фард**):

Я видел от сего мира столько бесчеловечных поступков,
Что перестал верить своим зрачкам, [отражающим мир], —

и послал своего брата Мухаммада Али, чтобы он привез вещи и имущество оставшихся родственников, которые находились в доме [ныне] почившего мирзы Худабахша. В тот самый вечер, когда мой брат приехал в Барнабад, несколько пользовавшихся дурной славой неучей разграбили имущество, которое было в доме Худабахша. Чтобы запутать [следы], они сломали несколько сундуков и замков на них, испортили многие товары. Я узнал об этом, будучи в Герате. Увидев одного из них, жившего здесь, я сказал: “Это дело рук твоих сородичей” —

Заклинатель змей определит участок земли, от которого исходит змеиный запах,

Я же узнаю запах [твоего] локона, даже если ты обмакнешь его в жидкий мускус, —

и потащил его с собой отсюда в Барнабад. Хотя он поначалу отнекивался от того дела, но потом

признался из-за большой огласки и очевидности его для малых и взрослых жителей этого края. **Фард:**

/л. 746/ Любовь не спрятать, а если попробуешь, то
Слезы и смущение выдадут [твою] склонность. [135]

Кое-какие товары и носильные вещи, попортившиеся, пока их прятали в разрушенных банях и на сеновалах, они прислали вечером со своим человеком по имени Зу-л-Фикар. Некоторые редкие лекарства, как-то: безоаровый камень, противоядия, цитварный корень, медный купорос, серая амбра — исчезли без следа из-за невежества [похитителей]. Некоторые товары они забрали себе в качестве комиссионных, как-то: весьма дорогие ткани, которые их хозяева за самую высокую цену дозволенным образом покупали себе на саваны, а [также] несколько штук шитого полотна, бархата, алиджи и вуали. Они присвоили то, что им понравилось, даже наши регистрационные печати. Из тех самых кусков идущего на саваны шитого полотна они сшили себе нижнее белье. Гордясь тем, что они натягивают полотняное белье даже на свои ноги, они задрали нос ²⁴⁶ до неба. Прикрыв свои задницы

[дорогими тканями], они тщились обрести достоинство. У некоторых из этих мужчин и женщин от безмерной радости, что им в руки достались такие [дорогие] ткани, идущие на саваны, души собрались покинуть тела. Из тех же самых тканей они понаделали себе саванов и угомонились в могилах: ради возвеличения собственных персон в день воскресения из мертвых они унесли с собой в гроб подношения.

Они набрали опиума. По незнанию дозы опиума на один прием [человек] может умереть. Заполучив семь-восемь истаров [247](#) высокосортного опиума, который был среди наших товаров, они по-новому ощутили жизнь. Суть дела сводится к тому, что некоторые из них от безумной радости приобретения дорогих тканей, идущих на саваны, скоропостижно скончались, а другие, вкусив и оценив достоинства опиума, ожили.

Касыда

Вчерашнюю ночь я провел в тревоге, размышляя о своих расстроенных обстоятельствах,

Кровавые слезы, как из тучи, лились дождем из обоих моих глаз.
Из-за страданий и мук [сего] времени я грущу, тоскую, я в смятении,
Словно дым, я вдыхаю горе, и нет [больше] терпения.
Я думал о своих неурюенных делах и положении:
Без причины меня ежеминутно подстергали бедствия,
Я стал прахом, и на небесах замирали мои вздохи,
Полыхало пламя в моем сердце, из глаз лились потоки.
Как увидел старец-мудрец столь тяжкое мое состояние,
Мне, смятенному, оказал любезность, обратившись со словами:
“О пленник горя и тягот, открой глаза, способные сравнивать.
До каких пор ты будешь дремать, подобно злосчастию?
Нужно, чтобы твое положение было бы лучше, чем у других людей,
Ибо ты рожден в доме полновластного государя.
Тот падишах — драгоценный камень в шкатулке славы,
Вершитель судеб, счастливец, достигший желаемого,
Высокоместный государь, которому завидуют шахи всего мира,
Заступник горемык, царевич властелин-попечитель,
Саном равный небесам, обаятельный владыка трона,
Он — тот, от золотистого взгляда которого солнце берет свет,
Счастливец, который, обладая саном, величием, славой, почетом,
Выбрал среди равных и подобных судьбу сего бедняка.
Если он из сострадания бросит взор на воробья,
То поймает в силон и того воробья, и сокола, и ястреба, и орла.
Если по милости своей он захочет обласкать летучую мышь,
Летучая мышь станет охотиться на солнечного фазана.
Любой человек, от самых высокопоставленных до самых ничтожных,
если коснется его подола, [прося о чем-либо],
Будет удовлетворен, достигнув цели и приобретя желаемое”.
Я сказал: “О Хызр, следующий верным путем, в конце концов
Все, что ты изволил сказать, поистине правильно и справедливо.

Я испытал, однако, свою черную судьбу:
У Сатурна, взошедшего надо мною, нет и признака преуспеяния.
Я оказался униженным в глазах сыновей своего рода,
Судьба распластала меня, как лен при лунном свете.
Меня настолько лишили человеческих достоинств, что
Теперь я вижу, что мое положение хуже скотского.
Я усердствовал, получая образование и постигая науки,
А теперь не могу отличить грамматику от словаря.
Я многократно докладывал о своем положении, но ни разу
Особая доброта вашей милости не коснулась моих обстоятельств.
Коль ты распорядишься, о мудрый старец, нынче также
/л. 75б/ Представлю пред ним доклад о своем тяжком положении”.
О правосудный, о покровитель мира, о государь, пекущийся о
ничтожных, **[137]**
За расспросы о положении удрученных горем беззащитных людей тебе
воздастся от бога.
Справедливые государи минувшего времени, упоминания о добрых
делах которых
Вечно будут передаваться из уст в уста и переписываться из книги в
книгу,
Достигли счастья благодаря обилию справедливых и праведных дел;
Обязанность шахов — избегать учинения насилий.
О Сулайман нашего времени, наконец рассуди сам беспристрастно:
До каких пор я буду жить под таким гнетом,
До каких пор будет мучить меня судьба и злосчастие,
Словно рыбу, в смятении попавшую на крючок?
До каких пор будут назначать мне эти поборы,
До каких пор подонки будут попрекать меня,
До каких пор будут распоряжаться Ибрахим, Мардан и Наджаф,
Сколько еще будут грабить и беспокоить моих друзей?

Вот уж два месяца, как живут в садах сего раба
Его высочество царевич, а также наибы небесного свода, укрытого
покрывалом туч.
Нимало ни один не промедлил,
Разрушая ограды, рубя деревья на бревна в моих владениях.
Большинство деревьев повалил и увез Алмас-хан,
Очевидно, он приехал сюда для заготовки дров.
Перенесенные мною страдания, о коих я пишу в этот раз, невелики,
Мне пришлось выстрадать много более, чем здесь упомянуто, [от]
грабежей и налетов.
В этом, однако. — позор, и в грядущие несколько лет
У людей будет предлог порочить меня.
О правосудный попечитель, сверши сам праведный суд:
Кому из султанских слуг дозволено грабить,
Кому из избранной султанской знати дозволено обирать?
Хотя жалоба сего немощного слабого бедняка
Подана ввиду многочисленных унижений, сердечной боли и
безмерного страдания,
Учини правый суд и вдумайся немного в положение дел,
Во имя Аллаха, не уклоняйся более от правды, о всемогущий
властелин.
Ибо что за прибыль от притеснения меня и подобных мне
Высококоместному государю, ревностному и бережливому.
В государстве началась разруха, а люди вроде меня оказались в тупике.
Злоумышленники нынче только и думают, что о взысканиях и поборах.
Любой, кого ты видишь, размышляет о своем состоянии,
Все, о чем говорят люди, это хитрости, обманы, уловки.
Присмотришь к своим делам и подумай
О близящемся общении с богом и вопросах в день Страшного суда.
Тленен сей мир, бери пример с шахов минувших времен:

С Кубада, Наузара, Кай-Хосрова и Афрасиаба [250](#).

С шахов, пребывающих ныне в раю, со своего отца и деда.
Те, кто ранее сидел во дворце, когда оказались на небесах,
Где они сейчас и что унесли с собой из мира сего?
При всех их хлопотах, затеях, войнах и спорах
Не сохранилось ничего, кроме доброго имени и благого деяния.
Приложи старания, дабы обрести доброе имя, о счастливый
повелитель!

Легко притеснять и обижать таких малых, как я,
Однако нужно избежать бесславия.

/л. 76a/ Я готов умереть от крайнего изнеможения,
Более я не заинтересован в подобном существовании. **[138]**
Поскольку государям надлежит вникать в прошения бедняков,
Необходимо дать ответ на их петицию.
Напрасно озлобились владельцы всех моих участков,
Любой беспричинно чинит мне разные подлости.
Не лишай меня более своего особого расположения,
Ибо род людской облагодетельствован твоей всеобщей милостью.
Окажи мне наконец на сострадания благодеяние,
Прояви малейшую беспристрастность в моем деле:
Либо вникни в мое прошение, либо изгони меня, —
Пребывая на чужбине, я хоть избавлюсь от этих поборов.
О Риза, дальнейшее продолжение речи было бы неучтивостью,
Молись всем сердцем, дабы была удовлетворена твоя просьба.
Да будет незыблем трон и упрочен на небесах,
Да пребудет вечно золотой шатер у лазурного подножия,
Да пожнет [царевич] плоды из сада счастья, радости и величия
В результате удовлетворения просьбы. О царевич-самодержец,

Да пребудут твои друзья розволицыми в этом и загробном мире,
А враги, как вороны, — черномазыми [251](#).

Когда же, воспользовавшись удобным моментом, пока царевич был в уединении, старший письмоводитель прочитал ему эту касыду, [царевич] сам заметил, что автор касыды говорит правду и бревна, которые он обнаружил в доме Алмас-хана, вывезены из его сада. Кроме этого замечания и подтверждения слов пишущего эти строки, царевич иного ответа не дал.

*За те раны, которые я получил сегодня,
Хочу взыскать с тебя в день Страшного суда*.

В те дни один из временщиков сделался везиром земель *ха-лице*, пообещав свою сестру Азиз Мухаммад-хану, который был одним из приближенных к особе царевича Махмуда. Ради своей сестры он похитил женщину из дома Азиз Мухаммад-хана, но благодаря хлопотам брата и других ее родственников не соединился с нею. Упомянутой женщине он дал семь туманов, Азиз Мухаммад-хану взамен своей сестры — мальчика-

гуляма, а сам в течение одного месяца был везиром земель *халисе*.

Как только афганцы и большинство других племен вняли слуху о великодушии щедрого царевича, с разных сторон и окраин потянулись искать покровительства этого правителя. Подлые чиновники проели имущество, пытками изъятые у людей, а до управляющего щедрого царевича ничего не дошло и к нему не поступило. Доходы не соответствовали расходам, и царевич испытывал нужду в средствах на вознаграждение тех лиц, не зная, как обуздать [их].

Нужно, чтобы золото и имущество, которым ты когда-либо награждаешь,

Всегда было из ничем не запятнанных средств,

Нет ни на йоту доброты, Коль у людей забираешь рукой насилия,

/л. 766/ Принуждением не разоряй людей,

Не расстилай перед подлецами скатерть щедрот.

Надо, чтобы облако полило дождем пустыню,

Какой толк, если оно прольется в море. **[139]**

Если ты золотом радуешь сердце развратника,

Ты совершаешь греховное и губительное дело.

Если блудница платит золотом за разврат,

То уж лучше большая скупость, чем ее щедрость.

Лихоимцы, состоявшие на службе щедрого царевича, усмотрели целесообразность в том, чтобы распределить поровну на население этого края в виде подушной подати налог по две тысячи туманов с каждого человека. На сей счет они получили также фетву от мудрых улемов и совершенных муфтиев, дабы с каждого брали деньги сполна — со всех людей, проживающих как в селениях и вилайетах, так и на окрестных кочевьях, не освобождая ни одного от уплаты этой суммы. Несмотря на то что деньги были взысканы полностью, царевичу никакого прихода и дохода не было. А то, что взыскали с сейидов и дервишей, либо проели жестокие сборщики налогов, либо лиходеи отдали на мотовство безбородым юнцам —

[Отныне] и впредь нет современникам прощения [их] грехов, Так как они берут воду из колодца и выливают ее в море, —

и посредством этого водрузили знамя насилия, так что лихоимцы в течение года были заняты взысканием тех денег. **Фард:**

Грабители насилием забрали дирхем, Они подрывают фундамент дома и обмазывают [монетами] крышу

дворца.

Самые низкие — это те, кто берет, не имея на то права, и отдает недостойным.

В ту пору, получив возвышающую слух жителей сих городов весть о намерении шаха Замана ²⁵², люди, доведенные до крайности из-за чрезмерных притеснений и насилий и в мыслях своих надеясь на его приезд, не ведали о смысле [изречения] всемилостивого [Аллаха]: “... и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло” ²⁵³. Они забыли о кознях коварной судьбы. Так продолжалось, пока Заман-шах не прибыл в Обитель радости [город] Фарах. Он отправил отряд Клыч-хана Тимури ²⁵⁴, и тот овладел цитаделью Герата, показав преданность Заман-шаху. Трепет колебания одолел стойких сановников царевичей, и они пустились в сторону Ирака. **Фард:**

Обижать людей не очень-то подходящее дело,

Всякий, кто упадет с купола человеколюбия, — умрет.

В то время в наши края пришли Шах Пасанд-хан и Ахмад-хан, военачальник ²⁵⁵. От множества обид, обилия потерь и убытков дым вздохов угнетенных

доставил сего смиренного к вращающемуся своду [256](#).

Фард:

Лекарство стало причиной болезни.

Какая теперь может быть надежда

На избавление от недуга и выздоровление больного? [140]

/л. 77a/ В тот период Джамал, выродок, последовал за царевичами и в его руки попало несколько человек их прислуги, деньги, товары и пожитки царевичей. Он продал слуг узбекам. Пусть не останется тайной, что злодей из злодеев Джамал приходится племянником Ибрахиму — притеснителю, и тот алчный вот уже двадцать лет занимается грабежом и торговлей пленниками. А падишахи неоднократно приглашали этого растленного во дворец, отличали почетом и саном. Несмотря на обилие предъявленных ему исков, они не привлекали к ответственности этого распутника, не обращали внимания на его грехи (**мисра'**):

Правосудие терпит ущерб от бездеятельности, —

и это, по существу, стало причиной известности того атамана головорезов, а в глазах современных

верхоглядом — свидетельством силы и влияния того предателя.

*Бидил хмурится из-за того, что времена безнравственны:

Тот, кто прямодушен, — колючка в глазах всего света* [257](#).

После смерти шаха царевичи благодаря благоволению к нему Заман-хана выказывали тому бесстыднику расположение и милость, отличали его среди равных и выдающихся людей. **Стихи:**

От злополучного дня не жди доброго знака [птицы] феникс,

Не ожидай от воробья хватки сокола.

Когда опора у интригана столь высокая, что ж удивительного.

Что он повсюду простирает руку смуты.

Они предоставили ему независимость и полную свободу действий для воровства, разбоя на дорогах, торговли пленными и грабежей в Каине и Гурийане.

Фард:

Но говори дурным людям: “Поступай так-то”.

Ибо на месте хороших людей — злодеи.

В трудные для него времена тот проклятый выказывал пишущему эти строки дружбу и особую приязнь, а я-то, забыв толкование изречения: “О вы,

которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями” [258](#), (полустишие): “Ввиду простодушия, кротости, чистосердечия” предполагал, что он мне друг. **Руба'и:**

С каждым, о котором мое сердце думает, что он мне друг,
[Случается], что, как [только] он увидит мое доброжелательство,
становится врагом.

Люди всего света, и в дружбе и во вражде
Мы видим, что нет никому доверия.

[Так было] до той поры, когда он сделался известным
лицом на службе у царевичей, прославился
воровством и торговлей пленными, стал богатым и
влиятельным. Он испросил у царевича [разрешение]
на сбор податей и получение *малията* [259](#) с сего
немощного.

*Пока у тебя есть честь, ты не допустишь низости.

Разве поправишь дело, если при отравлении отсутствует вода?* [260](#)

[141]

В то время, когда Заман-хана отправили к шаху
Заману, вместе с ним поехал также и тот атаман
нынешних головорезов. На обратном пути по
прибытии на стоянку Мирдад тот преданный

анафеме услышал, что царевич Махмуд ушел из Герата ²⁶¹. /л. 77б/ Он получил у Заман-хана разрешение на разграбление имущества разных людей, в особенности имущества пишущего эти строки. Встретившись в Гурийане со своим порочным братом и племянником, которые тогда же поспешно выехали из Герата вслед за царевичами, он набрал сборище таких же, как он, подонков и принялся грабить имущество жителей той местности.

*Разве может называться человеком злоумышляющий против соседей? Ведь даже собака имеет стыд и не хватает за ноги знакомых [людей] *.

Именно тогда он послал своего племянника Джамала с тридцатью-сорока всадниками, подобными ему злодеями, разрушить жилище сего закованного в кандалы горл и тоски. Он обстоятельно обобрал [меня], полностью и дочиста [взяв] то из имущества, принадлежавшего мне, моему брату, племяннику и родственникам, что оставалось после многолетних неоднократных грабежей. Он произвел необходимые розыски и поиски, чтобы найти и получить [спрятанное] имущество сего сломленного сердцем, и захватил все, что увидел. **От автора:**

Я желал [только] покоя, но гнет надо мной лишь усилился.
Подобно изображению на моей печати, из-за злосчастия дело пошло шиворот-навыворот.

В тот год ни один житель из обитателей этого края не изъявил дружеского отношения к сему смиренному.
Ни от одного, будь то чужой или свой, я не видел помощи в моем деле, ничего, кроме намерения причинить ущерб и тревогу сему сломленному сердцем. **Фард:**

Издравле никто не чуял и запаха верности,
Ошибся всякий, кто, подобно мне, искал людской искренности.

В этот период большинство старых слуг и близких людей, вонзая иглу жестокости в печень сего бедняги, были подстрекателями [погромщиков] и наводчиками на наше имущество. Они украли многие прекрасные наши вещи — кувшины, подсвечники, книги. Они сблизились и сроднились с теми подонками. А те злобные притеснители, пытая моего сына Абу Талиба и племянника, так их замучили, что они сами вытащили и отдали [погромщикам] те вещи, которые лежали у них в тайниках и на виду. В том числе они забрали у моего

племянника сумму в пятьдесят туманов наличными, вещи трех-четырех семейств из нашего рода, переходившие в течение трехсот лет по наследству. Они унесли до последнего все, что сохранилось после многократных грабежей и что мы отдали каждому на хранение. Они взяли сорок постельных комплектов, дорогую одежду, ковры, медные и [142] фарфоровые сосуды, четырнадцать сундуков, /л. 78а/ в каждом из которых были наличные деньги, куски тканей, домашняя утварь, редкие лекарства, которыми издавна владели их хозяева, гладкошерстные покрывала для *кеджаве* ²⁶², семь томов Корана, семьсот томов книг и списков с образцами почерков Эмира и Мир Али ²⁶³, сотню стопок кашмирской и самаркандской бумаги, очень дорогие пеналы с прекрасными металлическими украшениями, золотые чернильницы, написанные от руки и скрепленные печатями грамоты тимуридских и сефевидских султанов, которые принадлежали нам с давних пор, вместе с купчими крепостями на земли наших предков, двадцать пар рабочего скота, пять голов коней, породистых жеребят, которых мы

купили вскоре после предыдущего угона коней, пять голов мулов, десять голов ослов — [все это] из имущества сего обескрыленного, моих родителей, сестры, родного и двоюродного братьев. Около десяти дней наши и их ослы и мулы перевозили наше имущество из Барнабада в Гурийан. Они унесли двести парных дверей из нашего [имения] — двери господских домов, зданий в крепости, в городе и деревне. В результате богатство тех воров уравнилось с нашими средствами и имуществом. **От автора:**

Благосостояние пагод зиждется на нашем разорении,
Объединение язычников происходит из-за нашей разобщенности.
Это могущество и величие подлых псов
Возникает от нашей нищеты и беззащитности.

В тот раз Ибрахим-хан увез нашего имущества приблизительно на сумму тысячу туманов. Это по меньшей мере.

А мы привели в Герат наших родственников голых, босых, с непокрытыми головами. После того примерно в течение одного года наши люди и прочие подлецы занимались поисками вещей на развалинах

наших домов. По причине всего этого там приходили в ветхость кирпичи, балки в домах, водоемы, мосты. Во время разрушения наших домов барнабадцы обнаружили некоторую сумму наличных денег серебром и медью, которую не нашли [погромщики].

*Очевидно, мое счастье не спит, а умерло,
Ведь сон не может продолжаться так долго*.

Вначале, когда я еще не знал об этих обстоятельствах, я взял у Шах Пасанд-хана поручительство к Мумин-хану, его человеку, который вместе с Джамалом выехал из Герата вслед за царевичами. [Поручительство] было обращено к моим людям, дабы никто его (Мумин-хана) не беспокоил и каждый оказывал ему гостеприимство. В то самое время, когда Джамал подвергал пыткам моих детей и двоюродного брата, /л. 78б/ грабил мое имущество, он поставил у ворот барнабадской крепости стражника, чтобы наши люди не ходили бы туда-сюда. В этот-то самый момент нарочный привез названное поручительство к воротам крепости. Упомянутый [143] стражник не позволил нарочному доставить Мумин-хану ни поручительство, ни шесть

тысяч наличными штрафа, приложенных к нему. Он сам забрал все у нарочного.

Тамошние жители тащили себе все, что могли: фарфоровые и медные сосуды и мои книги. Таким образом какой-то человек за один туман продал Ибрахим-хану один том моей книги *Нафа-хат* ²⁶⁴. Аллахбахш привез ко мне в Герат другую попавшую к нему книгу: *Абр-и гаухарбар* ²⁶⁵. Он изъявлял дружеское ко мне расположение и сетовал на поведение своего сына и брата. Он показал мне письмо, написанное почерком его брата, который сообщал ему: “Имущество таких-то я отдал на разграбление. Не знайтесь с ними, так как Ибрахим-хан гневается”.

Невежда хочет причинить вред образованному.
Червь не думает о книге, которую он пожирает*.

Гордясь своей дружбой [со мной], он изъявлял раскаяние в своих прошлых и будущих поступках и давал заверения. Я воздал ему языком обстоятельств, в таком смысле: “Ты не в состоянии будешь со мной утерпеть” ²⁶⁶. Как только он уразумел, что никто не

подоспеет ко мне на помощь, он завязал прочную дружбу с Ибрахим-ханом, а своего немощного отца сделал приближенным того проклятого развратника. Таким образом, в воровских набегах и налетах на район Каин этот [старец] принимал участие вместе с тем изменником. **Фард:**

Мир и его население достойны один другого,
Подобны нарисованному на бумаге изображению рыб в море [267](#).

Ему достались несколько голов овец и пленница из числа захваченных в крепости Баракух в районе Каина. В тот подходящий для него момент он отдал свою сестру Исма'ил-хану, брату Ибрахим-хана. А барнабадские подонки в сообществе с порождением смуты и мятежа, Ибрахим-ханом, пошли по пути грабежа и торговли пленниками. В то время Заман-хан по наущению моих врагов подарил мое гератское подворье Бахрам-хану Фирузкухи, и тот бесстыжий, невзирая на наше знакомство, захватил мое подворье вместе с соломой и дровами, которые у меня там были, **Фард:**

Я, Аршад, дикая птица, которая на каждом шагу
Вырывается из нескольких силков и клеток.

А три харвара пшеницы в тот период украл из
[гератского] подворья старый наш слуга Аскер,
который числился в родственниках Бахрам-хана.

В Барнабаде тогда жил мой сын Мухаммед Аршад.
Каждую ночь он посылал /л. 79а/ своего гуляма
Хосрова сторожить зерно, хранившееся в крепости.
Как-то ночью явились мирза Аллахбахш со своими
братьями и сыновьями и каким-то сборищем. В ту
самую ночь они унесли двадцать четыре харвара
пшеницы, двадцать [144] харваров ячменя, двести
пятьдесят маннов неочищенного риса и чечевицы из
урожая того года. [Они забрали] большие сундуки, из
которых еще до того другие грабители унесли все
хранившиеся в них товары, и большие хумы,
которые до того времени там стояли. Сей
находящийся в безвыходном положении подал
жалобу Заман-хану, и он прислал в Барнабад
сборщика налогов. Ибрахим-хан собственноручно
написал мне письмо, обязуясь получить с похитителя
украденное зерно, а Исма'ил-хан стал их свидетелем.

Это воровство было совершено по их наущению, и в основе каждого из [этих] двоих были обман и попрание закона. В конце концов мирза Аллахбахш сознался и поклялся, что во время сбора урожая отдаст зерно. Однако и это его обещание и клятва, подобно прежним, не имели под собой основы, и он никоим образом отдавать не собирался. А во время сбора урожая того года Бахш Али, сын шейха Ибрахима Барнабади, по подстрекательству Ибрахим-хана, вместе с Када Али хазаре таскали по ночам мешки с пахотных земель Джанган. Они натаскали примерно десять харваров пшеницы с наших гумен. Наконец у гумна моего двоюродного брата они убили одного крестьянина, а другого ранили. Их обоих притащили в город.

"Светильник с печалью и страданием говорит о пирующих:

Рубить голову на глазах этих каменносердых — все равно что срывать розу*.

Заман-хан послал сборщика налогов, и он привел убийц. Ибрахим-хан также послал своего человека по имени Ибрахим сын Рафи для защиты своих. Поскольку Заман-хан хотел изобразить себя

беспристрастным и обходительным, он перед этим [Ибрахимом сыном Рафи] стал порицать Ибрахим-хана за его неверность, порочность и вероломство. Допрос провел сам, чтобы прикрыть преступление, а явившись в общее собрание, в присутствии вельможного Исма'ил-хана хазаре, брата его светлости беглербека, и Каримдад-хана Тимури [268](#) выразил благорасположение пишущему эти строки.

После того как в присутствии названных ханов убийцы сознались и подтвердили, что именно они пролили кровь, Бахша Али наказали палочными ударами и отправили в тюрьму. Отец и дядя убийцы пришли к пишущему эти строки и упросили обручить сестру убийцы с братом убитого и выдали, кроме того, мне вексель на двадцать туманов. Дав Заман-хану вексель на пятьдесят туманов, [убийцы] освободились из тюрьмы. Пришел Ибрахим-хан, и ему [тоже] подарили вексель на пятьдесят туманов. Отец, дядя /л. 79б/ и брат убитого, несмотря на то что они издавна считались принадлежавшими к числу наших родственников, по подстрекательству [Ибрахим-хана] забрали у меня вексель на двадцать

туманов, отдали его Ибрахим-хану и перешли к нему. А тот в период, когда его власть возросла, отвез их в Барнабад [145] и полностью забрал у брата убитого имущество его самого и отца убитого за развод с сестрой убийцы. **От автора:**

Когда, изощрясь перед волком, собака становится спесивой
И, обнаглев, бросает своего хозяина,
Берегитесь, не подпускайте ее к дверям дома,
Пока она не подохнет от голода.

В тот период сей немощный, опасаясь грабителей и насильников, вручил восемь харваров пшеницы некоему человеку по имени Тимур. Он был старым приятелем сего бродящего по кварталам мудрости и разума. Упомянутый Тимур, дабы сделать приятное Ибрахим-хану, сообщил [ему об этом]. За одну ночь он передал все это гуляму Касиму, рожденному в доме нашего рода, [но] бывшему в тот период кладовщиком Ибрахим-хана. В связи с этим я послал вслед за Тимуром сборщика налогов, и он привез его в Герат. Но это ни к чему не привело.

*Все тираны на один манер,
Сотни пожаров горят одинаково*.

Через четыре месяца Тимур умер. Кое-кто из сплетников и злобных людей, живших в Барнабаде. [некоторые] из наших старых слуг наговаривали [на меня], болтали и врали об убийстве Тимура. Ради того, чтобы довести до изнеможения пишущего эти строки и замести следы своих грабежей, они отправились в присутствие наиба [269](#), притворяясь незнающими о предписании, и подняли такую смуту и гам, что и описать невозможно. Однако, несмотря на обнаружение их вымысла, тот опьяненный вином гордыни не уяснил себе всей глубины этого дела.

Фард:

По лепесткам цветка гранатника можно понять,
На ком следы крови влюбленных [270](#).

Да не останется тайной, что людям, которые поступали подобным образом, я отдал круглую сумму денег и полную меру добра. Как-то, например, в тот раз, когда сборщик налогов отвозил в Кабул мирзу Аллахбахша, притязавшего на должность в отряде Шукур-хана [271](#), я дал ему гнедого коня, стоимость которого доходила до пяти туманов, и два

тумана наличными, да пятьдесят маннов ячменя. На этого самого коня сел верхом его брат по имени Аскар и сопровождал его [в Кабул]. И оттуда в соответствии с подписью на моей челобитной шаху он привез мне от шаха возмещение стоимости коня и два тумана наличными, которые я ему выдал. **Фард:**

Ноша, которую я только что сбросил, снова ложится мне на сердце, Шипы, отстраненные мною с пути другого, становятся преградой на моем пути.

И сейчас еще при мне находятся векселя на зерно, которые я своей рукой написал на имя моего кладовщика. Ему (Аллах-бахшу) я помог зерном, а он не возвратил. Сверх того они еще **[146]** разворовали тридцать-сорок харваров зерна, ткани на саваны, полотно и большое количество разного нашего добра.

Покойный мой отец-покровитель во все годы получал на свое имя у управляющего /л. 80а/ уменьшение от полной суммы налога, как в деньгах, так и натурой, с мульткового владения пахотными землями Джанган, которыми мы владели совместно.

Таким образом, и по сей день, когда прошло двадцать лет, они извлекают доход от той ренты. А в эти дни беспорядка, беззакония и несчастья они записали у управляющего то самое трехсотлетнее сельскохозяйственное владение в качестве земель *халисе* на свое имя. Кроме того, они получили у управляющего аренду на него и нам ежегодно причиняли убытки на определенную сумму.

*Гордый росток, неверная роза и лицемерный тюльпан —
Как могу я надеяться свить гнездо на такой лужайке*?

В это время, когда наши родственники попали в плен бесчисленных взысканий, все, насколько возможно, оказывались совладельцами наших мульков [272](#). Совершая злоупотребления, обычные при разделе имущества между более сильным и более слабым партнерами, они распределяли наши доходы, имея в виду свои собственные мульки. Таким образом, как это уже было упомянуто, они неоднократно похищали у нас различные суммы денег и большое количество нашего имущества как в наличных деньгах, так и товарами.

*Даже у тебя под носом есть люди [273](#),

Которые в самом святом месте нападают на караван*.

Как-то они отдали свою сестру в качестве взятки в ведомство земель *халисе*, в другой раз — безродному человеку в виде возмещения за грабеж нашего имущества. Несмотря на то что им от отца досталось движимого и недвижимого имущества на тысячу туманов, нынче их состояние более расстроено и разрушено, чем сего низжайшего раба. Мирза Аллахбахш покинул родину и стал скитаться. В расцвете юности он был убит в Кабуле, обнищав и измучившись. Смиренная сестра его скончалась в унижении и несчастье в селении Харгирд-и Хаф. Их чада и домочадцы сгорели в огне бедности и нищеты после разрушения Барнабада и пребывают ныне в тревоге из-за тяжелой нужды и бедственного положения. И сей скромный (автор) также скорбит об их разорении: “Назидайтесь, обладающие зрением” [274](#). Стихи:

Из своих привычек мы не делаем каприза,

Мы творим только добро и поступаем благонаравно.

Тем, кто причиняет нам зло,
Мы все равно оплатим только благом, если доведется.

Как раз в это время заболела почтенная матушка сего скромного (автора). Ее сломило несчастье.

Поскольку я испытывал затруднения из-за тесноты в помещениях, так как мое подворье было захвачено, я просил возвратить мне подворье, действуя [147] через мирзу Ма'сума, который в силу близости к Заман-хану был в то время его делопроизводителем. По указанию мирзы Ма'сума и согласно его обещанию я принял на себя обязательство о пятидесяти туманах, которые готов был дать Заман-хану после того, как тот будет склонен возвратить мне подворье.

По желанию мирзы Ма'сума я выбрал посредником купца Ака Баба. [Решили], что после передачи мне подворья Ака Баба выдаст Заман-хану пятьдесят туманов. Ака Баба также согласился на это условие. Затем [Ма'сум] продал Заман-хану за пятьдесят туманов перевязь, принадлежавшую Ака Баба. Ака Баба не хотел отдавать подворье, всячески настаивая на получении с меня пятидесяти туманов —

стоимости его перевязи. Подобно тому как без моего согласия он взял у меня подсвечник, который стоил восемь туманов, /л. 80б/ сказав: “Назначаю цену четыре тумана”, точно таким же образом он засчитал и пятьдесят туманов. По приказанию мирзы Ма'сума он дал мне документ, написанный его почерком и с печатью Заман-хана, в отношении возвращения мне подворья, с тем чтобы обманом получить с меня деньги. Подворье мне так и не отдали. **Фард:**

*Моя жизнь дошла до крайности,
А бессовестный соперник не сжалился надо мной*.

Кроме того, мирза Ма'сум взял у меня сумму в восемь туманов наличными якобы для того, чтобы отдать их Бахрам-хану, дабы он вернул мне подворье, но проел их сам. Под тем же предлогом Клыч-хан взял у меня пять туманов. В тот период времени, когда я сам удивлялся своему положению, а все, что имели мои родственники, пошло на грабеж, я был совершенно наг и беспомощен, а мирза Ма'сум причинил мне убыток и ущерб в размере шестидесяти трех туманов. **Фард:**

О Аршад, хотя, подобно бутону, у меня нет сил раскрыться,
Но я один тащу на своих плечах сотни миров горя.

Кроме того, когда мирза Ма'сум был
делопроизводителем Заман-хана, он занимался
вымогательством, так у меня он выманил солому и
дрова.

*Я не жалею на посторонних, так как страдание,
Причиненное моему сердцу, исходит и от моих [близких]*.

В этот период по причине появления признаков
психического расстройства умственные способности
Ма'сума, которых и с самого начала он не имел, враз
стали убывать. Из-за его дурного поведения он сам,
его брат и сын пустили на ветер все ходкие
земельные участки и весь сельскохозяйственный
инвентарь. Чада и домочадцы сего вместилища
ущерба из-за чрезмерной нищеты и бедности
пребывали в состоянии подавленности. Мой сын
Мухаммед Аршад и сей обескрыленный из-за их
расстройства в делах были объаты беспокойством и
унынием, уповая лишь на **[148]** то, что оказание
милости и предпочтения вершителем судеб

[господом богом] распространится и на них и дела их пойдут должным порядком.

*В нашем сердце нет и следа мести кому-нибудь:
Зеркало забывает все, что видит*.

Согласно предопределению злопыхательство Бахрам-хана дало свои горькие плоды: к нему пришло известие о том, что его брат и две жены его брата однажды поубивали друг друга ударами кинжалов и все трое перекочевали под землю. **Фард:**

Та среброгрудая подошла к нему с занесенным кинжалом. Он спросил: “В чем дело?” Она ответила: “Пришел твой последний час”.

В том самом подворье мы несколько дней оплакивали их. Потом мало-помалу вернулось самообладание. **Фард:**

Соперник сказал: “Я отправляюсь в путешествие на десять дней”. Я помолился за него и ответил: “Ты уезжаешь на тысячу лет”.

Заман-хан пожаловал Джамал-хану, приближенному слуге царевича Кайсара [275](#), жену Бахрам-хана, которую он увез из нашего подворья в свой дом.

*Я — тот, кто известен как Хакани.

Судьба подарила мне мало [радости],

Мне нет счастья — [только] обиды от людей.

Как много их я видел на своем жизненном пути* [276](#).

По безграничной милости его сиятельства беглербека Мухаммад-хана мне отдали мое подворье. Поскольку двери и окна оттуда по большей части были унесены или сожжены, а здания разрушены, я построил все заново, истратив семь-восемь туманов. Несмотря на то что Заман взял с меня пятьдесят туманов и согласно приказу за своей печатью якобы изволил отдать мне это подворье, /л. *81a*/ он это намерение не исполнил. Оно было возвращено мне стараниями и по просьбе его сиятельства Мухаммад-хана, беглербека. Не посчитавшись ни с кем, Заман-хан по наущению неких врагов сего опутанного тяготами вторично подарил [подворье] Джамалу, племяннику Ибрахим-хана, который разграбил мое имущество, уже после того, как я истратил определенную сумму на восстановление [подворья]. **От автора:**

Заман-хан причинил мне такое зло, такие муки.

Да будь я неверным, если какой-нибудь неверный причинил мусульманину подобное.

Джамал привез и поселил в нашем подворье свою жену с ее матерью, которая находилась в разводе с Аллаверди-ханом Шамлу [277](#).

Да лишится крова тот, кто, претерпев страдания от руки зловердных, Тацит [за собой] в дом перенесенные страдания. [149]

Пусть не останется тайной, что мать джамаловой жены была известной блудницей, настолько известной, что Аллаверди-хан бежал из Герата, стыдясь ее бесчестья и бросив все то, к чему был привязан, — и свое владение, и имущество, и родину. На ней женился хаджи Каримдад арзбеки [278](#), который был ранее знаком с ней и заступался за нее. Из-за широко известной дурной славы матери той девицы, кому бы Заман-хан, ее брат, ни предлагал жениться на ней, никто не соглашался. Так продолжалось, пока он не отдал ее Джамалу, принадлежащему к подлейшим людям того [Ибрахимова] племени. И это обстоятельство стало средством к достижению почетного положения и величия [Джамала]. Этот подлейший из гнуснейших ради того, чтобы показать свою власть и известность, привез ту самую мамашу своей безнравственной

жены со скарбом, имуществом, одеждой, коврами,
сосудами и прочими домашними пожитками,
похищенными у сего обескрыленного, и поселился в
моем подворье с полным самоуправством. **Фард:**

О Аршад, никто ни об одном неверном не скажет, [что он так
пострадал],
Как я натерпелся от этого безбожника.

А я с многочисленными родичами от
несовершеннолетних до великовозрастных из-за
перемены судьбы жил в стеснении и бедствии в
малом подворье, что рядом с тем подворьем. **Фард:**

[Болит] поверхность шрама, рубец на сердце бездомных.
Туго приходится и нам и тюльпану, выросшему в пустыне.

В ходе тех событий злонравный Исма'ил-хан, отец
Джамала, сватавшийся к сестре мирзы Аллахбахша,
хаживал туда-сюда, в Барнабад [и обратно]. Джамал
в столице Герате, а его отец и дядя там [в Барнабаде]
были заняты причинением ущерба и обид сему
обескрыленному. **Фард:**

Раз случилось так, что и по сей день я таю от зла и лукавства,
/л. 81б/ Не представляю, что стану делать, проживи я еще какое-то
время,

Население Барнабада и люди, издавна связанные с нами, подбивали [их] причинять мучения нашим родственникам, служили наводчиками для тех сошедших с [праведного] пути. **Фард:**

Я не так боюсь своего врага,
Как врага [своего] друга и друга [своего] врага.

От множества моих обид, из-за возникновения всех этих дел что мог я написать в то время, когда каждое легкое дуновение ветерка увлажняло мой вздох, поднимая пыль с гор горя моей души, разжигая пожар моего сердца. Порывы ветра доносили до небес языки пламени от раздражающих душу моих вздохов. И каждый миг струились потоки и разливались моря от обильного ливня моих слез.

[150]

[Даже] во сне мои глаза никогда не видели лика радости. Подобно нераспустившемуся бутону, я родился под траурным покровом.

В моем подворье, откуда жители его не выходили пятьдесят лет, не видели ни улицы, ни бани, куда не ступала [нога] ни одной незнакомой женщины,

поселилась жена Джамала и мать джамаловой жены, известная в Герате своими пороками. Она неоднократно поднимала знамя греха на башне, именуемой Бурдж-и хак [279](#), притащив барабан безнравственности на помост литаврщиков этого края. Вещи и пожитки из моего дома, которые они наворовали и присвоили, они поочередно выставляли напоказ пред сим обескрыленным, чтобы [я мог] убедиться и ради своей показной храбрости. Таким образом и поныне мой меч находится на поясе у Джамала. А я, отчаявшись в правосудии правителей и помощи современников, из-за великой своей скорби приступил к сложению этих стихов.

[Он — воплощение] кощунства безверия допотопного существа, Уклонения дьявола от поклонения [богу]. [Он способен] употребить в пищу пшеницу святого Адама,

[Сделать] то, что Каин причинил Авелю [280](#).

[В нем] — гордыня фараона, обман Самана,

Насилие Шаддада, высокомерие Нимрода,

Кровожадность Заххака, смута Пирана,

Коварство Гарсиваза, беспутного и злобного,

Гнев Кавуса, скандальность Туса,

Усугубившие причины убиения Сохраба и Фаруда,

Разврат и безнравственность племени Лота,

Многобожие и беспутство сородичей Худа,
Дурные дела людей колодца,
Жестокость и скверна людей рва,
Убийства и пожары Навуходоносора,
Злодейства племен Ада и Самуда.
Он — создатель ереси и огнепоклонства,
Основоположник религии зиндиков и индийцев.
[В нем] — алчность Каруна и злобность Антихриста,
Коварство самаритянина и злоба иудея,
/л. 82a/ Он — страшный смутьян и угодник,
Мстительный, как индиец, кровожадный и вредный,
Завистливый и злобный вроде проклятого Абу Джахля,
Грязный клеветник и неблагодарный, как Мерван.
Ложь и вероломство куфийца,
Злополучие упрямого сирийца Азрака,
Насилие Хариса, Хаджжаджа и Йазида,
Проклятого Шимра Зи-л-джаушана,
Ибн Са'да, Ибн Зийада, Ибн Унса,
Ибн Мулджима и Хасина, изгнанника,
Алчность Аш'аса и других хапуг,
Подобных скале, источающей жадность,
Развратность и тупость Ошского судьи,
Человеконенавистничество и нечистоплотность еврея Шам'уна,
Скаредность армянина Ибрахима,
Корысть подонка и дурня,
Грабеж вора и разбой того ничтожества,
Позор негодяев, подлецов и прохвостов — **[151]**
Короче, от сотворения мира и до сего дня
Все, что видел свет от мерзавцев,
И все, что до конца света впредь

Еще грядет от подобных презренных тварей,
Если собрать и сгрудить все,
Все, что причинено роду людскому [в этом]
И сверх того в потустороннем мире,
Источником всех смут был он — [Ибрахим].
То, что населению Герата за эти два года
Причинил он, и Заххак не натворил за всю жизнь,
И Хадждадж столько [зла] не принес всем народам,
Сколь он надругался надо мной, несчастным.
С того времени, когда стараниями его, злодея,
Огонь вражды так распространился,
Ушел покой из сердец
И довольство исчезло из мира.
О боже! Такова злоба этого тирана.
О господи, своим всемогуществом
За все его злобные деяния
Скорее покарай его, о владыка.

И обратившись к защите того, кто есть первопричина
всего сущего, [к богу], я непрерывно произносил
языком обстоятельств эти слова, которые являются
итоном размышлений сего обескрыленного. **От
автора:**

О тот, кто одной мошкой может разделаться с Нимродом,
В миг единый ты пускаешь по ветру племя Самуда.
О всемогущий, ныне тирания достигла предела,
Убери поскорее этих злодеев из Герата.

Несмотря на обилие притеснений, которые люди испытали от жуликов и мошенников во время правления царевича Махмуда, несмотря на то что большая часть насилий и несправедливостей от этих злобных проклятых здешних тиранов каким-то образом совпала и была вызвана прибытием великолепных и пышных знамен царевича Махмуда, все перед дворцом господ молили о его приезде. Итак, по обычаю, установление которого не имеет отношения к описанию обстоятельств сего напарника испытаний, царевич прибыл поутру в последний день Великого ша'бана 1213/5 февраля 1799 года. Слова “в тот день” дают числовое значение 1213, /л. 82б/и выражение “поутру в последний день ша'бана” также составляет число 1213, и оба эти изречения уведомляют о дате того прибытия. Царевич вступил в этот край без жены, с отрядом храбрецов и начал осаду неприступной цитадели столицы Герат. Вследствие тайных происков и ухищрений временщиков и раскола в войсках в состоянии их дел наметился разлад, и 11 Почтенного рамазана 1213/17 февраля 1799 года — то же вышеупомянутое

выражение уведомляет о дате его отъезда и разлуки с родиной — он, не достигнув цели, повернул поводья из-под Герата в сторону Туркестана ²⁸¹. **Фард:**

О бедуин, я опасаясь, что ты не доберешься до Ка'бы,
Ибо путь, которым ты следуешь, [ведет] в Туркестан ²⁸². [152]

В тот период, когда сей пленник страданий [своего времени] находился в Герате, заточенный в темницу отчаяния и безнадежности, скверные люди, которые искали свое благополучие, причиняя мне мучения, воспользовались удобным моментом и принялись издеваться и обирать брата и родственников сего немощного еще более прежнего. **Фард:**

Я сломлен, но в этом коварное небо неповинно —
Если я становился стеклом, все кругом превращалось в камень;
становился камнем — все превращалось в стекло.

Как могу я рассказать о мучениях, которым подвергали те проклятые брата и родственников сего близнеца обиды, если они выходят за пределы возможностей описания и изложения. **От автора:**

Притеснения неба и тирания времени гораздо больше,
Чем то, о чем я могу поведать. [Я сообщаю] лишь о малой толике из
них.

В тот период славные и высокодостоинные знамена
Шахзамана повернули в сторону сего разоренного
края. В дополнение к прежним поборам Заман-хан
совершил еще одно насилие, забрав у меня малое
подворье, служившее жильем для сего немощного со
всеми родичами от мала до велика. Из-за бездомья и
скитаний я вручил на семьдесят туманов носильных
вещей и товаров, принадлежавших роду моего сына
Мухаммеда Аршада, хаджи мир Исма'илу, который
приходился названному сыну дядей по матери.

Десятью днями позже мир Исма'ил привез весть о
том, что все те пожитки из моего дома украли мир
Махди, сын мира Балуджа, и Али, именуемый
Машхади. Он (мир Исма'ил) не выяснил
[обстоятельств] , поскольку не имел возможности
вникнуть в это дело и доложить правителям того
времени. **От автора:**

Я потонул в океане тягот, [но] не увидел никого,
Кто вытащил бы меня из этого безбрежного моря.

В тот подходящий момент из-за обилия мучений и горестей я сочинил газель /л. 83а/ и касыду с описанием своих обстоятельств и полностью выразил все Рахматулла-хану, который был независимым везиром Шахзамана [283](#). [Стихи] я представил при посредничестве хана Мулла, который являлся выдающимся ученым того времени. Поскольку касыда была длинной, она здесь не приводится, а газель — вот она. **От автора:**

Однажды ночью от большого мучительного горя
Текли из глаз моих слезы, как вдруг
Пришел добрый вестник и сказал: “О злополучный неудачник,
До каких пор ты будешь стенать и охать?
Возрадуйся, так как пришел великий везир,
„Он принес мне дар от милости Аллаха””.
Я обрадовался этой счастливой вести и сказал:
“Хвала, слава и благодарение тебе, о господи”.
Но был я между отчаянием и надеждой
Из-за милости везира и потерянного счастья, **[153]**
Как [вдруг] от ушедшего [доброего вестника] до ушей моих дошел
клич:
“Да не будет Риза лишен милости Аллаха”.
Нынче я излагаю свои обстоятельства,
Да будет [на то] еще раз соизволение Аллаха.

Побуждаемый ханом Мулла упомянутый везир оказал мне милость и доброе расположение, обязался расследовать бесчисленные случаи насилий и наладить мои дела. Мир Пайанда [284](#), человек везира, также проявил внимание к сему немощному.

Старший письмоводитель написал и поставил печать на повеление в отношении возвращения моих подворий и титулов согласно приказанию везира и усердию мира Пайанда. По подстрекательству Ибрахим-хана Заман-хан приостановил это дело.

*В то время Заман проявил ко мне такую несправедливость, Что я об этом не смогу рассказать и за сто лет *.

В надежде уладить его я дал миру Пайанда четыре тумана.

В этот период по приказу его светлости мира Афзал-хана [285](#), сына покойного Мадад-хана, наместника государева, привезли из Герата распоряжение Заман-хана. Джамал, который жил в моем подворье с воспитателем и родственниками Заман-хана, не найдя возможности противиться распоряжению, поселил в моем подворье Абдалла-хана Ализия,

своего знакомого, дав ему многие заверения и обязав его проявлять радение в деле удержания подворья сего немощного. Я же ввиду многих посулов и расположения, которое [ранее] видел от Мадад-хана, полностью полагался на мир Афзала в отношении своих дел, не докучал миру и хану Мулла, всей душой рассчитывая на мира Афзал-хана как наместника. В конце концов стало понятно, что для мира Афзал-хана выгода от знакомства с Абдалла-ханом больше, чем со мной. **Фард:**

Ох и тяжко, ибо от каждого, в кого я верил, кто был надеждой моего сердца,
Я не получил ничего, кроме отчаяния;

По желанию Джамала Абдалла-хан некоторое время причинял мне ущерб — он снял десять пар хороших дверей в моем подворье и отдал их Джамалу. Это не вяжется со многими случаями проявления сострадания ко мне со стороны покойного Мадад-хана, с ожиданиями и надеждами, которые я возлагал на мира Афзал-хана.

Стихи:

У людей нет характера отцов —
Все они следуют моде своего времени:
/л. 83б/ Друзья тому, кого обласкало время,
Враги тому, кого время низринуло.

В тот период, выступив из Туркестана в Ирак, а из Ирака — на Кандагар и Кабул, царевич Махмуд покорил те вилайеты, захватил Шахзамана, приказал выколоть ему глаза [286](#), а Заман-хана подверг пыткам и позору и казнил. **Фард: [154]**

Всякий, кто следует правилу жестокости,
Опутывает оковами свои руки и ноги.

Услышав это известие, его высочество царевич Фируз ад-дин, побуждаемый его светлостью военачальником Исхак-ханом, вознамерился явиться сюда. Представляя весь вред, нанесенный [царевичу] Махмуду, всю неблагодарность и наглость [бунтовщиков], например Ибрахим-хана и Джамала, которые, захватив все его имущество, продали его слуг узбекам, и полагая, что такое поведение должно приблизить возмездие, сей немощный прибыл на стоянку, именуемую Рашхар, с большой надеждой

удостоиться счастливой чести услужить [царевичу].

Фард:

Раз сердце оказалось без лекарства, я пошел к врачу.

Душе моей прибавилась тысяча горестей, и я возвратился.

Сотоварищами сего немощного, желавшими получить [возмещение] по иску, были еще несколько человек. Их имущество забрал Ибрахим-хан, а отца их убил. Никто из нас не увидел и следа того, на что надеялся. **Фард:**

О Аршад, не ищи следов достоинства и благородства, ибо я,

Подобно запаху цветка, уже обежал все закоулки сердец, [но не нашел таковых].

В довершение всего в тот самый момент Ибрахим-хан умышленно скормил овцам и прочей скотине десять харваров моей семенной пшеницы, пустив их на выпас в поле. А в Герате царевич по желанию того бесчестного заточил в цитадели истцов по делу об убитом отце. За их убитого отца он взял с них шестьдесят туманов наличными штрафа. **Фард:**

В мире нет горя более нестерпимого,

Чем лакей-интриган и господин, который не разбирается в людях.

В тот год с помощью нескольких подлецов Ибрахим
сделался независимым правителем Гурийана. **Фард:**

Подобно порожней бадье, эти безмозглые люди совершенно пусты,
[Поэтому] колесо судьбы легко поднимает их вверх.

В этот период надежд ханов, которые трудились ради
приезда в Герат его высочества царевича Фируз ад-
дина, упования наши, удрученных горем угнетенных,
не осуществились: царевич не стал взыскивать со
скупых злодеев, которые совершили все эти
предательства. При содействии великих ханов,
которые со старанием и усердием творили все это,
барыши не достались другу, /л. 84а/ убытка не понес
враг. Старания всех людей имели обратный
результат. **От автора:**

Странный жизненный путь у моих современников:

Перед шипом они — цветы, перед цветком — шипы. [155]

По этой причине не осталось страха перед врагом,
надежды на друга. **Фард:**

Предположим, что у спаржи вид змеи,

Но где же у нее яд для врагов и где лекарство для друзей?

После рассмотренных обстоятельств [произошло следующее]. Сначала из Герата ушел мир Афзал-хан, а ханы вилайетов отреклись от всех установлений [властей].

* Витязи разметают вражеский строй, [а]

Его высочество царевич сломал ряды друзей *.

Они пришли в Герат, собравшись и соединившись на службе царевичу Кайсару. В тот промежуток времени Ибрахим-хан *по смыслу слов: “И когда они встречаются тех, которые уверовали, они говорят: „Мы уверовали!“ А когда остаются со своими шайтанами, то говорят: „Мы ведь — с вами, мы ведь только издеваемся””* [287](#) — был в числе подстрекателей и сотоварищей тех ханов, но внешне, для обмана он послал своего человека к его высочеству Фируз ад-дину и известил его о движении [ханов]. **Фард:**

Кровь окрашивает все погруженное в сердце одним цветом.

В саду своей эпохи будь подобен красивой двухцветной розе.

Мать моего брата Мухаммеда Али, мой племянник Абд ас-Самад и мой сын Абу Талиб жили в то время в Барнабаде. По прибытии войска царевича Кайсара

в окрестности Гурийана, тот проклятый [Ибрахим-хан] притащил моего сына Абу Талиба и Абд ас-Самада в Гурийан и доложил царевичу Фируз аддину: “Это сын такого-то. Он каждый день посылает человека к Клыч-хану [288](#) и подстрекает его прийти сюда. Из преданности вам я захватил их [всех]”.

Руба'и:

О Аршад, если случится тебе быть сутягой,
Перед всеми ты будешь в чести.
Люди смотрят на твое достоинство своими глазами,
Подобно исправляющим зрение очкам: если будешь кривить душой, то
будет тебе почет.

Между тем он (Ибрахим-хан) сам сел на коня и,
захватив с собой отряд из вилайета Гурийан,
присоединился к Клыч-хану и стал в авангарде его
войск. **Фард:**

Тюльпан держит чашу, нарцисс опьянен, а меня обвиняют в пьянстве.
Я отдаю себя на суд божий, кого же еще могу я избрать третьейским
судьей.

В мухарраме 1216/май — июнь 1801 года гератское
войско, сопровождавшее царевича Малик Касима [289](#),
встретилось и сразилось с ними к югу от

барнабадской крепости. Они были разбиты и около пятидесяти-шестидесяти человек известных особ и вельмож было убито, как-то: Шихаб-хан, Шах Хусайн, Мухаммад Шах-хан, Абдалла-хан Ализай, который жил в моем подворье, [156] и прочие. А первопричиной этой смуты и кровопролития был мерзкий Ибрахим-хан.

Абдалла-хан, который оказался похожим на злодеев Ибрахим-хана и Джамала как по обстоятельствам и признакам, так и по образу жизни в сей недолговечной обители, проявил удивительное упорство в деле невозвращения подворья сему немощному. /л. 84б/ Те два предателя также показали свою большую с ним дружбу, и таким образом с обеих сторон было выказано особое усердие в [этом] деле. **Фард:**

В день воскресения из мертвых я принесу тот договор, который заключил с тобой.

Чтобы ты не сказал, будто в тот день я не был верен тебе.

Наша надежда его сиятельство Мухаммад-хан, беглербек, отправил в Гурийан своего сына, своего

отпрыска, Азад-хана. Он освободил моих детей Абу
Талиба и Абд ас-Самада и отправил их ко мне в
Герат. **Фард:**

Не вызывает удивления покровительство человека столь похвальных
качеств,

Нет ничего необыкновенного в оказании милости лицом, столь
достойным всяческих похвал.

А барнабадской крепостью в то время овладел
Ибрахим-хан. Оставив в этой крепости раненых и
пленных, он захватил войсковой обоз и имущество и
отправился оттуда в твердом намерении захватить
Герат. Между тем в этот промежуток времени
Йусуф, сын Ибрахим-хана, и жена его находились в
гератской цитадели в плену у царевича Фируз ад-
дина. Поскольку он совершил множество
предательств и измен, но не видел ни у кого усердия
и рвения пристыдить [его] и взыскать за содеянное,
он [и на этот раз] не удержался от дебошей и
погромов в городской округе. Он не проявлял
осторожности, не думал об оковах сына и жены и в
течение десяти-двенадцати дней усердствовал, грабя

имущество райатов, убивая, совершая налеты и продавая в рабство. **Фард:**

[Вот] наглец, который в трезвом виде потрошит сердца людей.
Что ж будет, когда его лицо от вина покраснеет, подобно тюльпану.

После разорений, убийств, грабежей, увода в плен и рабство большого числа илятов [290](#) и семей из этой страны [царевич] при посредстве мусульманского суфия пошел на сделку. Он назначил и установил вознаграждение ханам, приведшим войско под Герат, и, освободив жену и сына Ибрахим-хана, отвел армию из-под Герата. В тот промежуток времени Ибрахим-хан отдал своему сыну Йусуфу под жилье мое подворье в Барнабадской крепости и в силу порочной [своей] независимости овладел вилайетом Гурийан.

* Ежесекундно судьба посылает мне новую беду,
Постоянно саднит в моем глазу колючка.
За одолженный товар
Ежеминутно какой-нибудь новый кредитор хочет получить с меня долг*. **[157]**

Из моего дома, который я лично заново отстроил и восстановил, Халил сын Рафи унес сумму в триста

туманов наличными серебром и ашрафи. Он оставил для себя столько, сколько захотел, а остальное отдал Ибрахим-хану. Впоследствии, когда Ибрахим-хан узнал о количестве тех [денег], он так и не смог взыскать с него то, что [Халил сын Рафи] присвоил из этой суммы, сколько ни пытал его, сколько ни бил палками.

Жадно и настойчиво ища богатства, Йусуф и Джамал, /л. 85a/ сын и племянник предателя Ибрахима, с десятью землекопами каждую ночь приходили в подворье сего бедняка и разрушали дома и водоемы. Дело дошло до того, что они перекопали колодцы мир-заде, живших в том подворье, подобно тому как они раскопали гробницы своих отцов. То, что нашли, — присвоили, что увидели, — унесли. И так было неоднократно. В конце концов они обнаружили и набрали у тамошних моих родственников и племянника круглую сумму. С того времени и до сих пор у них остаются меч стоимостью тридцать пять туманов и двести маннов меди, которые они унесли у пишущего эти строки. А

тот меч в самом деле и нынче висит на поясе

Джамала. **Руба'и:**

[Если] вельможа не соблюдает верности никому в целом мире,

Эта власть не продержится и десяти дней.

Не построить вновь заложенное здание, чтобы

Тут же не посетила мысль о разрушении постройки.

Часть добра, которую я доверил своим надежным
людям, с того времени и посейчас находится у них.

Начав ссориться и враждовать, некоторые лица
отдали вещи тому постылому через посредников
друг друга. Большинство имущества они сами
проели под предлогом [передачи] Ибрахиму,
Джамалу и прочим.

В этом мире я повидал от людей достаточно бесчеловечности,

Зато мне не доводилось увидеть у людей человеческого взгляда.

Ибрахим-хан спилил в моих парках пятьсот сосен,
сделал из них бревна и увез их. Он свозил в Гурийан
обоженный кирпич, разбирая пруды и мосты в садах
моего подворья. Жители Барнабада и старые наши
люди рубили себе на дрова для печей и уносили
виноградные лозы из моих садов. А дома моего
подворья разбирали и рубили на поленья. **Фард:**

Современники алчны, будь бдителен:

У бьющейся в крови птицы [и то] выщипывают перья.

Тот бесстыжий пес, торговец пленниками, продал
узбекам купленного мною гуляма по имени Дилавар.
Молодую *джарийе* моего двоюродного брата,
рожденную в нашем доме, он продал за шестнадцать
туманов Бунийад-беку хазаре, и мы вторично
выкупили ее у него за ту же сумму. Из-за
бесчисленных насилий того окаянного, из-за того,
что в этом краю не было настоящего хозяина, дело
дошло до того, что по его приказанию барнабадские
подлецы таскали пленных и вещи из гератской
округи и **[158]** продавали узбекам. Он (Ибрахим-хан)
захватил крепость Агу при посредстве населения
этой самой крепости и продал узбекам оптом, от
мала до велика, за один раз сто человек ее жителей
— мужчин и женщин. *От автора:

Я не говорю, что [от бед] пламенеет только моя душа,

Бедствие ста семьей разжигает сто костров [горя]*.

Каждый страстно желал что-нибудь украсть, /л. 85б/
кого-нибудь продать. Сообразно [этому желанию]

семья за семьей потянулись в Гурийан и Барнабад к главе смуты Ибрахим-хану. **Масневи:**

Так бывает и на земле и на небесах — по крупице
Собираются однородные элементы; подобно янтарю и соломе,
Нурийцы притягивают нурийцев,
Нарийцы привлекают к себе нарийцев [291](#).

Таким образом подле того разбойника с большой дороги собралась шайка подходящих к этой категории [личностей].

*Почему это те, кто светел разумом, сидят в цветущем саду,
Но как только повредятся в уме — удаляются в пустыню? *

Дороги оказались перекрытыми из-за многочисленных случаев продажи в рабство, грабежей и разбоя того проклятого [Ибрахим-хана], и ни один мусульманин тех мест не осмеливался тронуться в путь. Этот негодяй за один год продал примерно пять тысяч человек из населения районов Каина и Герата, путешественников в Ирак, евреев, индийцев и других жителей этого края, не считая тех людей, которых Ибрахим-хан продавал в течение двадцати лет. **От автора:**

Из-за великого безразличия современников

Этот проклятый пес причинил зла сколько хотел.

Если бы у этого царства был хозяин и его населяли бы люди,

На свете не осталось бы от этой собаки ни имени, ни следа.

В ходе этих обстоятельств его светлость моя надежда
беглер-бек оставил от моего имени [в Барнабаде]
человека для осмотра владений сего обескрыленного,
приказав собрать и доставить в качестве налога
незначительную часть моих продуктов. Большую
часть продуктов уносили и проедали дворцовый
управляющий и прочие.

Так продолжалось два года. После того как тот
жестокий тиран достиг власти, он завладел моими
поместьями —

*Он силой выхватил из моих рук бокал вина,

Я сгорел так, как горит дом ночного сторожа *, —

и подарил мои участки подлейшим низким тварям,
которые перед тем были близки ко мне, а в тот
момент перешли к нему, разрушили мое подворье и
стали уполномоченными по части моего имущества.

[159]

О Аршад, люди, которые обхаживают то одного, то другого,
Знай, они постоянно ищут хлеб и воду,
С людьми не поддерживают знакомства без выгоды,
Подобно собаке, которая вертится [под ногами] ради кости.

В тот подходящий момент из-за великой своей
скорби я вместе с придворным евнухом Йусуф Али-
ханом сподобился поехать на поклонение и
приложиться к гробнице имама Ризы, да будет ему
тысяча приветствий. По возвращении из тех мест в
Герат я большую часть времени посвятил встречам с
Йусуф Али-ханом карай и Тимур-Кули-ханом
баракзаем и изложению своих обстоятельств, надеясь
отыскать средство [выпутаться] из этого дела.

Так продолжалось до той поры, пока мне выпал
удобный случай по смыслу [арабского] изречения...

/л. 86а/ что в переводе автора означает:

Того, что суждено, ты никогда своими силами не добьешься,
То, что суждено, вскоре придет само.
То, что суждено, в свое время осуществится,
Бесполезны старания и усилия рьяного, но несведущего.
Силач будет стараться, но [ничего] не добьется,
Совсем слабый и немощный достигнет цели, если то суждено.

При посредстве различных хлопот, описание коих
явилось бы причиной удлинения повествования,
Тимур-Кули-хан из свиты обладающего
похвальными качествами царевича Малик Касима
был назначен забрать Барнабад у того
неблагодарного пса — отступника [Ибрахим-хана].
Пишущий эти строки также собрался поехать вместе
с ними. **Фард:**

Птице, которая, подобно мне, оказалась вдали от своей родины,
Не грешно вспомнить о своей родимой лужайке.

Сын Ибрахима Йусуф, который жил в Барнабаде в
моем подворье, по смыслу изречения всевышнего
“...и окружил его грех” [292](#) оказался в осаде. Мать
Йусуфа, жена Ибрахим-хана, которая в тот период
приехала в Барнабад и целыми днями вместе с
музыкантами и танцовщиками предавалась
удовольствиям в моих садах, попала в осаду вместе
со своим сыном. **Фард:**

Судьба дарит из этой чаши то мед, то яд.

Горе тому виночерпию и тому кубку, который надо пригубить.

Хотя овладение барнабадской крепостью не требовало таких больших усилий, а осажденные в ней не проявляли особой смелости, —

Когда лучи солнца появятся из-за горы,
Становится заметно, сколько света излучает один луч, —

но из-за поддержки тогдашними интриганами осада затянулась на сорок дней. Вопреки обычаю почитания старших в роде Джалила Дуррани ²⁹³, который [гласил], что, если один из семейства [160] садозаев, которое считается у них старшим, перебьет всех, никто из того рода не осмелится даже взглянуть на [убийцу], тот собачий сын по проискам интриганов обратил пушки против царевича, совершив поступок столь наглый и дерзкий, что и описать невозможно. **От автора:**

Он допустил множество мерзостей и подлостей
Из-за дерзости своей в отношении вельмож.
Повернул пушки против царевича
И тем самым пробил брешь в государстве.

Так продолжалось до тех пор, пока в результате многих усилий и стараний, после того как в дело были пущены четыреста пушек и снарядов,

названная крепость была захвачена, а имущество и райаты ее пущены на ветер небытия. **Фард:**

Все правоверные знают, чьей добычей они станут,
Где уж мошке равняться со слоном.

В том самом подворье барнабадской крепости, где тот проклятый Ибрахим-хан держал присвоенное [им] мое имущество, /л. 86б/ было разграблено вещей на сумму три тысячи туманов, которые в конце концов скопились у него в результате торговли пленниками, грабежей и разбоя (полустишие): “За один миг купи то, что будешь продавать целый год”. “И тот, кто сделал зла на вес пылинки, увидит его” [294](#). **Фард:**

Если ты пролил воду на известь, то знаешь,
Что постигнет друга от нашего безразличия.

С их женщин срывали одежду и уносили ее, а самих женщин привели в Герат. Отныне и навсегда им остался [в удел] лишь позор. **Фард:**

Кто в целом мире, натянув тетиву на лук тирании,
Не стал мишенью вечного проклятия?

После овладения барнабадской крепостью тридцать пять человек преступников — торговцев пленниками и четыре узбека, у которых Ибрахим взял деньги в счет стоимости пленных, были захвачены, подвергнуты оскорблениям, пыткам и убиты. Пленные и слуги получили сполна: “Поистине, Аллах медлит, но не пренебрегает [возмездием]”. Вместе с сыном, женами и невестками Ибрахим-хана в Герат были посланы головы [убитых]. **Фард:**

Всякого, кто виновен в преступлении,
Настигнет кара и возмездие.

В ходе этих обстоятельств сей обескрыленный,
[пребывая] на службе у счастливейшего царевича,
напевал языком фактов такие слова. **Стихи:**

Вот голова твоих врагов. Боже упаси,
Чтобы у врагов оказалась твоя голова,
Даже если путь под копытами твоего коня будет усыпан розами,
Нет дара бесценнее, чем этот, **[161]**

*Я замолчал, [стоя] над головой твоего врага,
Ибо нет лучшего места, чтобы задержаться *.

Однако из-за разногласий в среде ханов они не стали брать крепость Гурийана и не искоренили Ибрахим-

хана. Они договорились с ним и оставили его в покое.

А Тимур-Кули-хан, несмотря на изъявление им большого расположения к сему чертополоху, признался, что взял у него (Ибрахима) триста туманов наличными за то, чтобы выдать ему меня. Я отдалился от него и языком фактов произнес такие речи. **Руба'и:**

О тот, чье сердце покончило с верностью,
Ты сговорился с моими бесчестными врагами,
Если ты со всеми так же будешь играть в любовь,
Ты никогда не встретишь ни одного искреннего друга.

В то время величие знатности Ахмад-хан, сын покойного эмира Ниджабат-хана, в силу своего благородства [295](#) проявил к сему затворнику в келье тягот милость и благорасположение. А Тимур-Кули-хан сделался наставником сына Ибрахим-хана, не приняв во внимание такое изречение (**фард**):

Ослов нужно бить палкой по голове,
Если они неверной ногой сходят с дороги, —

и не привел в исполнение никакие требования о
взыскании с него (Ибрахим-хана), несмотря на все
его грехи и случаи измены. **Стихи:**

Если шах виновного не наказывает,
/л. 87а/ Тот осмеливается на еще более тяжкие преступления.
Кто поднимает головы врагов до луны,
Тот бросается сам в бездну.

Несмотря на то что [Ибрахим-хан] был
первопричиной убийства многих сановных дуррани и
прочих ханов, случаев продажи пленников, ущерба и
мучений, причиненных многим современникам,
[Тимур-Кули-хан] не обнаружил ни рвения, ни чести,
дабы взыскать за проступки с того вероломного
злодея. **Фард:**

О тиран, погляди на усердие этих людей,
Которые позабыли о твоих притеснениях.

В то время его сиятельство Фатхи-хан баракзай [296](#)
прибыл в Герат.

Я сочинил эту касыду и представил ее ему. **Масневи:**

Пришло время веселья и весенние дни.
О кравчий, принеси розовое вино.

Миновала беспросветная ночь невзгод,
Наступил сияющий светлый день.
Знамя любви, прославляющее небеса,
Обратило в бегство разрушительные войска.
Простор города Герата стал цветником, **[162]**
Взоры ожидающих просветлели.
Появилась свита хана, саном достойного небосвода,
В тела умерших вернулись сердца жизни.
Тот, кто в этом мире владеет силой и великолепием, нынче
Загорается красотой и изяществом от его блеска.
Тот, кто прочно стоит на ногах, от него набирается гордости,
Обретая друзей благонаравием.
Высокопоставленный щедрый хан,
Лев — сердцем, могуществом — тигр, Фатхи-хан
Распростер [свое] покровительство над садами Герата,
Ароматами наполнил просторы гератских парков.
Вопреки твоей судьбе, о Риза,
Мрачный Герат стал лучезарным.
Из Мисра дошел запах рубашки [Йусуфа] [297](#),
В наших очах загорелся свет.
Я расскажу ему о себе,
Поплачу о тиранстве судьбы.
О мир великодушия, о хан эпохи,
О высокая звезда в небе,
О благородный небесный свод, о сияющее полнолуние,
О луноликий, о солнцеразумный,
О всемилостивый миропокоритель и мироустроитель!
Взываю к справедливости из-за мучений [от] пса Ибрахима,
Многочисленных притеснений этого Шаддада [298](#).

На помощь, вождь предводителей правосудия!
Зачинщик всей этой смуты, причина ущерба,
Источник всей разрухи и зла —
[Вот] кем он стал, клянусь богом, о хан нашего времени,
Все эти беспорядки начались из-за него.
Перед мусульманами и христианами и иудеями
Он виноват кругом [299](#).
Он продал нескольких индийцев и евреев,
Грязный пес, он поджег весь мир,
Убил множество афганцев,
Нарушил все правила нашего времени.
Высочка, он обидел знатных.
Этот негодяй позволил себе много дерзости,
Он обратил пушки против царевича —
Вот откуда брешь в основании нашего государства.
В месяце мухарраме из-за притеснений этого Шаддада
Барнабад стал подобен Кербеле.
То, что вытворял этот грязный мерзкий пес,
Ни Харис, ни Шимр, ни Йазид не делали [300](#).
/л. 87б/ В конце концов, о вождь ханов нашей эпохи,
О опора небосвода, обладатель могущества и славы,
Что случилось с вашей человечностью и честью,
Раз этот бродяга и подонок,
Ставший источником всех этих притеснений,
До сих пор не наказан?
Убито много ваших юношей,
Но нет и признака кровной мести.
Имущество и жизнь ваша — все отдано на грабеж.
Кто вникнет в дела мои, горемычного?

Я надеялся и [нынче] уповаю только на вас,
Что вы осмыслите глубину моих страданий.
Я исследовал ваше чувство чести —
Вот почему я стал вашим преданным и искренним другом.
Как мне поведать, какую беду принес мне этот проклятуший,
Сколько зла и урона причинил он мне! **[163]**
Он десять раз грабил мое добро.
От этих мук непрочным стало мое положение.
Мула, верблюда, золото, ковры, лошадей —
Все увез [этот] мерзкий нес,
Он мне не оставил ни одного из моих коней,
Нынче я горю огнем бедности.
От мучений и притеснений его вот уже десять лет,
Как мои дела оказались в таком состоянии.
Несколько человек моих людей бродят
Вокруг развалин всех моих жилищ.
Грабежом и насилием он также унес
Имущество моих братьев и племянника.
Я прошу у хана нашего времени,
Чтобы у того подлого ничтожества
Отобрали бы и вернули мне мое имущество:
И то, что он проел, и то, что забрали у каждого.
О господи, я истерзан душой.
Сердце горит пламенем мучений.
Клянусь пленниками города Каина,
Причиной тому стал этот изменник.
Клянусь людьми, ныне находящимися в Туркестане,
В оковах, бесприютными бродягами,
Клянусь убитыми в Барнабаде,
Которые пали жертвой тирании с сотнями несбывшихся надежд,

Клянусь подобными мне угнетенными,
У которых имущество также предано грабежу.
Они — бедные, озабоченные, без кровли над головой,
Днем и ночью в смятении и растерянности.
И дом, и крепость, и поместье, и имущество
Разрушены и потеряны для них.
Ежеминутно они стенают и охают, и криком кричат
От мучений, причиненных тем самым бесстыжим [Ибрахимом].
Отряд, который [привел] тот самый проклятый,
Разграбил все их добро.
Заклинаю господом богом, о верующий,
Сверши над этими псами суд и покарай,
Прогони их ото всех людей,
Пусть, опозоренные, они скитаются по земле.
Предводитель ханов [нашего] времени Фатхи-хан,
Который является украшением красоты нашего века,
Да возвысится и упрочится он,
Пусть наслаждается вечной жизнью.
Господи, да исполнятся его желания в обоих мирах,
Пусть сбудется все, чего он хочет, о чем мечтает,
Пусть он будет полководцем, предводителем,
Пусть головы его врагов попадут на виселицу.
Дай ему силы свершить надо мной суд по справедливости,
Пусть он освободит меня от тягот и забот.

В тот период его сиятельство Фатхи-хан в свите
царевича Малик Касима был назначен овладеть
крепостью Гурийана, чтобы наказать того поганого
безбожника. Они привезли с собой сына [Ибрахим-

хана] Йусуфа и осадили Гурийан. Я отправился с войсками царевича. /л. 88а/ **Фард:**

Моя твердость мне пришлась по душе тем, что ни на миг Меня не покидало чувство мести. [164]

Вначале из-за тайной вражды Фатхи-хана к его высочеству Фируз ад-дину он примкнул к проклятому Ибрахиму, не пытаясь наказать его.

Фард:

Из-за того, что фазан и горлица враждовали друг с другом, Дошло до того, что соловей стал другом ворона.

После того как [Фатхи-хан] успокоился насчет царевича, он двинулся правильным путем и приступил к захвату крепости. Узнав об этом, Ибрахим-хан устроил своему сыну Йусуфу побег к царевичу Фируз ад-дину, имея план сказать ему, дескать, Фатхи-хан позволил бежать. Он хотел перессорить их, с тем чтобы царевича [Малик Касима] отозвали из-под Гурийана. Сколько ни заверял Фатхи-хан, что возьмет гурийанскую крепость, стыдясь своей оплошности в связи с бегством того злодея, ему не поверили. **Фард:**

Не помогай тирану по простоте душевной,
Ибо [и] сабля почернеет вблизи точильного камня.

Во время возвращения войска из-под Гурийана тот проклятый бандит [Ибрахим-хан] заманил на кровли домов большие толпы мужчин, женщин, малых и старых, которые кричали, орали, трубили издевательства и оскорбления, умаляющие достоинство царевича. Сколько ни пытался, сколько ни просил тогда Фатхи-хан, чтобы войско задержалось там хоть на один день, чтобы семьи баракзаев отвели оттуда своих сородичей, это оказалось невозможным. **Фард:**

Глаз бутона настолько боялся грабителей,
Что принял крыло соловья за руку срезающего розы.

Родственники царевича [Малик Касима] бежали, оставив там свои пожитки и имущество, и в тот же самый день тот поганый Ибрахим-хан захватил их скарб и жилища, а царевича преследовал набегамии до окрестностей Фушенджа ³⁰¹. Он также угнал скот из Барнабада и Зинджана.

* Разве найдешь во дворце исполнение желаний:
[Ведь] для вора михраб — [лишь] ниша в стене*.

Пусть не останется тайной, что эти события произошли не вследствие храбрости и выдающихся качеств того главаря смуты и мятежа, но из-за бесхозности тех городов и раскола в стане его противников, где каждый проявлял своеволие. Если бы в среде тех, кто действовал у подножия трона, не было разногласий, тогда бы те самые жители крепости убили бы или схватили того поганого злобного бандита Ибрахим-хана, так же как они послали к праотцам его старшего брата. Источник таких грехов и проступков, зачинщик всех этих дел не может стать достойным уважения. **Мисра'**:

Кто такая лиса, чтобы драться с волком? [165]

В тот период, когда его высочество овладел Барнабадом, /л. 88б/ войско, не вникая в суть дела, растащило все то имущество смиренных невинных тамошних жителей, которое еще оставалось после грабежей Ибрахим-хана. Всех тех райатов, которых тот злодей не успел продать, взяли в плен. Большинство домов здешних жителей разрушили в поисках спрятанного имущества. Там не осталось ни

единого человека. Комендантом барнабадской крепости стал хаджи Ахмад-хан. Он разрушил крытые досками дома, которые были в крепости, и в течение двух месяцев спиливал сосны в тамошних парках, делал бревна и отправлял в Герат. Несколько эмирзаде отвели свои семьи в Зинджан и Шакибан [302](#), рассчитывая на благосостояние того края. Порой они сами узнавали о своем имуществе и подворьях, приходили в отчаяние из-за разрушения Барнабада и того, что их скотину и ослов увел Ибрахим-хан. Они возвращались с семьями в город. В течение года тамошние сады не получали влаги. Окрестное население рубило на дрова виноградники, плодовые и тутовые деревья. **Фард:**

На той лужайке, которую ты видел, не осталось ни цветка.

Наступила осень, из глаз сокрылась цветущая весна.

[Дошло] до того, что были разрушены подворья пишущего эти строки, моего родного и двоюродного братьев — всего двести домов. Там издавна были конюшни, да и я там строил. В конюшнях стояло до восьмидесяти коней. В тот раз я купил в Барнабаде десять ягнят. Сколько ни искали мои люди среди

моих подворий неповрежденное здание, чтобы там на ночь оставить ягнят, дабы их не съели волки, [так] и не нашли. **Фард:**

Если царь — тот, кто [правит] нынче,
То я могу дать тебе сотни тысяч подобных разоренных сел.

Хаджи Ахмад-хан всегда изъявлял ко мне расположение. В тот раз, намереваясь возвратиться в Барнабад, я отвез туда некоторое количество пшеницы, риса, сосуды, ковры в качестве своего налога *ихраджат* ³⁰³ и поручил все это надзору хаджи Ахмад-хана, а сам уехал в Герат. Хаджи Ахмад отдал некоторые товары своему мирзе, другие присвоил и впоследствии не отдал. В ходе этих событий сей обескрыленный, уповая и заботясь о благоустройстве той местности, обратился с письмом к доверенным лицам в правительстве несравненного царевича, дабы в Барнабад направили Бакир-хана курда, который в тот период был свободен от службы, слыл человеком разумным, а мне давал определенные обещания, /л. 89а/ направили с тем, чтобы он собрал тамошних жителей. Люди, которые

знали его, удерживали меня от подачи такого прошения, говоря (**от автора**):

Будь начеку, Риза, с соперником и болтуном, не верь его рассказам, Ибо он ведет себя благонаравно из-за своей бездеятельности. **[166]**

Я стер со своей души правду о том, что претерпел от него ущерб и мучения, и поверил его обещаниям (**мисра'**):

Кто испытывает испытанное, того ждет раскаяние,

а предостережениям заслуживающих доверия советчиков я не внял. **Фард:**

Когда судьба человека становится мрачной, Он делает все, чего не следует делать.

Дошло до того, что его сделали комендантом барнабадской крепости и контролером по сбору джизьи [304](#).

В этот период Ибрахим-хан, боясь возмездия за свое вероломство и гнусные поступки, стал искать покровительства кадjarских правителей. Он направил своего племянника Джамала к его светлости Мухаммаду Вали-мирзе, изъявляя

повиновение, дескать, я — гебр, армянин, еврей, но не афганец. Однако он опозорил и армянина и еврея, ибо ни в одном из этих племен не бывало такого проклятущего. **Руба'и:**

Если снять покрывало с его неверия,
С его явных грабежей и тайного разврата,
Христианин, еврей, безбожник, гебр, индиец —
Все смеются над его мусульманством.

По его желанию его светлость Мухаммад Хусайн-хан, кадjarский военачальник, и местные хорасанские ханы вступили в вилайет Гурийан. Они освободили нескольких индийцев и мусульман, которых тот неверный держал в заточении в гурийанской крепости, собираясь их продать. Освободили его жену, которая, после того как ее привезли из барнабадской крепости, вторично находилась в заточении в Герате. Они овладели крепостью Гурийана, отогнали тех нечестивцев и осели в селении Харгирд-и Хаф. **Фард:**

* Кабак в конце концов лишит зрения даже *мухтасиба* [305](#),
Несмотря на то что там и слепой прозревает *.

В тот период сей немощный для закрепления в
памяти даты их изгнания поведал о том вереницей
этих стихов. **От автора:**

Ибрахим — вор, торгующий людьми,
Пес, не имеющий ни доброго имени, ни чести, ни веры.
Он — тот, у кого более, чем у дьявола, проявляется
Злоба на весь род человеческий.
Он — тот, кто разорил семьи,
Кто опустошил поместья,
Кто напал на караваны и присваивал
Имущество паломников и купцов;
Он — тот, кто десять тысяч пленников
Послал из Хорасана в Туркестан.
/л. 89б/ Он — тот, кто Каин, Исфизар, Герат,
Систан, Кусувийе и Гурийан [306](#)
Полностью разорил.
Из-за его притеснений люди остались без крова. **[167]**
Он — скряга, которым превратил в товар
Свою мать, сестру и родственников.
Если бы Шаддад, Шимр и Навуходоносор,
Харис, Ибн Мулджим, Мерван [307](#)
Жили в наш век.
Они поразились бы его жестокости.
Нынче он исчез благодаря стараниям того, кто
Является душой народа.
Кто в деловитости и мудрости
Не имеет себе равного в наши дни,

Сострадательный и доброжелательный к божьим тварям.

Преданный его величеству Шах Джахану,

Предводитель и богатырь, каков он нынче,

Глава всех военачальников, всех полководцев,

Дату изгнания того негодяя

Я искал в уме, и разум, помолясь богу,

Ответил: “Ибрахим, бесчестный и бесстыжий”,

Был изгнан и исчез из “Гурийана” [308](#).

Несмотря на то что свойства того подлеца, торговца пленниками и осла, были вполне очевидны и широко известны всем, подобно тому как известно богохульство дьявола, [однако], когда [Ибрахим] прибег к покровительству этих правителей, ему были оказаны милости при отсутствии у него способностей и дарований. **Фард:**

Судьба улыбается беспечным людям всего мира,

Подобно тому как Нил давал дорогу фараонам.

Однако, поскольку в том государстве для него оказалось невозможным воровать и заниматься торговлей пленниками, что было в характере того осла, что представляло собой закваску и врожденный навык всего его существа, он стал сожалеть о своем уходе [к каджарам] и вознамерился бежать оттуда и

возвратиться сюда. Несмотря на все вероломство, черную неблагодарность и издевательства, которые он причинил современникам от высочайших до нижайших, от малолетних до великовозрастных настолько, что стал первопричиной всех этих убийств вельмож рода дур-рани, торговли пленниками и несправедного пролития крови, как только он понял, что жители этого края и деятели этого двора не имеют ни рвения, ни самолюбия, дабы привлечь его к ответственности и взыскать за его поведение, он, под предлогом охоты, послал Джамала и своего сына Йусуфа из Харгирда в Фарах — к царевичу Камрану. Нисколько не заботясь по поводу своих вероломных проделок и других проступков, [Ибрахим] просил Камрана, чтобы он отправил верхового, а их отвели бы в сторону Кандагара. **Фард:**

*До каких пор ты, словно ветер, будешь носиться без толку?

О ты, кто меньше пылинки, обратись к чьей-либо помощи*.

Поскольку при повторном бегстве и возвращении из этой страны в другую тот подлец [Ибрахим-хан] был весьма недоволен ворами, своими злобными

приятелями, которые в тот момент не **[168]** могли заниматься торговлей пленниками и грабежами, что было их обычаем, и оставались в бездействии, [оторванные] от своего ремесла, [сподвижники Ибрахима] договорились между собой о том, что, послав обоих зловредных братьев в ад, предпочтут порвать с ними. К ним присоединился племянник [Ибрахима], одного из братьев которого убил Исма'ил-хан, его дядя.

/л. 90a/ По совету тимуровых ханов тамошний правитель Аллахдад застрелил из ружья своего дядю Исма'ил-хана и послал его в преисподнюю. **Мисра'**:

Хвала тому, кто оживил вселенную, убив тебя.

* Из-за его зловещих и мрачных дел Он заточил его в темницу ада*.

А Ибрахим-хан с черным от ужаса лицом бежал от них в Обитель радости Фарах. ***От автора:**

Мудрец был поражен тем, что осел, Ибрахим,

При всех своих мятежах и вреде до сих пор жив.

Я сказал ему, что осьть одно обстоятельство, из-за которого он остается на этом свете.

Послушай, я скажу тебе, в чем суть:

“В пустыню гибели не ведут того пса,
Потому что и в загробном мире не видят в том ни капли пользы”*.

В числе результатов размышлений сего немощного
была сия строка. Она уведомляет о дате переселения
в ад брата того осла:

Из Харгирда осел изволил отправиться в ад.
Случилось это в том году, когда его убили, и с лица земли исчезли два
осла [309](#).

Да не останется тайной, что с того самого года, как
эти злодеи явились в наши края, и до сего времени,
что составляет шестьдесят лет, ни один из того
племени не умер естественной, предначертанной
судьбой смертью. Никто из них также не погиб на
поле брани, как подобает мужчине, но всех их
приканчивали самым непристойным образом.
Например, первым сошел с ума старший брат того
осла, [Ибрахим-хана], Ашраф. В припадке безумия
он проливал кровь невинных людей, а сам свалился в
воду и скончался. Отца их, Йунус-хана, убили в
поле... [310](#) воры. Исмаил-хан в драке из-за воды
ударом палки и лопаты убил своего племянника,
сына Ашрафа Рахимдада. Аллахдад, брат Рахимдада,

выстрелом из ружья в крепости Харгирд отправил в ад Исма'ил-хана на глазах его сына Ахмада.

Ибрахим-хан и Джамал убили в Фарахе Хаккдада, брата Аллахдада, а его труп сбросили в реку Фарах.

Фард:

Радуйтесь, о угнетенные, ибо тиран подобен последнему платану:
Как только он войдет в силу, его изнутри пожирает огонь.

Кыт'а:

Иисус увидел убитого, лежащего на дороге.

Он прикусил кончик пальца зубами удивления, [169]

Сказал: “Кого ты убил, что сам убит тем не менее,

И где будет убит тот, кто убил тебя?”

Не натруживай палец, стуча в чьи-либо двери,

Дабы кто-нибудь не разбил кулак, колотя в твою дверь.

“Назидайтесь, обладающие зрением” [311](#). **Фард:**

Не причиняй зла, ибо в день возмездия с засеянного поля

Ты пожнешь серпом то самое зло, которое возвращал *.

Если бы сановники и правители этой страны либо славные царевичи и кадjarский военачальник, каждый из которых претерпел неудобства либо мучения из-за выходок этих вероломных бандитов и каждому из которых были очевидны предательство и

неблагодарность этих злобных обидчиков, если бы они проявили усердие, если бы у них было достоинство, то племя дуррани, притязующее на традиции заступничества, покровительства и чести, навсегда бы запомнило убитых в Барнабаде и слова того неучтливового пса — [Ибрахим-хана]: “Я — гебр, армянин, но не афганец”. Нужно было бы не оставлять в живых даже грудных детей, /л. 90б/ ведущих происхождение от тех коварных злодеев. Однако ныне они процветают и пользуются в Герате полным доверием. Для того чтобы показать свою силу, Джамал прицепил к своему поясу самый лучший меч сего бедняка. А Ибрахим-хан в селении Барнабад ³¹² захватил один заудж моих пахотных земель и совершенно независимо занимается продажей пленников и налогообложением жителей той местности. Где они, проницательные арабы, которые в течение тысячи двухсот двадцати лет доныне порицают потомков Абу Мусы Аш'ари ³¹³ перед своими гордецами, дабы они убедились, какой независимостью пользуется Джамал и в прошлом году, и в этом при всей присущей его племени

подлости и изменах, на какой почет и положение он зарится, несмотря на всю свою неблагодарность. Где они, воздающие за убийство и кровопролитие герои-персы, чьи сердца в течение четырех-пяти тысяч лет переполнялись ненавистью, горем и жаждой мщения за кровь Сийавуша [314](#), дабы они воочию увидели, что в конечном счете дал божьим тварям Ибрахим-развратник, который перед тем в течение шести месяцев в довершение ко всем прежним своим подлым поступкам и позорным делам уничтожил все войско и отдал всю страну на ветер небытия, и что надеется получить у чинов этого двора, и с каким почетом обходятся с этим злодеем люди, не имеющие ни стыда ни совести. **Фард:**

Рассказывают, что подобное рвение проявляют лишь мертвецы,
Но сим здравствующим недостает усердия тех мертвецов.

А я, пламя пожара тирании того предателя, несмотря на давность служения при этом дворе, несмотря на мою преданность и знакомство со многими вельможами этого края, не имею надежды на справедливость и великодушие современников.

Фард:

Переменчивая судьба забросила меня

В страну, где в одно целое соединены трое — собака, волк и пастух.

[170]

Вся моя надежда только на то, что всесвятий Аллах,
который является подлинным мстителем, в
противовес великим мира сего ревностен и всемогущ
и воздаст за дела тем собакам, бесстыдным,
бессовестным вероломным притеснителям, поможет
правому восстановить истину. **От автора:**

О владыка, от унижения мой день стал ночью,

К кому еще мне обратиться с мольбой?!

Благодаря своему изначальному могуществу

Дай мне передохнуть от людской неблагодарности.

После того как увезли Ибрахим-хана, хакимом и
комендантом крепости и местности Гурийан сделали
Йусуф Али-хана карай. [Этому] я очень обрадовался
ввиду знакомства с Али-ханом, его отцом, который,
проявляя расположение, неоднократно приезжал ко
мне в дом — и в Герат и в Барнабад, /л. 91а/ да и сам
Йусуф Али-хан при въезде в Герат также выказал
мне дружеское внимание и дал обязательства
содействовать. Переждав некоторое время, я стал

расспрашивать о своих обстоятельствах и осведомляться о нем. Поскольку он от обещаний так и не перешел к делу, я сочинил эту касыду и переслал [ему].

Касыда:

О виночерпий, пришла весна и минули осенние дни,
Настала пора веселья, подай же чашу красного вина.
Расцвели, заулыбались уста-бутоны опечаленных жалобщиков,
Сад сердец разукрасился всеми цветами радуги, подобно райскому цветнику.
Как прекрасно! О восходящая звезда благополучия, о коловращение небес,
Я не думал, не надеялся на такую большую милость от вас.
Слава твоей прозорливости, о судьба!
Ура твоему милосердию, о небо!
Усилиями друзей делам врагов поставлена преграда.
Благодарение Аллаху, что наконец свершилось то, чего желало сердце.
Йусуф Ханаанский, почитаемый в Египте, достиг славы и ушел,
И Йусуф стал юным подобно Зулайхе в год египетского голода [315](#).
Ядро моей души овеяно ароматом благоухания
Пришедшего из Египта каравана, о ханаанцы,
Если этот аромат исходит не от рубашки Йусуфа, то почему же
Мой взор благодаря ему просветлел, подобно очам Йакуба [316](#).
Теперь я говорю открыто: Пришел Йусуф Али-хан.
Сейчас в Гурийане будто бы повеяло свежим ветерком.
Добро пожаловать, о роза из букета с лужайки [моего] сердца.

Слава вам, о благодарные гурийцы, туба идет к вам.

Если я до дня воскресения из мертвых буду твердить: “Добро пожаловать, хан”,

Я и на одну десятую не смогу сказать, как мне это приятно.

О милосердный, источающий доброту, искренность и сострадание,
О тот, кто приносит наибольшую пользу, кто оказывает множество милостей и одолжений.

Прошло уже какое-то время, как ты изволил оказать великую честь
прибыть

В Гурийан, но к сей оцепеневшей душе, ко мне,

Никто ни разу не явился от тебя, [171]

Ни строчки не изволил ты написать, не сказал:

О такой-то, Будь спокоен, ибо мы прибыли в Гурийан.

Мол, приезжай к нам или делай так или иначе.

Несмотря на все мои надежды на тебя,

Что же это за невнимание, о опора верных друзей?

К тебе в Гурийан я принес всю глубину моей преданности,

Отныне будь со мною, о сияющая добротой луна.

Если бесстыдный пес пустил на ветер мое имущество,

Прах всего мира да падет на его голову, пусть огонь спалит его душу.

Отомсти за меня в силу твоего сострадания,

Добро и зло необходимы в отношении добрых и злых.

Недостаток каждой природы — это отказ от необходимых свойств
природы,

Холод и теплота — это свойства воды и огня.

Ибрахим должен быть вором и разбойником,

А ты должен приносить пользу сыновьям [нашей] эпохи.

Если собака не ухватит [за ногу] человека, значит, в ее собачьей
природе есть изъян,

Если роза не благоухает, воистину у нее недостаток.

О Риза, более этого причинять беспокойство нельзя,

/л. 91б/ Проявляй усердие в молениях и молчи, закрыв рот.

Пока стоит мир, дай тебе бог радоваться в оном,

Еще больше будь ласковым с обиженными.

В течение трех лет Йусуф Али-хан был независимым правителем в Гурийане, [однако], кроме затруднений его языку, от обещаний, которые он давал сему заблудившемуся в пустыне нищеты, никаких результатов не оказалось. **Фард:**

Мне светит оплывающая свеча,

Дружелюбие этих людей проявляется лишь в болтовне.

Так, в башнях гурийанской крепости было пятьдесят двустворчатых дверей из домов и других подворий пишущего эти строки, находящихся в Герате и Барнабаде, которые Ибрахим-хан унес, добавив [к ним] двери из своих домов. [Йусуф Али-хан] знал, что ни в одном из моих домов нет ни одной двери, что теперь именно у него находятся все те двери, которые принадлежат к числу моего имущества, но ни я ему ничего не объяснял по этому поводу, ни он не отдал мне ни одной двустворчатой двери. А все бревна, сделанные из сосен моих парков, которые

[Ибрахим-хан] вывез из моих владений, он (Йусуф Али-хан) погрузил на своих верблюдов и отправил в Турбат [317](#). **Фард:**

Я видел притеснения как от друзей, так и от врагов.

Меня осудили и роза, и ее шипы.

В тот период Барнабадом овладел Бакир-хан курд и по наследству от Ибрахим-хана вознамерился захватить мои наследственные земли, записанные за нашим родом в течение трехсот лет. Он засеял для себя наиболее удобные участки моих земель. **Фард:**

Ждать доброты от неблагородного человека —

Все равно что засыпать себе песком глаза. **[172]**

Постоянно предаваясь пьянству в Барнабаде, он наносил ущерб крестьянам и родственникам сего [несчастливого] — мишени стрел бедствия, поступая так в противовес тому, что он обещал и в чем обязался перед пишущим эти строки. Он сделал очевидным для меня смысл изречения: “Не выполняй обещания, [данного] подлецу” [318](#)

*О Риза, то, что я нынче испытал из-за локона, — [ужасно].

Она говорила мне: “И впредь ты увидишь [меня] только со спины”*.

Если я приступлю к подробному описанию мучений и случаев причинения ущерба, изложению его дурных поступков (например, он захотел захватить мельницу и мои земли; а еще — послал человека в Барнабад, и тот грабил мое имущество и зерно, он украл двадцать пять харваров зерна и рескрипт на управление Барнабадом; в другой раз по его подстрекательству и по приказанию царевича меня выгнали из дворцовой прихожей, чем Йусуф-хан меня оскорбил) и прочих подробностей, то это станет причиной удлинения повествования. Как говорят арабы... что в стихотворном переводе автора означает:

Между мной и безумными всегда стоял упрек,
/л. 92а/ Мои собратья благородны, я — из круга благородных.
Я обезумел, созерцая лица негодяев,
Меня оживит [лишь] лицезрение великодушных.

Да не останется тайной, что эти бесчисленные обиды и поборы происходили тогда из-за неразберихи того периода и отсутствия одного хозяина или господина в этих городах.

Нынче ночью, когда мир отчаялся [увидеть] день,
Протяженность ночи — до дня воскресения из мертвых.
Этот [черный] локон похож на такой мой день,
Иначе моя ночь не была бы столь долгой*.

По тем же причинам страна разорилась, жители
рассеялись. Большая часть уважаемых и именитых
людей преклоняется перед подлецами ради хлеба
насущенного. Положение всех похоже на мое — все
перепуталось, нет ни дирхема. И по смыслу айата “И
не думай, что Аллах небрежет тем, что творят
неправедные” и по тому, что выражено в стихе
Корана: “... и узнают угнетатели, каким поворотом
они обернутся” [319](#), есть надежда, что в скором
времени этих злодеев-мятежников также настигнет
кара и возмездие и их пошлют к тиранам минувшего
[времени]. [Здесь] уместно в объяснение этого
положения [привести] два отрывка, подобные двум
драгоценным жемчужинам, которые изволил изречь
Ибн Йамин [320](#). Вот они:

Я сказал небесам потихоньку: “Вы убили мечом тирании
Шахов, устроителей мира, и отважных Бармакидов [321](#).”

Бразды своего мнения и решения вложили в руку какого-то сборища,
Коего собака стократ благороднее по происхождению”.

Небеса ответствовали мне прямо в ухо: “Но тревожься зря об этом,
Ибо время день за днем перечеркнет каждую декаду твоего пути”.

[173]

А вот другой отрывок:

Из-за мрачного настроения я сказал лазоревому шатру неба:

“Почему ты убиваешь мудреца, а дурня награждаешь высоким чином?

Ты накрыл печати грешников от Плеяд,

Обиженных сковал когтем греха”.

Небо повернулось и сказало мне:

“Подойди, я поведаю тебе

Притчу о волке и тайне рубашки Йусуфа”.

Ошибся Анвари [322](#), сказав, что каждые десять дней вырвут из твоих
усов по волоску,

Ибо время ежедневно вырывает по десятку волосков.

Более на этой теме я останавливаться не буду, да
одарит господь бог великодушно нас и подобных нам
грешников.

В те два-три года сей обескрыленный из-за
бесчисленных тиранств не смог заняться
восстановлением разрушенных подворий и засеять
земли тамошних своих поместий. Только через
четыре года, приложив всевозможные старания и

усердие, я наладил десять пар рабочего скота,
[достал] зерно и засеял свои земли.

В тот период, пострадав от своего дяди, Йусуф Али-хан прибег к защите его высочества Фируз ад-дина. Его светлость Исхак-хан, его дядя, вошел с каджарским военачальником и большим войском в эту разоренную страну, намереваясь наказать Йусуф Али-хана и потребовать возвращения крепости Гурийан. В то время по желанию Йусуф Али-хана комендантом крепости Барнабад стал Искандар-хан хазаре. После /л. 926/ первого боя при Гурийане и поражения гератского войска в Барнабад послали Рустам-хана и сына Маудуд-Кули-хана джамшиди со ста семьюдесятью всадниками джамшиди и кабули. Несмотря на то что и в мирное спокойное время не полагается грабить имущество жителей и совершать насилия, и обычно никто ни у кого ничего не требует, в этом случае, в довершение ко всему, барнабадский комендант дал разрешение конникам взять себе от урожая каждого жителя все, что захотят. **Мисра'**:

Был цветок, а его еще украсили зеленью.

Искандар-хан и каждая из ста пятидесяти семей племени хазаре, из конников племен джамшиди и кабули взяли себе урожай с участков и полей барнабадских жителей и окрестностей вплоть до района [расположения] войска. Свой скот — ослов и овец — они пустили на выпас в сады и их опустошили. Часть зерна с полей войско забрало, а хлеба, собранные на току, они пожгли. **Фард:**

Как может человек беспечно спать в этом цветнике,
Если от каждого дуновения ветерка [здесь] трясутся ветви.

Войска угнали скот — быков-производителей, коров, овец, большую часть которых мы одолжили, не выплатив еще их стоимость. **Назм:**

Судьба задала мне такую работу в [самом] уязвимом месте,
Прибыль от которой ни в коей мере не покрывает издержек. [174]
Какой мне выход в дерзости, если день и ночь
Я мечтаю о царском указе из-за отсутствия этого указа.

Из восьмидесяти харваров зерна, на которые рассчитывали мы с братом и племянником, нам не досталось и десяти харваров. **Назм:**

Сердцевина бутона сохранилась и тогда, когда ушла весна и наступила осень.

Какая у нас просьба к утреннему ветерку,

Если ты посеял тысячу семян, а они не взошли.

Выход из положения ищи теперь в день Страшного суда.

Несмотря на близкие отношения, передававшиеся по наследству от отца к деду, Искандар-хан хазаре и Рустам-хан джамшиди так разорили сады сего человека, мишени стрел бедствия, что они оказались опустошенными более прежнего. **Фард:**

Опрокинутая моя звезда весьма склонна к закату.

Если я посажу кипарис, он обернется плакучей ивой.

[Это произошло], несмотря на сочувствие его светлости Мухаммад-хана, беглербека, который ввиду наследственной привязанности и служения ему с давних времен, когда мы ходили в школу, а также проявления доброты к моему покойному отцу изволил стараться ради добродейния пишущему эти строки. Во время первого появления в Барнабаде Искандар-хан, который был его племянником, говорил моему двоюродному брату: “Если Мухаммад-хан ратует за вас, вы, старые друзья

наших дедов, /л. 93a/ так и не разоритесь”. Несмотря на это, от больших мучений и ущерба, причиненного [Искандар-ханом], мой двоюродный брат и родственники мои были до такой степени истерзаны, что их терпение жить в Барнабаде истощилось.

Покинув его, все они приехали в Герат, но и здесь также не было надежды, что кто-нибудь вникнет в наше дело. **Фард:**

Нет ни надежды на небеса, ни прибежища от превратностей судьбы.
Что за несчастливая у меня звезда, о боже, боже!

Отчаявшись и здесь [найти приют], они повернули назад и в пути оказались в плену у туркменского племени, [входящего в состав] каджарского войска.

Фард:

Если случится, что виночерпий станет наливать тебе вино,
Возможно, все дело твое иначе повернется из-за переполненного бокала.

Поскольку я всегда имел желание вникнуть и разузнать о них и, кроме того, на земле моего сердца я посеял семя отмщения за проданных либо убитых

Ибрахим-ханом людей, да еще мой двоюродный брат
и мои родственники оказались в плену, —

О радость, не стучи кольцом в наши двери, ибо среди наших жилищ,
Нет ни одного дома, на котором горе не оставило бы грубой печати *, -
[175]

я из сострадания и с помощью усилий ханов, от
которых ожидал покровительства, дал за них выкуп
шестьдесят туманов сверх тех сорока туманов,
которые стоили их лошади, оружие, упряжь, багаж,
который у них забрали туркмены. **Фард:**

Риза, если ты страстно желаешь освободиться от горя, тебя постигшего
Не поддавайся соблазну и выброси из головы нетерпение.

[Когда] я услышал это известие, в [моем] обиженном
сердце пламя беспокойства поднялось так высоко,
что его не загасить и потоками слез, изливавшимися
из туч ресниц, а душевная тревога, отразившаяся на
лице, достигла такой степени, что не удовлетворила
бы воображение сказочника при самом
фантастическом изложении.

* За пологом сердца я ясно различил пламя горя,
И тогда слезы обильно потекли из-под моих ресниц *.

Поэтому в тот период я направил своего сына Мухаммада Аршада к дяде Мухаммеду Али в лагерь царевича, который стоял в деревне Шакибан, чтобы он постарался и поусердствовал в расспросах об обстоятельствах и освобождении тех растерянных несчастных пленников и уведомил бы о состоянии их дел сего [несчастливого] — мишень стрел бедствия. На следующий день по отъезде моего сына пришло другое известие, оставившее след ужаса, о полном разгроме этого войска и о том, что все вещи пошли на грабеж, и о гибели благородных ханов, большинство из которых благожелательно и участливо относились к сему ничтожнейшему, об исчезновении следов царевича и его любимцев ³²³. В беспокойстве из-за отсутствия известий и в тревоге о моем сыне и брате птица моего сердца стала трепетать в грудной клетке, а из очей заструились кровавые реки. Воистину, если разделить лепесток моего языка, подобно лилии, на десять частей и долей и повествовать и излагать с душераздирающего пролога о безжалостной /л. 93б/

игре судьбы, и то я не справлюсь с рассказом десятой доли того, что случилось. **Фард:**

Как мне рассказать о притеснениях жестокого рока:
Язык потерял дар речи, перо отказывается двигаться.

Поскольку из-за сердечного надлома на язык нейдет то, что лежит на сердце, а из-за душевного расстройства то, что лежит на языке, не проявляется в благом повествовании, автор, прикусив язык и удержав перо от подробностей, в сокращенном виде приступает к сообщению об * истории того года, когда

Год истории того горестного нападения
Становится очевидным из [хронограммы] “Сущность горя” ³²⁴, и изложению * обстоятельства многочисленных неурядиц.

После этих первых событий и отхода войска из окрестностей Герата представители кадjarского государства решили увезти **[176]** царевича Малик Хусайна ³²⁵ в Благодатную землю (Мешхед).

Обиженный бесчисленными грабежами и постоянно возрастающими убытками, разочаровавшийся в возможности вновь благоустроить и возделывать свои

земли в этой местности, страдающий и чувствующий неловкость из-за чад и домочадцев, пишущий эти строки двинулся вместе с Йусуф Али-ханом ходжой в свите царевича Малик Хусайна, надеясь на то, что переговорит в отношении шестидесяти туманов денег выкупа за головы дяди и родственников.

Сколько я ни просил, сколько ни предлагал во время пути сумму в шестьдесят туманов, вельможи не желали, чтобы позорный обычай торговли пленными был разом изжит в нашей стране. В ход событий посвятили весьма важного каджарского военачальника, который ранее не намеревался [участвовать] в этом деле, с тем чтобы нашим пленникам назначили выкуп, взяли бы с них названную сумму денег и отпустили. **Фард:**

Я сказал: “Твои уста продлят мне жизнь.

Как жаль, что твои локоны похитили сердце”.

Приложив большие усилия, я поделил надвое сумму в шестьдесят туманов денег — выкуп за моих родственников. С превеликим трудом они установили сумму выкупа в тридцать три тумана.

Фард:

[Твой] локон унес мое сердце, а свою душу я уступил твоей родинке.
А то, что осталось от вора, я отдал гадалщику.

Двоюродный брат и мои родственники возвратились
с пастбища Пир-Нейтаз [326](#), а я, удостоившись чести
приложиться к порогу его святейшества султана Али
ибн Мусы ар-Ризы — любимца предводителя
пророков, пальмы в саду шаха правителей, государя
края довольства, поклон и хвала ему, дважды в день,
по утрам и вечерам, в том достойном уважения
месте, у гробницы имама, для отвращения врагов
произносил напевом *раста* в тоне *нави* этот псалом.

Назм:

О чувствительный к соболезнующим, твоя щедрость [и]

Твоя милость — панацея бедствующих.

/л. 94a/ В мире нет никого, кто помог бы мне,

Приди ко мне на помощь, великодушный.

К кому обратиться, чтобы приютил меня,

Кто, кроме тебя, возьмется быть моим провожатым?

Вся моя надежда была на твое великодушие,

Во веки веков моя кибла — твой чертог.

Если настало время, устрой мое дело,

Прислушайся к этим моим стенаниям.

У кого еще под этим бирюзовым небосводом

Так истерзано сердце и так исстрадалась душа, как у меня?

Я не в состоянии описать

То, что причинили мне подлецы.
Мой день стал чернее ночи,
Где свеча, а где мое исполненное страданий сердце?
Если твое содействие не поддержит меня,
О ком еще может помышлять мое измученное сердце? [177]
В тоске и горе я призываю тебя,
Спаси меня, я попал в безвыходное положение.
Вселенной везет на твои благодеяния,
До каких же пор горе всего света будет лежать на мне,
До каких пор мне вкушать из чаши злключений?!
Освободи меня от моего несчастья, о мой судья.
Отомсти за меня тиранам,
Избавь мое сердце от боли и муки,
Дай приказ, о всевышний судья, одаренный щедростью и
совершенствами,
Воздай по справедливости и мне, и моим недругам.
Перед кем еще мне [рыдать], ведь [только] ты — моя надежда.
Сам по милости своей устрой мое дело,
Окажи благодеяние мне, несчастному,
Освободи меня от мучений, уготованных судьбой,
О господи боже, заступник рода человеческого,
Наиславнейший посланник и царь самого высокого чертога,
По своему великодушию сделай так, чтобы исполнились мои желания.

В течение четырех месяцев я призывал на помощь и
стенал в этом дворце перед господом богом, умоляя
его спасти и поддержать.

В этот период от моих детей пришло письмо и [такое] известие: “Управление вилайетом Гурийана оказалось в руках его светлости Исхак-хана, и он намеревается собрать райатов, исцелить сердечные раны угнетенных, установить порядок в земледелии и благоустроить эти разоренные и опустошенные края. Он выдал нам в виде помощи сто харваров зерна. Внимая доброму признаку его заботы и опеки, мы в Барнабаде принимаемся за сельскохозяйственные работы. А высокоместный Хусайн Али-хан, его сын, является хакимом Гурийана. Он также изволит оказывать нам сочувствие и благодеяния”.

В самый разгар безнадежности по смыслу слов Корана: “...не отчаивайтесь в утешении божием” [327](#) — счастливый, с возродившимися надеждами, славословящий, я напевал эти слова. **Фард:**

В безнадежности кроется тысяча надежд,
В конце черной ночи наступает рассвет.

В тот период времени сей удрученный горем занимался на благодатной земле (в Мешхеде?)

услужением царевичу, одаренному красотой и изяществом, царевичу Малик Хусайну. То я давал ему уроки, то писал за него письма. /л. 946/ Иногда по приказанию его августейшего высочества обладателя трона славы и почета царевича Мухаммеда Вали-мирзы ³²⁸ удостоивался чести присутствовать при его особе. При недостатке способностей у сего несчастного его высочество Мухаммад Вали-мирза, возвращая крупницы таланта и выказывая сочувствие, изволили оказывать мне милости, даруя награды и подарки.

В тот самый подходящий момент от его высочества царевича Фируз ад-дина и большинства ханов по настоянию Ибрахим-хана пришло письмо и записка к Йусуфу Али. Они просили его высочество [178] царевича освободить семью и родственников [Ибрахима], находившихся в Харгирд-и Хафе, и отправить их в Герат. Поскольку царевич надлежащим образом не знал истинных обстоятельств того главаря банды подлецов и ему было безразлично как существование, так и небытие его, то [царевич] вопреки тому, что Йусуф Али-хан

поначалу не хотел [выпускать] их и не соглашался их освободить, изволил их отпустить. Знающие люди, узнав об этом, воспротивились. Ибрахим-хан, который ввиду своего дурного поведения и вероломства не предполагал, что его семье могут дать свободу, услышав весть о [возможном] освобождении, стал настойчивее. Он послал человека к Йусуф Али-хану, если-де ты пришлешь моих [родственников], я дам тебе двух хороших коней и двадцать туманов. И мне он также бросил приманку, дескать, отдам обратно взятые у тебя книги и твое имущество.

Я-то знал, что эти посулы только ради освобождения семьи и не осуществляются, подобно другим его лживым обещаниям. Но Йусуф Али-хан в надежде на обещанное постарался [для Ибрахима]. В дальнейшем, не преуспев в деле, он ощутил [прилив] корысти, однако с пронизательностью, которой он никогда не отличался, понял, что действия его не останутся тайной, [спросят], кто и что явилось причиной их задержки. Вопреки ложной дружбе и обязательствам, которые он постоянно брал на себя,

говоря мне, что самая большая его мечта
заключается в том, чтобы отомстить за меня
Ибрахим-хану, он теперь, обманутый обещаниями и
желая получить от [Ибрахима] взятку, начал со мною
тяжбу. Из Святейшей земли [Мешхеда] он отправил
царевичу и Ибрахим-хану жалобу на меня, что, мол,
я мешаю освободить его родных.

Я не вмешивался в его дела. Но я сказал Йусуф Али-
хану, что если никто не ставит в вину Ибрахим-хану
его подлости и бесчинства, /л. 95а/ то меня тем более
никто не осудит, если даже я буду мешать его
освобождению. Я прочел ему этот отрывок,
принадлежащий перу покойного Мир Али Шира:

О ты, который говоришь: “Не проклинай Йазида и его семью,
Может быть, всевышний наконец помиловал его”.

Если бог простил [Йазида] за то, что он причинил семье пророка,
То и тебя он тоже простит за то, что ты его проклинал.

Этот бесхарактерный ходжа не был удовлетворен и
стал спорить со мной. **Стихи:**

Тот, кого я берег пуще глаза,
Как брови, поднял на меня саблю.

Так как я, несмотря на его ложную искренность и словесную любовь, общался с ним в течение семи-восьми лет, то его охлаждение ко мне посчитал результатом отсутствия у него твердого характера.

Строка от автора:

* Несмотря на его вероломство, я проявил к нему любовь
Столь прочную, как та, какую люди проявляют к сему мерзкому миру.

[179]

Таким прямолинейным поведением мой соперник подавлен.
Он — как написанная буква, когда калам поднесен [к ней].
Хотя я опьянен любимой, не смотри на меня презрительно —
Ради моей пылкости многие хотели бы заполучить меня *.

Какие бы дружеские чувства я к нему ни проявлял, он, в силу своего переменчивого характера, что обычно для всех придворных, поступал со мной грубо и резко. **Фард:**

С людьми нашего времени не очень-то поладишь,
Как только скажешь: “Ваш покорный слуга”, тут же тебя и продадут.

Дело дошло до того, что после неоднократных споров и перемирий между нами я окончательно с ним расстался. Он же, оскорбленный, в свою очередь, уехал из Герата, хотя перед отъездом

навестил меня, принес извинения за свои прежние поступки и предложил сопутствовать ему. Я сказал ему (**фард**):

Сотни раз мы тебя испытали, Проку от тебя не было.
“Кто испытывает испытанное, того постигнет раскаяние”.

В то время я со всяким человеком из временщиков поддерживал дружеские отношения, но результатом этой дружбы для меня всегда были огорчения и убытки. **Фард**:

Как вода, я пробегал повсюду — и по листьям и по корням,
Но не видел в этом саду ни одного цветка, который можно было бы сорвать.

Арабы говорят... и в моем переводе [это звучит так]:

Долгое время я тратил жизнь на людей,
На беседы со старцами и юнцами нашего времени.
Я испытал всех на деле.
Пользы от них было мало, а злобы — безмерно.

Глаза людей пытливых, которые наблюдали природу [вещей], и сердца людей науки, которые внимательно проникали в их суть, знают, что род человеческий является средоточием всего сущего и воплощением

твари божьей, так как по своим внешним качествам [человек превосходит другие виды], он разговаривает и совершает благородные поступки, а также по своим внутренним свойствам, ибо он способен на самые благородные помыслы и нравственные подвиги. Эти способности и свойства присущи только человеку, и никому другому. Но это положение не является абсолютным, одинаковым в отношении всех, хотя люди похожи друг на друга. Ибо сказано:

О Хафиз [329](#), не всякий, кто пламенеет лицом, способен очаровать,
/л. 95б/ Не каждый, кто может смастерить зеркало, владеет искусством
Александра.

Здесь смысл в тысячу раз более тонкий, чем волосок,
Ведь не каждый, кто бреется наголо, — странствующий дервиш.

Итак, высокий сан человека присущ тому, кто
украшен справедливостью, верностью,
правдивостью, кто освободил свой внутренний **[180]**
мир от нечестивых стремлений, противоречащих
интересам божьих тварей и направленных в ущерб
им, и в то же время тому, кто поставил себя в
зависимость от шариата и в отношении

современников не позволяет себе ничего, кроме дружелюбия и согласия. “Это щедрость Аллаха: дарует он ее, кому пожелает” [330](#). **Стихи:**

Сколько бы ни искал я такого человека,
Человека, у которого ум и нрав был бы такой [праведный],
Под куполом этого волшебного мира я постиг одно:
Это такая же редкость, как Симуург [331](#) и философский камень!

Так как не только в наше время отсутствует человек подобных свойств, но и в прежние времена их было мало, как говорится в этом отрывке. **Кыт'а:**

Вчера днем шейх ходил по городу с фонарем в руках,
[Приговаривая]: “Я в отчаянии от дивов и от зверей, я ищущу человека”.
Я сказал: “Не надейся, мы [уже] искали”.
Он ответил: “Я ищущу то самое, чего не найти”.

На основании опытов и логических умозаключений сей немощный убедился, что знакомство и общение с современниками ничего не дает, кроме огорчений, ущерба и невозполнимых утрат. И то, что пресвятой господь бог предостерегает своих рабов от искушений джиннов и [дурных] людей, говорит о том, что большинство в роду людском стоит в одном ряду с дьяволом: “Они — как скоты, даже более

заблудшие” [332](#). Как говорят по-арабски... что в переводе автора означает:

Не доверяй людям, ибо я
Уже испытал род людской,
Но не получил ничего, кроме ущерба,
От знакомства с современниками.
Если кому-нибудь полюбится медведь или свинья,
Это [все же] лучше, чем род Ибрахим-хана.
Вот поэтому я предпочел отказаться от общения с современниками.
*О Видил, не трудись напрасно связываться с людьми.
Раз у тебя нет груза, зачем же такая нежность к ослам?*

Во время возвращения из Святейшей земли
[Мешхеда], на привале в Сангпасте [333](#), к моим
духовным недугам прибавился и телесный;
неподалеку от Барнабада мне стало еще хуже. Желая
уединиться, я задержался в Барнабаде.

Человеку наносит раны меч языка —
Надо бы изготовить бальзам забвения *.

В тот период я увидел знакомую обстановку в
беспорядочном состоянии и свои подворья
разрушенными до такой степени, что ни один дом не
был обитаем, ни в одном подворье ни одной двери.

[181]

Надо полагать, пятьдесят-шестьдесят человек
свойственников и родственников, да сорок-пятьдесят
человек нукеров и гулямов — вот и все, кто там
проживал и постоянно находился. Из-за тесноты, /л.
96a/ несмотря на большое количество домов и
построек и просторность тех жилищ, все они
(обитатели Барнабада) постоянно скандалили друг с
другом. Многих из них Ибрахим-хан, тиран и
выродок, продал. Ни об одном из [проданных] с тех
пор не было ни слуху ни духу [334](#). Этот пес, торговец
пленниками, разрушил мои подворья, рядом с
обширностью домов которых тесны просторы
обитаемой части земного шара, а брови красавиц из-
за соперничества с поднебесной высотой куполов
айванов испытывают чувство стыда; прочность
фундаментов зданий и стен, свежесть воды в
бассейнах и арыках, сочность и прохлада садов и
цветников были примером вольготности моей жизни.
Каждое утро перед восходом солнца фарраш,
утренний ветерок, подметал их на манер метельщика
улиц, а несущая влагу туча поливала их, подобно
лейке, так что на садовых дорожках никогда не

бывало ни пылинки. Ибрахим-хан продал обожженный кирпич из водоемов, мостов, стен домов, он вырубил в парках сего немощного тысячу сосен, которые своими вершинами дотягивались до вращающегося небосвода, и отвез бревна в крепость Гурийана. В поисках имущества он разорил и опустошил дома и плотины, построенные знаменитыми людьми из нашего рода, подобно тому как он в поисках сокровищ раскопал могилы своих предков и тем самым спровадил их в ад, а то, что увидел и нашел, забрал и увез. Поскольку мельницу построил дед его мельника, на внешнем виде ее дверей и стен отразились беды и невзгоды. Из садов моих подворий и парков вместо звуков тысяч напевов, трелей горлиц и соловьев до ушей долетали стопы совы и филина, карканье ворон и воронов — предвестников несчастья. **Фард:**

*Я изгнан как из мусульманского храма, так и из языческого,
О Риза, сова завладела моими развалинами*.

Так как то разоренное жилище сего раба [божьего] находилось на пути в Ирак и Хорасан, то в нем частенько собирались путники, среди которых

бывали и ученые и невежды, умные и глупые, бывали такие, для которых следовало выбирать самое почетное место, и такие, которым место предлагалось на голой вытопанной земле. Беседы и разговоры случались на всякие темы. В нынешние времена вместо таких разговоров и таких собеседников [ходили лишь] сборщики налогов от имени его светлости управляющего, требовавшие исполнения барщинных повинностей, выдачи охотничьих трофеев и больших денежных взносов [335](#). Принуждением и насилием они держат в огне гнета родственников сего немощного бедняка.

Пери, спрятавшая лицо, кокетливая красавица и див
До боли удивят тебя, дескать, что это за чудо *. **[182]**

Моя исстрадавшаяся душа пылала, подобно белому зернышку серы в огне. Язык пламени моего сердца при созерцании этих обстоятельств воспламенился и разгорелся, потоки слез полились из моих глаз, птица моей души пребывала в тревоге и смятении в клетке моего тела. Не было у меня ни единомышленника, которому хоть на миг можно было бы изложить мои тяготы и горе, ни искреннего друга, с которым я мог

бы побеседовать хотя бы одно мгновение, спросить у него совета, как устранить беду и печаль. Сколько ни мерил я дорог в поисках средства, я не нашел никакого выхода. Из-за правителей-современников, не разбиравшихся в сути дела, дурного поведения злодеев да подлостей и предательства пса — торговца пленниками тирана Ибрахима дело мое приняло оборот к раскаянию и сожалению, и я повторял слова в смысле этого стиха. /л. 96б/ **Фард:**

Мир так заливает сердце кровью,
Что другие бы, кроме нас, легко расстались с этим миром.

Я сам говорил себе (фард):

Ты стремился к мирским благам, но не достиг цели.
Каким же будет тот [мир], о котором ты [даже] не подумал?

От автора:

Я знаю наверняка, что мир тленен,
Однако из-за обилия ошибок и неведения
Я день и ночь занят тем, что ищу в нем пользу?
И сам ошеломлен своим положением.

Я поехал в надежде и уповании сыскать выход, так
как его светлость Исхак-хан, военачальник, в силу

прочтения им книги *Хуласат ат-таджариб* ³³⁶
чувствовал пульс коловращения судьбы, знал
характер коварного времени и благодаря большому
числу перевернутых страниц своей жизни постиг
закономерность смены страниц ночи и дня в сем
мире в зависимости от поведения низких и подлых
личностей. Он был осведомлен об ущербе и
насилиях, которые перенес сей опечаленный душой в
этом краю. Указательным пальцем догадливости
исследовав пульс сего больного, [учащенный]
вследствие обострения гнета, он благодаря знанию
воли Аллаха шербетом милости и доставляющим
бодрость состраданием изволил исцелить пламя
души и жгучую лихорадку сего страждущего из-за
душевных мук, причиненных насилием и горем. Во
время жестоких лютых морозов я с несколькими
соплеменниками из числа моих разоренных
родственников поехал зимой предстать пред ним. На
стоянке в деревне Санган ³³⁷ я удостоился чести
встретить его светлость Хусайн Али-хана. В день
праздника жертвоприношения, то есть 10 зу-л-
хиджжа, я исполнил обряд хождения вокруг их дома,

как подобает по большому и малому хаджу ³³⁸. При личном свидании [я понял, что] похвальные отзывы [183] о нем, которые я слышал от своих детей, были преуменьшены во много раз, и сказал (фард):

Я слышал, что ты приятнейший из неприятных,
Но, когда увидел тебя, [ты] оказался в тысячу раз лучше.

Благодаря его любезному обхождению надежды сего немощного бедняка на милость его сиятельства военачальника увеличились еще более прежнего. Мы отправились в Турбат. Однако от общения с ним, которое я считал преддверием весны моих надежд, запах [достижения] цели не коснулся моей души, а роза желания на лужайке душевного состояния не достигла стадии расцвета и запаха поры цветения.

Да не будет никто униженным, подобно мне, несчастному,
Беспомощным слабым горемыкой да не будет [он].
Болезнь довела мои тяготы до того, что я готов испустить дух.
Да не станут хворать в тех краях, где нет врача *.

Помимо денег, ссуженных в долг дополнительно к налогам, ему была дана пенсия, подобная соли, посыпанной на язвы наших сердец, поджарившихся, как жаркое. Кроме того, от моих родственников он

получал подношения, в зависимость от которых ставил свою благотворительность. **Фард:**

Ради исцеления сердца я отправился к врачу,
Возвратился с душой, еще более отягощенной муками.

В это самое время Халил, сапожник из Гурийана, который всегда торговал пленниками вместе с Ибрахим-ханом, продал моего гуляма Дилавара и служанку моего двоюродного брата. Как это было упомянуто выше, он унес из моего дома триста туманов серебром наличными.

Согласно желанию его светлости военачальника на ревизию этой области назначили сына Абд ар-Рахмана Шадеги и Накд Али-бека курда. [Абд ар-Рахмана] из-за его низкого происхождения хотели убить при взятии барнабадской крепости, но ввиду денежных долгов его и его отца, которые они должны были мне возвратить, я попросил освободить его и не позволил прикончить. Несмотря на то что ни один из них не имел представления об этом и не подходил для такого дела, они приказом были назначены вместе с семью-восемью другими лицами.

/л. 97а/ По возвращении пишущего эти строки и его родственников из селения Турбат, в новолуние месяца мухаррама Запретного, подлые ревизоры впервые приехали в Барнабад и начали составлять кадастр, то есть опись и оценку земель, подлежащих налоговому обложению, с разоренных садов сего несчастного, урожай которых в тот холодный год полностью пропал. **[184]**

* В перипетиях судьбы, которые постигли тебя,
Вряд ли можно что-нибудь убавить или прибавить*.

По причине мятежа Йусуф Али-хана и перемещения войск в минувшем году большая часть пустующих земель того вилайета не была возделана и не имела хозяина, в особенности мои поместья, которые вот уже тринадцать лет как из-за обильных притеснений царевича Махмуда, мучений вероломного, преданного анафеме, подобного Нимрудду, Ибрахим-хана и дурного поведения населения тех краев были полностью разрушены. Как выше упомянуто, те войска и жители полностью растащили наших ослов, скот и урожай предыдущего года.

Единственная цель птицы моего сердца — быть пойманной.
Где бы она ни клевала зерно — всегда попадает в силки *.

Из-за отсутствия возможностей большинство полей не было возделано, а небольшое число участков мы засеяли зерном. Упомянутые контролеры, полностью обойдя все участки, не сопоставляли необработанные поля с обработанными землями и посчитали их все подлежащими обложению. Они сложили вместе и земли, которые никогда не засеивались и не могут обрабатываться, и все прочие участки — земли под садами, плодородные участки, и все мое поместье сочли в два раза большим. Два месяца они занимались составлением кадастра в Барнабаде, беря с селения Барнабад в день тысячу пятьсот динаров серебром наличными на ежедневное пропитание и семь-восемь туманов на измерение земли [339](#). В течение четырех-пяти месяцев под предлогом составления кадастра в местности вилайета Гурийан они таким же образом брали средства на пропитание и измерение. Они каждый день брали пятьдесят работников с селения Гурийан и двадцать человек с крепости Барнабад, с подворий пишущего эти строки

и прочих землевладельцев [этой местности]. Каждый день наших крестьян уводили на барщинную повинность. В течение двух лет непрерывно население этой местности при таких обстоятельствах было занято барщиной. А дети сего немощного, несмотря на то что имели по пятьдесят человек крестьян и садовников, не могли улучшить удобный момент, чтобы обмазать разрушенные крыши в своих подворьях или благоустроить свои сады и заделать бреши. Ввиду появления этих новых поборов сей обиженный жизнью, который постоянно хлопотал о владении поместьями, землями, на которых находятся могилы предков, своими разрушенными подворьями, оставил несбыточные надежды, которые у него еще были.

* Где мне найти ключ к замку отчаяния,
Каждый, кто взялся за кольцо, стучит [лишь] в свою дверь *.

Хотя, несмотря на весенние дни, гнет /л. 976/
вероломной судьбы и притеснение тирана-времени
явны и очевидны по сморщенной [185] сердцевине
бутона и надрыву на венчике цветниковых роз, а
продолжительность и непрерывность

несправедливостей злого рока, отличающегося жестокостью, обозримы и несомненны, как солнце в зените, по черноте темной ночи, коварной голубизне лазоревых небес, однако, поскольку сей скованный цепями горя и обиды в несбыточных мечтах лелеял большую надежду на признательность, благородство и благоразумие его светлости Исхак-хана, военачальника, он (автор), столкнувшись с этими обстоятельствами, более, чем в недавнем прошлом, [испытал] досаду и уныние. Зефир — свидетель, а звезды знают, какими только бутонами терзаний ни расцветало каждый день на заре в те времена мое сердце, какими только рыданиями каждую ночь ни оглашал воздух юноша моей надежды. Фард:

Мы гадаем по бумажному цветку. На этой лужайке
Сливаются воедино веяния нашей весны и осени.

В те дни месяца мухаррама Запретного я скорбел о памяти имама, павшего жертвой как счастливый мученик, который претерпел тиранию и муки от низких сыновей дома Омейядов и нечистого Йазиды, [скорбел] о его высоких помыслах, заслуживающих всяческого почитания. Представлял также себя

несчастливого, над которым глумились, грабя и оскорбляя, жестокие правители и бессердечные тираны, в особенности Ибрахим, этот выродок и нечистоплотный злодей. Все эти печали и поток грусти вынудили меня, несчастного, растерянного, претерпевшего лишения, посвятить поэму этому событию [340](#).

Мухаррам наступил, ожило старое горе,
Мир наполнился стоном из-за рассказов о Кербеле.
Поднялось траурное знамя детей пророка,
Теперь море завидует плачущим глазам любящих [детей пророка].
Что это за тиранство, которое позволили себе угнетатели
В отношении семьи пророка и других соратников.
Глаголящему языку нет силы рассказать,
Так как же сможет перо описать эти события?

/л. 100б/ В тот период, когда пишущий эти строки со своей семьей уехал в селение Турбат, большую часть наших плодородных участков и свободных земель засеяло племя карай, использовав на свои нужды наш рабочий скот. **Фард:**

Если царь в саду крестьянина съест одно яблоко,
То его рабы вырвут с корнем целую яблоню.

А во время сбора урожая наши ослы и другие
вьючные животные были ежедневно заняты
перевозками сельскохозяйственных продуктов его
превосходительства военачальника. Они очистили
наши гумна, где был сложен урожай. Месяцами наш
урожай не вывозился и был развеян по полям.
Частью его сгубил ветер, а собранное поворовали
крестьяне и прочие. А то, что оставалось сверх **[186]**
украденного ворами, удержал его
превосходительство военачальник в счет
натуральной повинности продуктами сельского
хозяйства с сего немощного *хаксара*. [И получалось],
что если я не переселю своих родственников и семью
из города Герата сюда, то управляющим будет
наложен арест на мои сельскохозяйственные
продукты. Тот урожай в большей части был пущен
на ветер, а взятое военачальником сложено в амбары
в крепости.

Поскольку из-за обилия искренних моих чувств (**от
автора:**)

Я надеялся на его благожелательность,
Что он по доброте своей и великодушию наложит бальзам на мои
раны,

то, созерцая эти обстоятельства, я говорил про себя
(фард):

О горе тебе, что с ним ты связываешь свои надежды,
Ждешь милости и надеешься получить добрую весть.

В тот период сей немощный отдал в залог большую
часть своих гератских земель, выручил шестьдесят-
семьдесят туманов /л. *101a*/ и потратил их на
покупку зерна для тех разоренных участков и
пахотных земель. Из-за нехваток и налогов, которые
в Герате пришлось на мою долю, я намаялся от
жизни в этом городе. Несмотря на то что здесь я
родился, вырос и являлся на люди в течение
пятидесяти лет, я был бы рад и очень желал, как и
ранее, послать туда (в Барнабад) некоторых моих
родственников. **Кыт'а:**

Я так утомился от общения с родом людским,
Что сон бежит моих глаз днем и ночью, чуть помыслию о ком-нибудь.
Когда я уйду в тень от солнечных лучей, будьте уверены,
Что я бегу не от светила, а от собственной тени.

Однако я был так подавлен из-за бесчисленных поборов и налогов, которые я выплачивал в тех краях, и из-за того, что мои подворья и крепости захватил военачальник, а подворья вне крепости были разрушены и необитаемы. Живя в Герате, я так стремился приехать сюда (в Барнабад) из-за расстроенных своих обстоятельств, а находясь здесь и видя все те мучения и обиды, беззаконие подлых и бессовестных людей, я был готов умереть. **Назм:**

Мы — те, у кого безвыходное положение,
Нет надежды на справедливость шаха и беспристрастность везира.
Сегодня угнетенные, как дети пророка,
Мы — в плену у Йазида нашего времени.

В тот период я отправил туда нескольких своих родственников. Несмотря на это, мне снова не отдали мои сельскохозяйственные продукты. Как говорят арабы: “Мы испытали их одного за другим [порознь] и всех вместе — а это одно и то же”.

Все и удивляются несоблюдению обязательств,
И [в то же время] всем свойственна чрезмерная алчность.

[187] Волей-неволей снова сей немощный был
вынужден двинуться с Турбат и в Святую землю

[Мешхед] к его превосходительству Исхак-хану,
военачальнику. Быть может, мои чаяния, которые
увяли под пронизывающим осенним ветром
неисчислимых бедствий и обид эпохи, благодаря
дождливому облаку его благосклонности зазеленеют
и расцветут. **От автора:**

Моя милая жестока, я — одинок, а соперник — коварен.
Погляди на мое простодушие: жду исполнения желаний [от такой
бессердечной].

С кем бы ни встретился [автор] в дороге, после
расспросов об обстоятельствах сего обескрыленного,
по смыслу разговоров, по вопросам и ответам он
получал доказательства [безнадежности]. **Стихи:**

Некто спросил меня: “Кто является предметом твоих желаний?”
Я назвал, мол, такой-то, а тебе-то что?
Он сел и стал причитать надо мною: “Ой-ой-ой,
Как же ты надеешься выжить, попав в руки такого человека?”

В тот период неосведомленности сей немощный
послал письмо его сиятельству хаджи,
счастливейшему и благороднейшему хаджи Ака-хану
с изъяснением просьбы о возвращении
сельскохозяйственных продуктов моему

разоренному семейству, скитающемуся от двери к двери. Его превосходительство военачальник /л. *1016*/ порознь выразил одобрение высококочтимому его сиятельству и пишущему эти строки. Он возвратил мне то, что еще оставалось от урожая, который на полях и в крепости был ежедневно доступен захвату каждого и любой, кто хотел, брал и воровал для себя. Поскольку в неосуществимых моих мечтах было, чтобы урожай той местности в том году утешил бы кое-кого из отъезжающих и дал бы хлеб насущный чадам и домочадцам, я чуть-чуть собрался с силами, несмотря на столь расстроенные обстоятельства. В общем, теперь я уже не огорчаюсь, когда смотрю на те сельскохозяйственные продукты, которые судьба с такими тяжкими усилиями и большими благодеяниями снова предоставила сему немощному, равно как не горюю из-за отданных денег, которым несть числа, изъятых его превосходительством военачальником у двоюродного брата и у детей сего сломленного сердцем в этом краю. **Фард:**

Зачем еще раз говорить, о друзья, о злосчастной судьбе и тяжелой доле,
Когда прошлое было таким, настоящее — этаким, а о будущем не
ведаю*.

Видя трудности своего двоюродного брата и детей в
деле выплат, которые выходят за рамки их
[возможностей], требования кредиторов об уплате
долга, разрушение опустошенных поместий и то, что
ни единый человек не насурьмил моих умоляющих
глаз **[188]** драгоценной палочкой для сурьмы,
сулящей надежду, что ни на одной лужайке бутон
моих грез не расцвел под ветром желаний, я провожу
большую часть времени в отдаленных вилайетах,
обивая пороги в привратничьих неблагодарных
людей и меся кулаком ветер. Опечаленный
насмешками, я возвращаюсь с истерзанным сердцем.

*Из-за путаницы я не вижу начала своей нити,
Куда бы ни устремился я — всюду пустота*.

Языки пожара моего сердца полыхают с каждой
секундой все сильнее в печи моей груди, и в мрачной
душе с течением времени все ярче горит огонь
ущерба и убытка. **Фард:**

Всего одно тело, и столько тревог.

Всего одна голова, и такая растерянность!

По-видимому, малая и большая посылка силлогизмов касательно рока и предопределения заключается в том, что всякий, кто, подобно мне, стирает ноги до колена, следуя праведным путем, всем телом предан и покорен, не чует и запаха накрытого стола надежды, завтракает кровью своей печени; чаша его мольбы всегда до краев полна солеными слезами и кровью сердца. А другой, чьи все пять чувств [заменяет] явное воровство, взятие людей в полон, грабеж имущества мусульман, не затрудняется тревогами, не волнуется из-за трудностей и упорства [праведности], но, подобно коварным злодеям этого края, вместе с пьяницами-друзьями, отмеченными клеймом обители греха, берет в руки кубки вкусного вина, намереваясь осушить их. **Фард:**

Одному дали кубок с вином, другому — окровавленное сердце.

Так заведено коловращением судьбы.

/л. 102а/ В тот период, когда сей удрученный достаивался чести и счастья общаться с его превосходительством военачальником. между Ака

Мухсином, комендантом крепости Барнабад, и Исмаил-беком, наместником этого края, возникла тайная неприязнь. Вражда сделалась явной и очевидной из-за их совместных действий в деле взимания барщинной и охотничьей повинности и настойчивости в причинении ущерба несчастным жителям этой местности. По смыслу изречения: “Мир — падаль, а жаждут ее [лишь] собаки” — дружба и единодушие Исмаил-бека с барнабадским эмирзаде стали причиной усугубления неповиновения и бунта Ака Мухсина, и обе стороны вступили в полосу взаимного беспокойства, причинения вреда и жалоб друг на друга:

На всем свете люди, которые не имеют понятия о справедливости, Поглощены думами о причинении зла друг другу. [189]

Его превосходительство военачальник отстранил Исмаил-бека от должности и подверг опале, а на замещение его должности там назначил своего племянника Тимур-бек-хана. В результате тяжбы с Ибрахим-ханом, [начатой] по подстрекательству Ака Мухсина, за право владения [землями и мельницей] и имея собственную корысть, он (Тимур-бек-хан)

захватил пахотные земли и мельницу мирзы Азизуллы и плодородные участки мирзы Худабахша со всем их урожаем и доходами. Волей-неволей три-четыре терпящих нужду мирзы отправились во дворец орбиты правосудия военачальника. По прибытии туда и долгих скитаний [там], не увидев ни от кого внимания, не услышав ни от кого правдивого ответа, они оказались вынужденными, для того чтобы уладить свое дело, взять на откуп у военачальника доходы того края, записав аренду из расчета восемь тысяч харваров зерна в год.

Несмотря на то что и самому его превосходительству военачальнику и арендаторам, малому и старому, всему населению того края было понятно и ясно, как божий день, что такое обусловленное количество зерна в тех местах они не получают, сами они об этом не задумывались и не проявили предусмотрительности по смыслу [арабского] выражения: “Эта ночь беременна, но не знает, кого она породит”.

Те двое-трое нашли удобный выход — при помощи захваченных поместий и мельницы, по смыслу [арабского] выражения: “Человек строит дворец и разрушает город” — записали векселя об аренде на восемь тысяч харваров зерна от имени восьмидесяти-девятидесяти человек, ни один из которых о том деле не имел и понятия и не изъявлял на это дело согласия. Таким образом без моего ведома, одобрения и согласия выписаны были векселя на моих трех дражайших родственников — Хасана Али, моего двоюродного брата, моего сына Абу Талиба и Абдас-Самада, племянника вашего покорного слуги.

Судьи, ученые мужи и прочие религиозные авторитеты, /л. 102б/ также проявив свое благочестие, украсили своими печатями и засвидетельствовали [сделку], утвердив и установив векселя на имя девяноста человек, ни один из которых о том не ведал. [Они сделали это] в их отсутствие, не спросив их подтверждения. **От автора:**

Слава этим праведникам и доверенным судьям,
Слава правоверным! Таким и должно быть [истинное] мусульманство!

Его превосходительство военачальник был доволен замещением всех поместий разоренных жителей той местности на земельные участки арендаторов под урожай того года, что следует из самой сути этого арендного договора и получения векселей. По смыслу сравнения: “Юноши обольщают с помощью изюма” — [военачальник] изволил вылить воду на сердца сеявших ветер арендаторов. Ожиданием, надеждами и предоставлением никчемных [190] владений он обнадежил пустыми мечтами о получении и доставке арендованного зерна с той местности. Таким путем он изволил получить полную свободу взыскивать деньги с земледельцев и крестьян-арендаторов, находившихся в трудном положении, — с любой категории, при любых обстоятельствах, навязывать договоры по любой формуле и любым способом. **От автора:**

Великие мира сего одним динаром и одним дирхемом
За один час взрастят по десяти динаров за дирхем.

Теперь, во время написания сих слов, “в пятницу 5 рамазана” 1223/25 октября 1808 года [341](#), это самое выражение уведомляет хронограммой о дате по

мусульманскому летосчислению — многочисленные подробности расстроенных обстоятельств сего обескрыленного таковы. Я ошеломлен и не в силах погасить денежные требования на раздел моего имущества, тогда как наступление срока уплаты по ним в диван означает потерю урожая сего года. Нынче я не в состоянии дать ежедневное пропитание многочисленной родне в силу своей нищеты.

*Если нищета в конце концов становится причиной слез,
То в чем причина того, что среди деревьев ива слывет плакучей*? [342](#)

Из-за настойчивых денежных требований с должников и взысканий исполнителей его сиятельства Исхак-хана в вилайете Гурийан, из-за скверного поведения временщиков, к каждому из которых я в тот период проявлял самоотверженное отношение, а от них не имел иной пользы, кроме издевательств, ущерба, страданий и вреда, дело мое дошло до желания распрощаться с жизнью, а нож до костей. **Фард:**

Тот, кто постоянно жаждал нашего мучения,
О если бы он пришел и поглядел бы [на нас] сегодня.

Хотя описание ущерба и убытков, разъяснение дурных поступков и потерь, понесенных мною в дополнение к мучениям, которые я претерпел от подлецов эпохи в предшествующее время, выходит за потолок возможностей, однако автор снимает преграду к изложению небольшой части этих обстоятельств, чтобы не подвергать испытанию [терпение] читателей.

/л. 103а/ В частности, Муртаза-хан, сын покойного Мурад-хана, чей отец принадлежал к уважаемым и знатым людям славного племени афганцев и какое-то время служил главным казначеем индийских провинций, а в конце жизни стал хорасанским наместником, также высоко ценил и уважал сего немощного. Я же, принимая во внимание проявления доброты его родителем, во время путешествия в Святую землю [Мешхед] устраивал некоторые его дела. В воздаяние за это он также оказал мне милость, дав обязательства и обещание. В тот период из-за крайней своей нужды **[191]** и бедности я продал ему одну восьмирядную шитую золотом шаль, действительная цена которой была четыре тумана. В

течение восьми-девяти месяцев, несмотря на
беспросветность моих обстоятельств и на
настойчивые требования кредиторов-мучителей, я не
давал ему о себе знать напоминанием о выплате
долга по смыслу такого стиха. **Фард:**

О господин, забудь имя того, кому ты дал что-либо,
Ибо спрашивать свое паче попрошайничества.

И только нынче, после того как он в течение целого
года проявлял небрежность, не возвращая мне
стоимости этой шали, я был вынужден неоднократно
посылать своего слугу и своего сына в его
прихожую, как каких-нибудь нищих. Посредством их
особого настояния и упорства он отдал сумму в один
туман восемь тысяч пятьсот динаров, а от остальных
то отнекивается, то признает, но не обещает отдать.

От автора:

Когда я бросил взгляд на обстоятельства временщиков,
То убедился в методах большинства из них.
Понял, что все алчны, вымогатели и лицемеры,
Беспечны, несправедливы, двулики, с раздвоенным языком.

А другому ученому мужу нашего времени,
справедливейшему из судей эпохи, я в течение

четырнадцати лет посвящал все пять своих чувств, считая противозаконием перечить ему в вопросах веры и находя запретным чинить ему помехи в его делах правосудия и убеждения. Я постоянно указывал далеким и близким в кружках и собраниях на толкование им стихов из Корана — аяатов, свидетельствующее о его превосходстве, и приводил рассказы о великолепных свойствах его характера. Его призывы к богу и справедливость в правом суде занесли его в особый список. Свои притязания на его привязанность я установил и обосновал свидетельскими показаниями в чистоте его помыслов и намерений во дворце правосудия, аргументами и доводами. Постоянно, утро и вечер я начинал потоком словословий ему и, подобно влюбленному, столкнувшемуся с соперником, всегда был готов сражаться [за него] в любом укромном месте, на каждом углу и на наружной галерее. /л. 103б/ В тяжелые для него времена, бывало, по ночам, в зимнюю стужу, в снегопад, буран по два-три раза за ночь он присылал за мной — символом искренней дружбы, будил меня и призывал к себе. Случалось,

ночи целые до рассвета я бодрствовал подле него. Господь знает о чистосердечии сего грешника, и все твари божьи, и я сам в том свидетели. В период, когда его высочество царевич намеревался предъявить права на Гурийан, он прислал слугу-мулазима, так как нуждался в лошади для верховой езды. По его просьбе я послал ему лошадь, которую купил за два тумана. В течение восьми-девяти месяцев, несмотря на острую нужду, я усердствовал, дабы не объявиться перед ним и не истребовать [192] стоимости той лошади. Позже волей-неволей по смыслу строки:

То, что делает льва трусливым, как лиса,
Это — нужда, нужда и еще раз нужда —

[мои] дети в большом смущении напомнили о долге и послали ему книгу, которая стоила две-три тысячи динаров — для оборотного капитала. Затем я снова послал [напомнить ему] и, доехав до Газургаха [343](#), который находится в полуфарсахе пути, провел в седле целый день, ожидая ответа. В третий раз я направил к нему человека. Хотя у него было две лошади, он не дал ни одной и на полдня. Стало ясно,

что, несмотря на всю мою нужду и расстройство в делах, у него и в мыслях нет отдать мне деньги за ту лошадь. В тот год, когда все испытывали голод поучливости и был плохой спрос на человечность, я ни одного дня не был защищен от наскоков неприятностей фортуны. Ни одну ночь я спокойно не спал из-за мук вероломного времени. Я влачил тягостную жизнь в обители скорби. Жестокость, как и [нынешняя] эпоха, удивлена моим положением, а в храме огня тягот бедности и нищеты я горю столь сильным пламенем, что сама неприязнь, как и небеса, рыдает надо мною,

В обстоятельствах, когда **(фард:)**

* Само рыдание стенает над моим положением —

О если бы у меня была возможность покинуть эту страну *, — к кому из немилосердных знакомых ни обращаюсь, ибо **(фард:)**

Любой человек может надеяться на людскую доброту,

Я же не надеюсь на твою доброту, только не причиняй мне зла, —

несмотря на возможность помочь, на заверения в благочестии и праведности, все они проявляют нерадивость в осуществлении на деле заповеди господа — воздать по справедливости. Я уповал на добросердечие и участливое отношение, а они отсиживались за барьером жестокосердия и обид, ранящих сердце. Более того, вереница дней отчаяния всегда имеет тенденцию удлиняться, а последующие мучения от бедности постоянно усиливаются. **Фард:**

Кончик пера годами не сможет описать
Муки, которые мне причинило время.

/л. 104a/ Хотя стопой опыта и испытания я обегал вверх-вниз просторы судьбы, сидел в обители скорби в углу отшельничества того периода, погрузившись в размышления, среди черт характера своих современников я не увидел и следа благородства и справедливости, не услышал ни единой вести о честности и искренности собратьев по эпохе. **Стихи:**

[Современники] сказали: “Такой-то — прекрасный человек”, и я ответил им:

“Не лгите! А что касается рода людского, то [все это] — превосходно,
Но их эмир взял власть постыдным образом, **[193]**”

А [ведь] их благочестие [зависит] от молитвы его, [вот] он и охотится [за властью]. —

Будь кем хочешь, хоть благородным, хоть — низкого происхождения, Но если ты добился богатства, тебя [назовут хоть] сейидом”.

Лучше богатства и имущества — честь и добродетели. Для разумных важнее пожитков и достояния — доводы благородства. Не следует искать уважения у подлецов и превосходства над равными и подобными. **Руба'и:**

Мир таков, что если нет состояния, то и совершенства — несчастье, Без гроша на этом свете тебя ждет лишь позор, даже если ты известен как мудрец.

Платон — неуч, если у него нет ни дирхема,

Динар — владыка самого умного человека [нашего] времени *.

Нет ничего хуже бедности и нищеты, [разве только] бесчестье и уныние. **Руба'и:**

* Если нет у тебя денег, [значит], нет ни ума, ни таланта.

Даже если весь ты превратишься в розу, [сочтут], что ты хуже колючки,

Когда же ты всего лишь нарцисс, но на твоей ладони монеты,

Красавицы всего мира уступят тебе подле себя место *.

А подлецы стараются доказать, будто благородные и достойные люди, находящиеся в таком [тяжелом]

положении, — невежды и безродные. Как говорят [по-арабски]... что в переводе автора означает:

Я шестьдесят лет изучал коловращение судьбы,
Исследовал ее добрые и злые свойства, дела на пользу и во вред.
Помимо веры в бога, я не знаю ничего другого лучше, чем богатство,
Кроме неверия, нет ничего хуже, чем нищета.

Руба'и:

* Добывай золото, чтобы тебя превозносили,
[Тогда] тебя станут считать честным в любом обществе,
Хозяина-бессребреника ты не встретишь нигде, [ибо] без денег
Даже в собственный дом его не впустят *.

Пресвятой господь ни одного мусульманина не подвергал таким мукам тирании и насилий, испытаниям бедности и нищеты, [не ставил] в такую зависимость от жестоких вероломных временщиков, как сего беспомощного. К этим словам подходит стихотворный рассказ, который сей обескрыленный за тридцать лет до настоящего времени сочинил, изложив [языком] поэзии. Вот он. **Рассказ от автора:**

Зеленый юнец задал вопрос Платону,
Почему это старцы к накоплению имущества

Прикладывают более стараний и рвения, нежели молодые.
Этот прославленный мудрец ответил ему:
“О юноша, в вопросах человеческих судеб старики **[194]**
Приобрели всеобъемлющий опыт,
Они познакомились с родом людским,
Оценили дружелюбие как врожденное свойство.
Когда узнали секрет этой проблемы,
Им стала понятна сущность того,
Что умереть для человека, после того как его достояние
Досталось его врагам,
Лучше, чем нуждаться в друзьях,
Чем просить у кого-либо что-нибудь.
Ибо, если тебе доведется испытывать нужду в милости друзей,
Ты поймешь, что они относятся к тебе, как враги.
Тот, кто в дни твоего благоденствия тебе друг,
В тяжелые времена — твой смертный враг.
Тот, кто готов пожертвовать за тебя жизнью,
Кто сурьму своих глаз бросает, как пыль, тебе под ноги,
Когда твоя грудь окажется израненной муками твоей жестокой
судьбы, Станет ежеминутно вонзать в твои раны шипы.
Тот, кто в дни твоего величия и власти
Почитает за честь прислуживать тебе,
В дни мытарств и унижений
/л. 1046/ Пожелает тебя сделать своим рабом.
Таково положение преданного и искреннего.
Описание лицемеров удлинит бы наши речи”.
О Риза, оставь-ка свои привязанности,
Перестань надеяться на людей,
Оборотись-ка к кибле души,
Порви зуннар и обрети покой.

Когда твое сердце озарится светом истинной веры,
Это станет причиной отрешенности твоего бытия,
Избавит тебя от мучений нужды,
Ибо от этой болезни нет иного лекарства, кроме этого.
О всемилостивый помощник в делах, ни в чем не нуждающийся,
Устрой своей мудростью и добротой мое дело сам.

Обнаженным сердцам проницательных людей и
вознесенным чистым душам председательствующих
в кружках познания известно, что в то время, когда
знамя жестокости и притеснения и стяг мучений и
насилий реяли над зенитом небес и обилие тиранств
разъединяло род людской, обитающий на земной
поверхности, а гнет грязных подлецов,
сквернословов, дерзких кровопийц был помехой
разумению и улавливанию нитей созерцания
внешнего обличья светила покоя и избавления, сей
наименьший из тварей постоянно ожидал и жаждал
справедливости правителей эпохи и содействия
современников. Представляя насилия
предшествующего периода, наблюдая последующие
поборы и многочисленные случаи упадка в делах и
разорения поместий, препятствия в поисках
покровительства провидца мгновений,

осведомленного о сущности явлений, я разочаровался в помощи живых существ и привык к написанию сих слов. Каждая точка в них — воспламеняющее зерно руты, так и сердце мое сжигает пожар, бушующий в моей груди; каждый изгиб [линии] в написанном подобен стану, согбенному под гнетом боли от моей застарелой раны. **От автора: [195]**

Какое-то время я надеялся на фортуна,
Что я достигну желаемой цели благодаря справедливости и
беспристрастности.

Теперь стало ясно, что неосуществимо
Это упование на людей нашей эпохи.

Человеку в период здравого разума и твердого мнения сопутствуют ошибки и забывчивость, и ни у кого в отношении самого себя нет правильного представления о своих пороках, тщетных усилиях, ошибках и промахах, но, наоборот, по смыслу выражения всеблагого: “Всякая партия радуется тому, что у нее” [344](#) — большинство подобных нам слепы, почитая свои пороки своими достоинствами. Если, несмотря на обилие тягот, печалей сего

времени и насилий этой эпохи, у сего
неосведомленного его проступок либо забытый
эпизод также предстанет в хорошем свете, он просит
проницательного читателя простить и исправить.
Пусть [читатель] прочитает приведенный на этой
странице лодобающий для сравнения по сему случаю
рассказ в стихотворной форме. Вот он. **Рассказ от
автора:**

Я слышал, что слепец, хромой и нищий
Веселились в каком-то обществе.
Они отведали вина, приятного на вкус.
А когда головы у всех трех приятелей разгорячились,
Они развязали языки, восхваляя вино.
Стократ довольный слепец сказал так:
“О виночерпий, никто не видывал
Вина столь прозрачного и более приятного цвета.
/л. 105a/ Такого ярко-алого, цвета рубина,
Не доводилось увидеть ни Джамшиду, ни Пушкингу [345](#).
Налей-ка мне в чашу этого вина, о кравчий,
Жаждая его, мое сердце испеклось, как жаркое, ибо
На человека оказывают воздействие две вещи,
От которых он в тот же миг получает наслаждение:
Одна — вино кроваво-красного цвета,
Другая — подруга, с которой живут душа в душу”.
Когда хромой услышал это описание слепого,
У него защемило сердце от красочной похвалы того слепца.

Он сказал ему: “О болтун, мелющий чепуху,
Нет у тебя ни капли совести,
Ты не видишь вина, а восхваляешь его цвет.
Зачем ты врешь, о заслуживающий смертной казни?
При зрячих сотрапезниках
Твои похвалы неуместны, о слепец,
Вот как пну тебя сейчас ногой по голове,
Так и вышибу дух из твоего тела”.

Разозлился немощный бедняк
И так сказал хромоту: “О пронизательный,
Мое сердце загорелось от его слов,
Я более не имею ни покоя, ни терпения.
Коль ты сам из-за этого так раздосадован,
Я готов взыскать с него цену крови.
Нисколько не горюю о его гибели,
Ибо в качестве возмещения я отдам, сколько потребуется”.

Смысл высказанного этими тремя приятелями —
Повод для следующих метких слов: **[196]**
“Человек не ведает о своих изъянах,
Но знает о сокровенном для него”.

Один из прозорливых мудрецов
Давал своему сыну такой наказ:
“О дорогой, для каждого человека необходимо
Общение с благоразумными мудрецами,
Стать настолько близким его другом,
Что сделаются очевидными его дурные свойства”.

Такие разговоры несчастных
Подтверждают твои слова, о Риза,
Что о своем пороке никто ничего не знает.
Ты сам этот вопрос изучил, и хватит.

Всевышний бог, надзирающий [за нами], хочет возвестить всем живущим во вселенной о примечательных обстоятельствах и подлинной красоте черт характера племени [афганцев], упрочить подтверждением свыше устои [их] государства, показав высокую нравственность и свойства добродетели, которые заложены в основе их натуры, а усовершенствованием великолепных и прекрасных качеств [доказать] способность к преобладанию [над прочими], возвеличить и прославить [это племя].

Подтверждением этого разъяснения является исходное положение славного племени афганцев. На заре их правления их поступки излучали сияние справедливости, а деяния их светились блеском правосудия и щедрости. В течение шестидесяти лет громко гремел барабан их власти и счастья. Они повелевали в большинстве областей Хинда и Синда, Хорасана и Туркестана. Подробное изложение их справедливого отношения к подданным и распространение ими правосудия, их доблести, щедрости, благородства и чувства чести выходит за черту сведений сего повествования и описания. А из

того, что автор сам видел своими глазами и слышал своими ушами от покойного отца, /л. 105б/ кое-что он обнаружил в этом месте [своего] сочинения. В том числе о деревенском старосте по имени Михр Али. Он из тегеранцев. Состоял в числе личной прислуги при жестоком падишахе Надир-шахе Афшаре. Как-то он подал чашу воды высокоместному падишаху Ахмад-шаху еще до восшествия того на султанский трон. В начальный период завоевания столицы Герат тот обладающий похвальными свойствами падишах [Ахмад-шах], издали заметив Михра Али, подозвал его к себе. Пораженный суровостью и величием того могущественного падишаха Ахмад-шаха, [Михр Али] онемел и оцепенел, а [падишах] изволил оказать ему благоволение и милость, [сказав]: “Однажды в ставке Надир-шаха ты подал мне чашу воды”. [Шах] пожаловал ему один заудж земли в качестве тиула и [должность] надсмотрщика гератских садов управляющего падишахским имуществом. В течение по меньшей мере пятидесяти лет деревенский староста Михр Али был

осчастливлен получением пятидесяти туманов
выручки от урожая со своего тиульного владения и с
садов управляющего в вознаграждение за ту
единственную чашу воды. [197]

* Спасибо за милость, которая идет от души.

Избавьте от любезности, которую надо выпрашивать *.

От покойного моего отца-покровителя [я] слышал,
что между главным сборщиком налогов, войсковыми
счетоводами при том добродетельном падишахе и
прочими письмоводителями возникла распря по
поводу статей расхода. Они обнаружили недостачу в
сумме восьмидесяти тысяч туманов по счетам казны,
сокровищницы, торговли, войскового содержания,
которую приписывали друг другу. Перед
справедливым шахом то одни, то другие брались
доказать вину и ручались взыскать деньги. Призвав
их для личной беседы, шах изволил сказать: “Та
сумма, на которую вы предъявляете иск друг другу,
находится в ведении управляющего нашим
имуществом. Поскольку каждый из вас уже давно
прибыл из отдаленных областей в нашу прихожую в
надежде пристроиться и [верно] служит нам, мы

прощаем вам эту сумму за ваши знания в деле. Вы ссоритесь друг с другом. Из-за того, что эти раздоры известны, любой человек может причинить вам неприятность”.

* Мы были пристыжены своим проступком,
Твоя доброта, проистекающая от твоего всеобъемлющего
великодушия, извиняет нас *.

Точно таким же образом семь-восемь тысяч харваров зерна и какую-то сумму наличным серебром, отданные мирзе Ибрахиму, мулле Махмуду Гури, кладовщику, и миру Максуду, надзирателю гератского базара, кладовщикам Обители радости Фараха, о которых, растратив [деньги], они пожаловались шаху, шах изволил списать как зерно, съеденное хлебным долгоносиком. Грамоты с этим изъявлением великодушия нынче находятся перед сим нижайшим из творений Аллаха.

*Воздающий добром никогда не будет перед Аллахом в накладе.
Да не забудется богом добродетель в обоих мирах *.

Покойный Мухаммад Али-хан Чатак, который был при том достохвальном государе караульным,

рассказывает. Однажды подошла моя очередь стоять на карауле. Между намазами я задремал. В конце концов разбудил меня тот падишах — череда славословий, обычно по ночам обходивший караульные помещения для наблюдения за состоянием дежурных. Увидев у меня *мухр-и намаз* [346](#), он изволил сказать: “Почему это ты ведешь себя здесь таким образом, /л. *106a*/ почему так неосмотрителен, ведь вам необходимо [соблюдать порядок]. А ты не боишься, что мы накажем тебя?” [347](#) После того происшествия я некоторое время пребывал в страхе. А шахские слуги, поняв смысл этого события, более прежнего были ко мне благосклонны. **[198]**

Сей низжайший имеет грамоту от того добродетельного падишаха, который повелевал и предписывал народу Хорасана, дабы в прошениях на его имя его не величали падишахом “всенепременно славным”, так как это сан пророка, а в титулатуре не ставили бы выражение “равный пышностью Сулайману и равный величием Искандеру”, так как сходство сего немощного с теми могущественными

падишахами подобно сходству истершегося, хотя и некогда ценного, меха с драгоценным рубином.

* Да помилует Аллах того, кто знает себе цену

И не преступает своего положения.

Действенность повеления, прочность царства, совершенство творения, абсолютное бытие

Воистину подобает, приличествует и соответствует только Ему (богу)*.

А про наше государство пусть не пишут

“непоколебимое” и “вечное”, так как вечна и

бессмертна лишь чистая природа величественного

господа, а бесконечность земной твари невозможна,

и мы, смертные, удостоены чести испытывать беды и мучения.

Этими словами можно доказать истинное положение

того достохвального государя. И точно так же любой

из эмиров, ханов и простых людей того племени

[афганцев] придерживался таких порядков и правил,

был справедлив и богобоязнен, несравненен в

доблести и нравственном величии.

Так, в то время, когда падишахи, ныне пребывающие

в раю, Ахмад-шах и Тимур-шах из дальних краев

земли — двойника изобилия [Мешхеда] прислали приказ казнить Дервиш Али-хана, везир Шах Вали в течение одних суток в сопровождении своего охранника Али Мардана доставил из Мешхеда в Герат приказ о его прощении. Дервиш Али-хана призывали в Мешхед. Мой покойный покровитель, как было упомянуто выше, также выехал из Герата и на десять дней задержался в Барнабаде, дабы привести в порядок снаряжение для путешествия. На поясе у упомянутого Али Мардана висел кинжал, усыпанный драгоценными камнями. Беглербек видел его кинжал. Многие видевшие его торговцы и прочие люди, путешествовавшие вместе с ним, оценивали этот кинжал приблизительно в семьсот тебризских туманов. У Али Мардана спрашивали: “Этот кинжал во сколько тебе обошелся?” Он рассказал: “В год завоевания столицы государства Шах-джиханабада четыре кинжала такой же ценности какой-то человек поднес в виде подарка везиру. Тот передал их мне. До нынешнего года, хотя прошло уже двадцать лет, везир с меня их не востребовал. Нынче один из них я прицепил к своему поясу и пошел к везиру. Он

рассмотрел кинжал, похвалил и стал расспрашивать, откуда я достал его. Я сказал, что это один из тех четырех кинжалов, которые в Джиханабаде были поднесены ему. Минуту он подумал и поразмышлял, затем сказал: „Ничего не могу вспомнить [199] Все четыре кинжала — твои. Раздай их брату и сыновьям, чтобы они носили у пояса””.

* В саду, где не ценятся розы,
Какую цену могут дать за былинку? * [348](#)

А покойный мой отец, /л. 106б/ набрав из своего собственного имущества дорожное снаряжение для них, направился вместе с ними в Святую землю [Мешхед]. По прибытии в ставку шаха везир Шах Вали-хан дал беглербеку шатры, самые дорогие ковры и прочие вещи сверх принятия на себя гостевых расходов за все дни и поставки фуража. Он [же] дал беглербеку сто пятьдесят тебризских туманов, а моему почившему покровителю тридцать туманов серебром наличными в виде подарка. Все сто восемьдесят подаренных туманов украл один из работников Дервиш Али-хана и бежал. Это

обстоятельство скрывали от везира, потому что [было известно], если он узнает об этом, вторично сделает подношение. Через десять или девять дней особу, о которой идет речь, и моего покойного отца оповестили: “Поочередно явитесь [к везиру]”. Он вторично дал беглербеку сумму в сто туманов, а моему покойному покровителю — двадцать туманов. Быть посредником в воскрешении человека, оказать ему милость, принести извинения, подарить за один раз двести пятьдесят туманов — [даже] среди благородных людей есть наивысшая степень великодушия.

Доныне, хотя прошло уже тридцать лет со времен того достохвального везира, есть в наших краях и местностях много людей, которые существуют благодаря его заботе и пожалованным им уделам. Состояние их — две-три тысячи туманов. Они всегда поставляют войско государству и возносят ему хвалу. Хотя подробное изложение его великодушия, к которому приступает автор — бессильный копировщик событий, ставящий печати на явления того времени, станет причиной удлинения

повествования, для приведения его здесь настал удобный момент.

* Как мне рассказать о помазаннике божьем,
Если он более велик, чем все то, что я смог бы описать? *

Точно так же покойный мой покровитель упоминал, что он ездил с Дервиш Али-ханом в благороднейший из городов Ахмад-шахи к Ахмад-шаху. Каждый из афганских ханов, будучи равным ему по достоинству, проявлял к нам симпатию и оказывал милости. В том числе его светлость Джихан-хан, который был главнокомандующим. Он пригласил Дервиш Али-хана, чтобы особо отличить его и лично побеседовать с беглербеком. Этого искренне преданного Дервиш Али[-хана] он провел в гарем и наказал своей невольнице: “Брат беглербек и такой-то — наши ближайшие друзья, поэтому прислуживай нам, не накрываясь покрывалом”. Принесли кальян, инкрустированный драгоценными камнями.

Беглербек [200] сказал: “Мы, жители гор, никогда не видывали такого кальяна и не умеем курить из него”.

Вдруг по знаку управляющего служанка таким же образом внесла три других подобного вида кальяна,

любой-де из них, какой вам понравится, примите в подарок. Беглербек сконфузился от этого, отказывался принять подарок. Управляющий настаивал. После споров сторон командующий послал кальян ко мне, [наказывая]: “Как хочешь, но надо во что бы то ни стало передать этот кальян беглербеку”. Наконец, по истечении десяти дней, что кальян находился у меня, а беглербек все не соглашался принять его, я со многими предосторожностями сообщил [об этом] командующему ... [349](#).

Комментарии

1. Графическое изображение буквы *каф* — ***; буквы *нун* — ***. Традиционное сравнение первой с хлыстом или в более абстрактном смысле — со стимулом творческой мысли, ср. л. 52а, текст и перевод. Считалось, что буква *нун* символизирует итог размышлений, обобщение.

2. По космогоническим представлениям мусульман, четыре первоэлемента — это земля, вода, огонь и воздух.

3. Это благопожелание повторено дважды — по-персидски и по-арабски. Текст последней строки частично попорчен, поэтому в предложенном переводе возможны уточнения.

4. Ибрахим-хан Гурийани, т. е. из Гурийана — укрепленного селения примерно в 60 км к западу от Герата на древнем караванном пути в Мешхед. По словам нашего автора, Ибрахим-хан принадлежал к афганскому племени гури. Близкий к афганской кочевой знати Ибрахим-хан преуспевал в период феодальных усобиц в районе Герата на рубеже XVIII—XIX вв. Немалая доля его материального благосостояния шла за счет владельцев Барнабада — в этом причина особенной ненависти нашего автора к Ибрахим-хану, Упоминая его имя, Мухаммед Риза не упускает случая снабдить его нелестными и просто бранными эпитетами.

5. Буквы арабского алфавита имеют числовые значения. Слова *адине ва ноһ-[и] рамазан* — “пятница 9 рамазана” дают в сумме 1222.

Следующие одно-два слова в рукописи стерты, а затем стоит выражение *** — “давние времена”.

Возможно, к числовому значению этого выражения (= 165) автор подбирал одно-два слова для составления другой хронограммы — числа 1222.

Найденный вариант его не удовлетворил, и он стер часть хронограммы, предполагая составить ее из других слов, но так и не осуществил свое намерение.

6. Т. е. на Ибрахима.

7. Гурганиды — потомки Тимура, имевшего почетное прозвание Гурган. В исторической литературе обычно именуются Тимуридами. Время их правления в Хорасане 1405—1507 гг. Сефевиды — династия шахов, правивших в Иране с 1502 по 1722 г. (в Герате с 1510 по 1716).

8. Коран 49₁₃ (вместо слова *** правильно ***).

9. О возможности принадлежности рода автора к *хаксарам* см. Предисловие, с. 16.

10. Коран 23₁₀₃ (вместо слова *** правильно ***).

11. Перефразировка коранических стихов (ср. Коран 39_{30-36,62}).

12. Салман Фариси — сподвижник пророка Мухаммеда, происходил из крестьянской семьи родом из-под Исфахана. Подробнее: ЕІ. Т. 4, с. 116—117. Абу Лахаб — букв, “отец геенны огненной” — прозвище Абд ал-Узза б. Абд ал-Муталиба — идейного противника Мухаммада, выступавшего против его вероучения. Упомянут в Коране 111₁₋₄. См. ЕІ. Т. 1, с. 97-98.

13. В этом и аналогичных случаях нами опущены арабские стихи и выражения, переведенные нашим автором в последующих строках на персидский язык.

14. Ср.: “Счастливые берут примеры с деяний и трудов своих предшественников раньше, чем их поступки приводятся в пример их потомкам”.

Гулистан, гл. VIII, с. 211.

15. Коран 9₁₂₁.

16. Перефразировка коранических стихов (ср. Коран 9₁₂₁, 11₁₁₇, 12₉₀).

17. Происхождение этого житейского назидания мусульманская традиция приписывает пророку Мухаммеду.

18. В представлении образованного мусульманина Аристотель — мудрый наставник и советник Александра Македонского. Помимо легендарного представления об Аристотеле как о личности, на Ближнем Востоке еще до возникновения ислама были известны его ученые трактаты, переведенные на среднеперсидский и сирийский языки, см. EI. Т. 1, с. 432—434.

19. Букв, “не излучает никакого света”.

20. Одним из пяти основных символов веры, согласно исламу, был хадж — поклонение мусульманским святыням Мекки и Медины. Совершивший паломничество получал почетное прозвание хаджи. Ср. примеч. 74.

21. К названиям некоторых городов в персоязычной традиции прилагались постоянные эпитеты (см., например, у нашего автора — Высокочтимая Мекка, л. 3а; Обитель радости Фарах, л. 76б, 90а; Город верующих Астрабад, л. 37а; Обитель благочестия Йезд, л. 7а, и т. п.). Этими эпитетами авторы нередко заменяли подлинные географические наименования, ср., например, нашу рукопись л. 36а, 42а, 47б, 64б, где вместо названия Мешхед употреблено выражение “Святая земля”.

22. Описание барнабадского кладбища см.: Ма'ил Харави, с. 3—5.

23. Салм и Тур — персонажи поэмы Фирдоуси *Шахнаме*.

24. Тимуридские султаны. Абу Са'ид правил в Герате и Мавераннахре в 1457—1468-69 гг.; Хусайн Байкара правил в Герате в 1469—1506 гг.

25. О жанре стихотворных хронограмм см.: Бертельс. Навои и Джами, с. 40. Здесь хронограмма составляет сумму 972; у Барнабади цифрами написано 973. В

свете сказанного нашим автором, что им были утрачены списки хронограмм и он записывает их, полагаясь на память (л. 5а), ясно, что некоторые из них могут оказаться неточными. Не исключены также ошибки в счете. Текст хронограммы без указания даты, из нее выведенной, приведен Ма'илом Харави (с. 3). Там же рассказ о впечатлениях, вынесенных Ма'илом Харави от посещения этих бань.

26. К этому слову на полях рукописи по ошибке вторично приписана та же хронограмма, что и на последней строке л. 3б; цифрами снова написано 973 вместо 972.

27. О Вахид ад-дине Мухаммеде см. Предисловие, с. 16. Зайн ад-дин Тайабади, точнее, Зайн ад-дин Абу Бакр Тайабади упомянут среди знаменитых гератцев, похороненных в этом городе до середины XV в., см.: *Максад ал-икбал* (КИНА № 4202 шифр А 226), л. 5а. Нисба Тайабади встречается в сочинении Зайн ад-дина Васифи. Исследователем творчества этого поэта упомянут некий Махмуд Тайабади, состоявший при

Абдаррахмане Джами. Болдырев. Зайн ад-дин
Васифи, с. 105 и примеч. 175. Зайн ад-дин Тайабади
и Махмуд Тайабади жили почти в одно время.

28. О мечети ср. Ма'ил Харави, с. 3.

29. Стихи и фразы, приписанные на полях рукописи,
отмечены нами в начале и конце звездочками.

Хронограмма здесь составляет сумму 974; у нашего
автора цифрами написано 975.

30. Как мера земельной площади джариб был
различным в зависимости от местности и
конкретного исторического периода. В XVI в. Герат
входил в состав государства Сефевидов, где джариб
исчислялся округленно в 1 га (Хинц. Мусульманские
меры, с. 73). В то же время данные нашего источника
говорят о близости форм феодальных отношений
Герата и Бухары. Исследователи считают бухарский
джариб равным около 3 га (Давидович. Материалы
по метрологии, с. 129).

31. Мазар — гробница почитаемого святого; здесь —
гробница Вахид ад-дина Мухаммеда, возможно,

духовного наставника основателя рода Барнабади.
.Мы не располагаем сведениями о широком распространении культа поклонения этой гробнице, хотя она находилась на древних путях из Герата в Мешхед. Вакфами именовались имущества, завещанные в пользу благотворительных учреждений, в том числе мазаров. В данном случае мы имеем одну из форм вакфа — личный вакф, специально учрежденный для содержания фамилии Барнабади. Обязанности распорядителя этого вакфа (*мутавалли*) передавались по наследству старшему в роде, ср. Петрушевский. Земледелие, с. 247—248.

32. “Периодом смут” наш автор называет восстание афганского племени абдали в районе Герата и поход их на Исфahan —1716—1732 гг., см.: Арунова.
Гератское восстание.

33. = 974; Мухаммед Барнабади цифрами пишет 975.

34. Ма'ил Харави считает, что жизнь в Барнабаде невозможна без ирригации (с. 2). Там же помещена фотография этого канала.

35. Хронограмма составляет сумму 1020; Барнабади цифрами пишет 970. Очевидно, в тексте хронограммы допущена ошибка. Ср. выше, примеч.

26. Ма'ил Харави цитирует хронограмму, но подсчетов он, видимо, не производил.

36. Исма'ил правил в 1502—1524 гг., Тахмасп — в 1524-1576 гг.

37. Русский востоковед Н. Ханьков в 1859 г. писал, что в районе Герата можно было купить в подлинниках либо в копиях “большое количество самых интересных актов Тимуридской и Сефевидской эпохи”. Это свидетельство косвенным образом подтверждает сведения нашего автора о том, что старая землевладельческая знать этого района не имела возможности распоряжаться этими грамотами, см.: Ханьков. Отчет, с. 50.

38. Особый каллиграфический почерк, которым писались правительственные распоряжения.

39. Мухаммад б. шах Тахмасп (1576—1587 гг. правления). Наш автор, приводя копию грамоты,

датированную 1580 г., никак не объясняет видимого противоречия между заглавной строкой грамоты, где Мухаммад б. шах Тахмасп назван царевичем, и ее датировкой, каковая приходилась на годы правления этого шаха. Здесь возможны два объяснения: либо заглавие придумано нашим автором, помнившим о существовании грамот, выданных его предкам в период правления Мухаммеда в Герате в качестве наследного принца, и не заметившим расхождения датировки с заголовком; либо грамота была механически переписана с другой аналогичной, но более ранней по времени, причем писец, опять-таки не обратив внимания на указанное противоречие, проставил на ней новую дату — дату выдачи. Ср. ниже, примеч. 52.

40. Здесь в тексте по ошибке написано Тахир Мухаммад.

41. Один данг — одна шестая часть недвижимого имущества.

42. Пять из этих наименований встречается у Хафиз-и Абру в разделе “Вилайет Фушенджа”: Мискаран (в

форме Маскаван, причем графическое изображение букв * и * очень близко); Рузанг (в форме Руджанак); Дехран, Джанган и Рудж. См.: Хафиз-и Абру, с. 42.

43. *Арбаб* — букв, “господин”, точнее, землевладелец; кедхуда — термин, обозначавший в средние века государя, владельца. В дальнейшем значение термина сузилось. Здесь оно употреблено в смысле “деревенский староста”.

44. Векил - букв. “уполномоченный” — термин, которым обозначались государственные чиновники разных масштабов. В нашем сочинении, например, упомянут Наджм Второй — векил Исмаил-шаха (л. 43б). В этом случае имеется в виду должность, которая давала этому лицу в начале XVI в. всю полноту власти в государстве в отсутствие шаха. С другой стороны, отец нашего автора купил в 1767 г. для него, тогда беспутного 17-летнего юнца, должность векила гурийанского вилайета, чтобы приставить к какому-то делу. В этом случае имеется в виду незначительная должность участкового надзирателя за сбором налогов. Для уточнения

значений этого термина наш автор иногда употребляет пояснительные выражения: *векил ад-дауле* — уполномоченный государства, т. е. наместник (л. 73а), либо просто *векил* (л. 64а). *Векил* — не единственный случай многозначного употребления административного термина, ср., например, комментарий О. Ф. Акимушкина к термину *даруга* (Шах-Махмуд Чурас. Хроника, с. 293, примеч. 182).

45. *Амил* — букв. “действующий”. Как термин имеет весьма широкий диапазон, обозначающий лиц гражданской администрации от наместника, правителя области, до рядового агента. Здесь, очевидно, в значении “сборщик налогов”.

46. Манн как единица веса в различных районах сефевидского Ирана колебался в пределах от трех до шести кг (Хинц. Мусульманские меры, с. 30). Очевидно, в тексте грамоты имеются в виду именно такого рода манны, а не среднеазиатские, превышавшие 100 кг (Давидович. Материалы по метрологии, с. 85—94).

47. Хронограмма составляет сумму 914, а не 915, как указывает наш автор. Хронограмма приведена Ма'илом Харави (с. 5); ошибка в подсчете им не отмечена.

48. Хронограмма составляет сумму 990. Цитируется Ма'илом Харави (с. 5).

49. Хронограмма составляет сумму 941. См.: Ма'ил Харави, с. 6.

50. Цифровое выражение хронограммы 987. См.: Ма'ил Харави, с. 6.

51. Это историческое сочинение Искандар-бека Мунши посвящено шаху Аббасу I (1587—1629), поэтому его чаще называют *Тарих-и 'алам-ара-йи Аббаси*. Описание упомянутых событий см. по рукописи ЛО ИВАН, шифр С 444 (т. 1, л. 145а — 148а).

52. Явная неувязка лиц и событий: если речь идет о начальном периоде борьбы Аббаса за власть — 1581 г., то явиться к нему мог не Али Акбар, которому было тогда едва два года, а его дед Мухаммад Тахир.

Если же автор твердо помнил о свидании именно Али Акбара с Аббасом, то оно могло состояться в аналогичной ситуации в 1597 г. во время похода Аббаса в район Герата против кочевников. Ср. выше, примеч. 39.

53. *Заудж* — букв. “пара” — единица измерения посевных площадей, т. е. сколько пара волов могла обработать за сезон. По подсчетам П. П. Иванова, — 8—9 га (*Хозяйство джуйбарских шейхов*, с. 10 и 52). Такие же цифры приводит Е. А. Давидович (*Материалы по метрологии*, с. 123). Об институте сойургала (это слово мы переводим словом “лен”) см.: Петрушевский. *Земледелие*, с. 272—274.

54. Хронограмма составляет сумму 987.

55. Числовое значение этого выражения — 987.

56. Кладбище Баки' ал-Гаркад — старейшее в Медине, о нем см. ЕІ. Т. 1, с. 957—959; хронограмма составляет 1084, цитируется Ма илом Харави (с. 6).

57. О поэме *Абр-и гаухарбар* см.: Ма'ил Харави, с. 71—77.

58. Прежний шах Аббас, т. е. шах Аббас I, 1587—1629 гг. правления; шах Сафи — 1629—1642 гг.; шах Сулайман — 1666—1694 гг. Наш автор не упоминает правившего с 1642 по 1666 г. шаха Аббаса II.

59. О переписке Аршада с хорасанским беглербеком см.: Ма'ил Харави, с. 10—12.

60. О стихотворцах — современниках Аршада см.: Ма'ил Харави, с. 30; ср. Рипка. История литературы, с. 284.

61. Асаф б. Барахийя — легендарный везир царя Соломона. В представлении мусульман — эталон мудрого советчика, см. ЕІ. Т. 1, с. 476. Сулайман — библейский царь Соломон. В мусульманской традиции — мудрый, справедливый правитель всемирной державы, проницательный человек глубоких знаний и обширного кругозора, способный найти выход из любого положения. Его имя неоднократно упоминается в Коране. В легендах и сказках отмечается знание им языка птиц и животных, а также искусство волшебника, см. ЕІ. Т. 4, с. 519—521.

62. Обитель с двумя дверями — входом и выходом — это жизнь человеческая.

63. Этот стихотворный отрывок, принадлежащий перу Мухаммеда Аршада, приведен Ма'илом Харави (с. 14). В нашей рукописи на л. 8—21 Мухаммадом Ризой Барнабади переписаны из дивана Мухаммеда Аршада касыды в восхваление пророка Мухаммеда, Аби б. Абу Талиба, Аби б. Мусы ар-Ризы, шаха Сафи, несколько образцов его писем. Диван стихотворений Мухаммада Аршада в настоящее время хранится в Герате у одного из потомков. Ма'ил Харави видел эту рукопись (см. с. 46). Литературное наследие Мухаммада Аршада не входит в задачу настоящей публикации. Оно заслуживает самостоятельного изучения литературоведов. В этом отношении следует приветствовать начинание Ма'ила Харави, издавшего большое число выписок из его дивана (см. с. 6—41, 42—45, 71—77). При переводе *Тазкире* Мухаммеда Ризы Барнабади стихотворения его предка нами опущены.

64. Касыды — оды, газели — лирические стихотворения, *мукаттаат*, или кыт'а,— поэтические отрывки, руба'и — четверостишия, масневи — стихотворение, рифмованное по полустишиям. В трактате по поэтике Вахида Табризи техника исполнения этих видов стихотворений раскрыта следующим образом: “Знай, что стих бывает трех видов: касыда, месневи и мусаммат. Касыда — это такая [форма], в которой пишут несколько бейтов с единой рифмой, причем муфрад, руба'и, газель, кыт'а относятся к этой [форме]. Месневи — это такая [форма], в каждом бейте которой пишутся две рифмы. Мусаммат — это такая [форма], в которой один бейт составляют из четырех частей и в трех из них ставят одну и ту же рифму, а в четвертой части ставят основную рифму, на которой основано стихотворение” (Вахид Табризи. Джам'-и мухтасар, с. 37). При этом нужно иметь в виду, что единицей стиха — поэтической строкой в персидском стихосложении считалось двустишие — бейт (наш автор употребляет слово *фард*, то же *муфрад*), а не полустишие — *мисра'*.

65. Суждение о распространенности глазных болезней в районе Герата см.: Peggín. L'Afghanistan, с. 41.

66. Мухаммед Риза по ошибке отнес эту хронограмму ко времени рождения Мухаммеда Аршада. Этому противоречит и сумма числовых значений букв хронограммы, равная 1027/1617-18 (вместо 1025, как пишет наш автор), и его собственные слова о том, что такая хронограмма была сочинена на день рождения брата Мухаммеда Аршада — Мухаммеда Тахира (см. л. 23б).

67. Числовое значение выражения составляет 1104; быть может, здесь графическая ошибка — нужно читать вместо слова ***, либо вместо слова **. В этом случае хронограмме составит искомое число 1114. Эта же хронограмма приведена Ма'илом Харави (с. 41) в форме ***, что дает число 1298. Столь очевидная ошибка указывает на то, что Ма'ил Харави не подсчитывал хронограммы. Фотографию склепа Мухаммеде Аршеда см.: Ма'ил Харави, с. 44.

68. Элегия на смерть Мухаммеда Аршада нами не переводится. Ср. элегию, сочиненную нашим автором Мухаммедом Барнабади на смерть его отца, лл. 60б — 62а, текст и перевод.

69. Коусар — название райского источника.

70. Хронограмма дает год 1082/1671-72. Цитируется Ма'илом Харави (с. 45).

71. Цифровое выражение хронограммы — 1027, ср. выше, примеч. 66.

72. Селение Шабаш на пути Герат — Мешхед упомянуто в книге Ф. Бакулина (Заметка о путях на Восток, с. 93) в форме Шабеш.

73. Хронограмме составляет число 1030.

74. Свидетельствование, пост, хадж, намаз — четыре из пяти основных символов веры мусульманина, ср. выше, примеч. 20.

75. Хронограмме составляет число 1085. Приведено Ма'илом Харави (с. 46) без указания на

несоответствие тексте хронограммы ее числовому выражению.

76. Одна строка после этих слов оставлена незаполненной, возможно, для того, чтобы выделить имя Абу-л-Фатха киноварью.

77. Здесь по ошибке переписчика пропущено одно слово, обозначающее положение луны.

78. Хронограмма составляет число 1032. Ср. примеч.

71. Разница в счете получается благодаря употреблению глагола в разных формах: *** = 802, *** = 807.

79. Ризван — имя ангела, привратника рая.

80. Числовое значение этого выражения — 1104.

81. Коран 55₅₈.

82. *Мухаммасы* — пятистрочные строфы с одинаковой рифмой; *масневи* — см. примеч. 64, *мукаттааты* — мелкие стихотворения, стихотворные отрывки. Возможно также понимание этого слова как формы множественного числа от ***

— букв, “разрезанный на куски” — стихотворение, в строках которого подобраны буквы, графически не связанные между собой. *Мустазад* — стихотворение, в котором к каждому бейту добавлена особая строка, имеющая самостоятельную рифму. В этом пассаже содержатся намеки и труднопереводимая игра слов: четырежды высокодостойные четверостишия, пятистопные стихи посвящены пяти святым; масневи (букв, “двойной”) достойны двух глаз пророка; *мукаттааты* (отдельные стихи) посвящены каждому имаму в отдельности; самостоятельная рифма *мустазадов*, придающая особенность этой форме стихотворений, намекает на особенности деяний сподвижников пророка; высказывания законоведов заслуживают панегириков; свойства мудрецов — воспевания в лирических стихотворениях.

83. *Муамма* — стихотворная загадка; словом “шарады” мы переводим слово *лузз*, о котором в трактатах по стихосложению говорится: “Эта фигура — то же самое, что му'амма, кроме того, что в ней

говорят путем вопросов, и персы эту [фигуру] называют чистан” (Вахид Табризи. Джам'-и мухтасар, с. 128, примеч. 187).

84. *Мусаддас* — стихотворение шестистопного метра; тарджи'банд — стихотворение с рефреном их двух рифмующихся полустихий; айат — стих Корана.

85. Коран 2₁₅₁.

86. Коран 23₁₄.

87. Букв. “обладатели барабана и знамени”.

88. Фараздак Йамини — современник Хакани (род. между 1120 и 1122 г., ум. в 1198/99 г.) — один из наиболее уважаемых поэтов и великих ученых. О его жизни почти ничего не известно. Таки Аухади в своем *Тазкире* приводит его стихи, см.: Риза-Кулихан. Маджма' ал-фусаха. Т. 1, с. 380— 381. Фирдоуси (934—1020-21). О Камале Худжанди см.: Хусайн Табризи. Раузат ал-джинан. Ч. 1,

89. Птица Анка — сказочная птица феникс, обитающая на краю земли на горе Каф.

90. См. выше, примеч. 58.

91. Библейский царь Нимруд по мусульманской традиции символизирует тирана, поднявшего меч на самого господа бога. Подробнее см. ЕІ. Т. 3, с. 842—844. Племя Самуда вошло в поговорку своей многочисленностью.

92. Селение Шаде в числе принадлежащих вилайету Фушенджэ упомянуто: Хафиз-и Абру (с. 42).

93. Коран 56₁₀₋₁₁

94. О термине *даруга* см. комментарии О. Ф. Акимушкина к его изданию: Шах-Махмуд Чурас. Хроника, с. 293, примеч. 182.

95. *Таваф* — ритуал хождения вокруг храма Ка'бы, называемого нашим автором домом Аллаха.

96. *Чахарбаг* — термин, не имеющий пока четкого определения в научной литературе. Сводку суждений по этому вопросу см.: Чехов ч. Самаркандские

документы, с. 393, примеч. 117. В нашем памятнике значение его, очевидно, близко к тому, которое П. П. Иванов сформулировал как “барская усадьба, располагающаяся среди окружающего ее поместья” (Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, с. 35). В данном конкретном случае, по-видимому, предполагается уединенный флигель с примыкающим к нему наделом, с которого мог прокормиться удалившийся на покой патриарх рода со своей женой и челядью.

97. По мусульманской традиции, библейский Моисей считается предтечей Мухаммада. Он неоднократно упоминается в Коране. Среди прочих его достоинств особо подчеркивается владение волшебными чарами, в частности, Моисей мог положить руку в огонь и не обжечься, см. Е1. Т. 3, с. 738—739.

98. См. выше, примеч. 42.

99. *Фард* — в значении “половина зауджа”, ср. выше, примеч. 53.

100. Стихи Абу Талиба нами опущены. Образцы его творчества см.: Ма'ил Харави, с. 48—51.

101. Об Асадулла-хане Абдали см. также: М. Р. Арунова. Гератское восстание, с. 156—157.

102. В тексте по ошибке: своего деда.

103. См.: Ма'ил Харави, с. 47.

104. Хронограмма составляет число 1051.

Хронограмма, приведенная Ма'илом Харави (с. 46), содержит ошибку в написании глагола: нужно *** вместо *** . В приведенном Харави варианте сумма составляет 1071.

105. Хронограмма составляет число 1130, приведена Ма'илом Харави (с. 47).

106. Хронограмма составляет число 1129.

107. Хронограмма составляет число 1183.

108. Числовое значение этого выражения — 1190.

109. Коран 14₃₇.

110. Год в тексте пропущен.

111. Хронограмма составляет число 1212.

112. Коран 27₃₄

113. Надир-шах Афшар, 1736—1747 гг. правления.

Будущий Надир-шах в первый раз овладел Гератом в 1729 г. в качестве командующего иранскими войсками. После ухода войск в Герате была восстановлена власть афганцев абдали, и Надиру пришлось в 1732 г. вторично брать город.

114. Селение Сабул упомянуто Хафиз-и Абру среди причисляемых к вилайету Фушенджа (Хафиз- и Абру, с. 42).

115. В числе подвластных Герату местностей при перечислении селений *** Хафиз-и Абру называет на первом месте Кух-дастан (Хафиз-и Абру, с. 24). Третье появление Надир-шаха в Герате относится к июню 1740 г., после индийской кампании (Lokhart. Nadir Shah, с. 186—187). Очевидно, Абу-л-Фатх исполнял обязанности везира Бадгиса с 1732 по 1740 г.

116. Надир-шах двигался к Балху по дороге через Маручак — Андхой. Путь занял, видимо, около месяца (ср. Lokhart. Nadir Shah, с. 186 —187). Смерть Абу-л-Фатха следует датировать концом июля 1740 г.

117. В 20—30-х годах XVIII в. Астрабад был центром туркменского племени каджаров, уже тогда игравшего значительную роль в истории Ирана. В конце того же века Ага Мухаммед Каджар был провозглашен шахом Ирана (1779—1797).

118. Мухаммад Хасан-хан Каджар в 1750—1770 гг. правил в Мазандеране в качестве главы племени.

119. Махалла-йи Сабз-и Машхад — район, примыкавший к северным воротам Астрабада. Ворота тоже назывались Сабз-и Машхад. см.: Rabino. Mazandaran and Astarabad, с. 72 — 73. Там же топографическое описание всего города Астрабада (с. 71—77).

120. После л. 38а текст продолжается на л. 40а, так как л. 38б не заполнен, а л. 39аб относится к

переписке автора и должен быть помещен между л. 106 и 107.

121. Коран 26₈.

122. Коран 73₂₀.

123. Букв. “Чем ближе запрет, тем дальше осуществление”. Под запретом разумеется малая степень родства.

124. Коран 2₁₇₇. Последние четыре строки грамоты написаны по-арабски. Заключительную формулу ср.: Бухарский вакф XIII в., с. 73, стк. 191 — 197.

125. Почерк насталик — наиболее распространенный на персидской почве.

126. Надир-шах был убит в июне 1747 г. под Хабушаном (в Хорасане).

127. Мухаммед Риза Барнабади по-разному интерпретирует слово *аймак*. Здесь — как имя собственное. Ср. ниже, примеч. 154. Под “периодом здешней сумятицы” автор подразумевает полосу

феодалных усобиц, вспыхнувших вслед за убийством Надира.

128. Т. е. скончался.

129. Хронограмма составляет число 1220. Очевидно, эта хронограмма относится к другому событию.

130. В обоих случаях = 1160.

131. Ахмад Джам, или Ахмад-и Джам,— полное имя Абу Наср Ахмад б. Абу-л-Хасан ан-Намики ал-Джам (1049—1142). Особо почитаемый мазар этого шейха находится приблизительно на половине пути из Герата в Мешхед. Он дал название городку, существующему до наших дней,— Турбат-и Джам.

132. Сочинение *Бахр ал-ансаб* см. рук. С 1861, л. 36а—59б собрания ИВАН СССР (КИНА № 292).

133. См. ниже, л. 77б (текст и перевод).

134 Ахмад-шах Дуррани, 1747—1773 гг. правления. Завоевание Герата в 1750 г. стоило Ахмад-шаху больших усилий, см.: Ганковский. Империя Дуррани, с. 19.

135. Хронограмма составляет число 1181.

136. Мирза Ахмад Наджм Второй — полководец Наджм ад-дин Йар-Ахмад Исфакхани (ум. в 1512 г.), осуществлявший подчинение Средней Азии власти сефевидского шаха Исмаила. Почетное прозвание Наджм Второй было ему присвоено при назначении его на пост главного везира в отличие от предшественника Наджм ад-дина Заргара — Наджма Первого (Наджм — букв, “звезда”). Ср. Болдырев. Зайн ад-дин Васифи, с. 328, примеч. 185. О значении термина “векил” см. выше, примеч. 44.

137. *Хабиб ас-сийар* — историческое сочинение Гийас ад-дина б. Хумам ад-дина Мухаммеда, известного как Хондемир (1475—1536). О *Тарих-и алам-ара-йи Иран* см. выше, примеч. 51.

138. Фарах — город примерно в трехстах км к югу от Герата на дороге к Кандагару. Исфизар назван Хафиз-и Абру в 20 фарсах от Герата по дороге на Фарах (Хафиз-и Абру, с. 40), т. е. в районе Себзеvara (нынешнего Шинданда).

139. Надир-шах Афшар, см. выше, примеч. 113; Али-шах в исторической литературе обычно именуется несколько иначе — Али-Кули-хан или Адил-шах, племянник Надир-шаха (1747—1748). Его правление продолжалось всего несколько месяцев, власть признавалась фактически только в районе Мешхеда. Шахрух-шах, внук Надира, правивший в Мешхеде (1748—1796, с 1754 г. в качестве вассала Ахмад-шаха Дуррани), об Ахмад-шахе см. выше, примеч. 134.

140. Тимур-шах Дуррани, 1773—1793 гг. правления.

141. Земли *халисе* при Сефевидях — государевы домены. Подробно об этом виде землевладения см.: Minorsky. Tadhkirat al-muluk. Commentary, с. 147—148.

142. Район Инджиль *** упомянут Хафиз-и Абру. Среди селений, принадлежащих к этому булуку, названо селение Джабраил (Хафиз-и Абру, с. 18).

143. После этих слов оставлено незаполненным место для трех строк. О Дервиш Али-хане ср. ниже,

л. 46б, 47б—48а (текст и перевод). Ср. также
Бларамберг. Обзорение, с. 285.

144. Более точно установить местоположение
крепости Марс не удалось.

145. Одно слово неразборчиво.

146. *Джарийе* — служанка в доме.

147. Листы перебиты: после л. 44б следует 46а.

148. Любопытно, что в *Зиб-и тарихха* к этим же
годам относится сообщение о слуге-калмыке по
имени Афрасиаб. Он исполнял обязанности
посыльного при царевиче Хумайуне в период борьбы
того за власть с Тимур-шахом (см.: Хусайн Али.
Украшение летописей, л. 14а, пер. Волошиной, с. 36).
Возможно, имеется в виду то же лицо, что и
упомянутое нашим автором.

149. *Саркар* — управляющий; иногда иносказательно
— шах. В частности, здесь имеется в виду, что слуга
не хотел жить во дворце шаха, убегая в дом отца
автора, который считал своим родным домом.

150. Харвар — букв. “вьюк осла” — в Средней Азии считался равным 170—175 кг (Давидович. Материалы по метрологии, с. 106), в Иране примерно 300 кг; в Кандагаре XVI в.— 250 кг (Хинц. Мусульманские меры, с. 43).

151. Селение Навин булука Инджиль упомянуто Хафиз-и Абру (с. 18).

152. Очевидно, имеется в виду хаджи Каримдад-хан Дуррани, упоминаемый также в “Хронике” Махмуда ал-Хусайни, л. 460б.

153. О функциях и должности глашатая (в нашем тексте — *чарчибаши*) см.: Ганковский. Империя Дуррани, с. 54. Как видим по нашему тексту, помимо функций передачи шахских фирманов носитель этой должности исполнял поручения, близкие к обязанностям стражников-телохранителей.

154. Здесь, как и на л. 42а, аймак — имя собственное.

155. Тиул — временное условное пожалование земельного владения.

156. Последние две с половиной строки на л. 47б оставлены незаполненными.

157. В тексте грамоты “наибы”.

158. Термин *хавали* употребляется в нашем сочинении в значении “двор”, “хозяйство”.

Мухаммед Риза упоминает о большом и малом хавали в Герате, о хавали в Барнабаде. Мы переводим этот термин словом “подворье”, которым в начале XIX в. в России обозначалась обособленная хозяйственная единица как в городе, так и в деревне.

159. Возможен также перевод: “жаждущий встречи с минаретом”.

160. Т.е. заверяет в искренней дружбе.

161. Под скатертью подразумевается лист письма.

162. Далее перебитые листы 45аб.

163. Букв, “страдальцев кабачка истины”.

164. *Тарикат* — путь духовного совершенствования суфиев.

165. Букв, “столпотворение в день Страшного суда”.

166. Букв. “вверх-вниз”.

167. Букв, “в саду приема содержателей молелен [сего] царства и в розарии прибытия (т. е. в раю)”.

168. Букв. “знатоков божественной страны”.

169. Букв, “связывающих букеты роз”.

170. Букв. “просителя приюта искренности”.

171. Имя самого знаменитого персидского художника-миниатюриста, уроженца Герата (род. в середине XV в., ум. в 1536-37 г.). Биографию см.: Персидские миниатюры, с. 15. В персидской литературе Бехзад часто выступает как “идеал художника” (см. комментарии Заходера: Кази-Ахмед. Трактат о каллиграфрах и художниках, с. 58, примеч. 2).

172. Букв, “кроме как передав блеск внутреннего разумения”.

173. Имя человека, вошедшего в поговорку благодаря своему красноречию.

174. Употреблено слово агдас *** букв.

“наисвященнейший”, эпитет города Мешхеда. В других местах текста встречается также выражение ***, букв, “наисвященнейшая земля” (переводим как Святая земля). Ср. л. 35б *** — Священный Мешхед и примеч. 21.

175. Автор письма хочет сказать, что он так же мучительно жаждет встречи с адресатом, как пьяница стремится в кабак, чтобы избавиться от мучений похмелья.

176. Каин — город примерно в 270 км к юго-западу от Герата на караванном пути из Мешхеда в Керман или Захедан, ср. Бларамберг. Обозрение, с. 30.

177. Букв. “до той поры, пока просторы небесного цветника обращены к вечноцветущим розам”.

178. Тебес — город примерно на половине пути из Мешхеда в Йезд, на границе с пустыней Дешт-е Кевир.

179. Последние четыре с половиной строки на л. 58б не заполнены. На л. 59а продолжается повествование об отце автора, прерванное включением в текст копий грамот и писем (л. 48а—58б).

180. *Латаиф аз-зараиф* или *Латаиф ат-таваиф* — сочинение Фахр ад-дина Али б. Хусайна ал-Ва'иза ал-Кашифи ас-Сафи (ум. в 1533г.). О литографированном издании этих анекдотов (Бомбей, 1894) см. КЛК № 1483.

181. Второй аббасидский халиф ал-Мансур (754—775). *Хаджиб* — привратник, который оберегает правителя от докучливых посетителей. Раби б. Йунус б. Абдаллах (730—786) — всесильный временщик при ал-Мансуре. Происходил из рабов. Подробнее см. EL Т. 3, с. 1089.

182. Цитируемый нашим автором анекдот приведен на с. 25 упомянутой бомбейской литографии *Латаиф ат-таваиф* (см. примеч. 180). Другие рассказы об имаме Мухаммаде Бакире см. там же, с. 24—26. Анекдоты с участием халифа ал-Мансура и Раби б. Йунуса встречаются у Ауфи (см. № 510,

1082, 1316, 1576, 1807, 2107). О кладбище Баки' ал-Гаркад см. выше, примеч. 56.

183. Хронограмма составляет число 1143. В тексте допущена описка: вместо *** надо *** . Тогда хронограмма составит сумму 1138.

184. Коран 55₂₆ и 3₁₃₂ (вместо слова *** надо ***).

185. Если эти слова не поэтическая фигура, а соответствуют действительности, то элегия была написана автором не под свежим впечатлением от события, как можно понять из текста сочинения, а в 1799 году.

186. Во всех трех случаях хронограмма взятых в кавычки слов составляет 1206.

187. *Анвар-и Сухайли* — сочинение Хусайна б. Али ал-Ва'иза ал-Кашифи (ум. в 1505 г.), ср. выше, примеч. 180, где упоминается его сын.

188. Оба — местность в долине Герируда примерно в 100 км к востоку от Герата на пути в Кабул.

189. Туркабад — упоминается Хафиз-и Абру в числе поселений вилайета Фушендж (Хафиз-и Абру, с. 42) и в булуке Аланджан (там же, с. 19).

190. Т. е. мы прозреваем, только испытав горечь обид.

191. Автор намекает на события 1799 г., когда Махмуд был вынужден бежать за помощью к Каджарам, см. ниже, л. 82б (текст и перевод).

192. Коран 59₂. Ср. примеч. 274 и 311. Надо: ***.

193. Хронограмма составляет число 1164.

194. Следовательно, эти слова были написаны автором в 1807 г.

195. Прозвания учителей характерны: Кари — букв. чтец Корана. Мафтун — поглощенный [знаниями]; Джамии — всеобъемлющий.

196. О круге мусульманской образованности см. выше, с. 22.

197. Предание о поисках живой воды Александром Македонским нашло отражение и в Коране, и в творчестве корифеев персоязычной литературы. Подробнее см.: Бертельс. Роман об Александре, с. 15, 31, 63. 86.

198. Букв. “помешанные на занятиях алхимией”, т. е. люди, занимающиеся пустым делом.

199. Фахр ад-дин Махмуд б. амир Йамин ад-дин Тугра Фариумади (1286-1369).

200. Хронограмма составляет число 1191.

201. Числовое значение этого выражения — 1190, в тексте цифрами написано 1191.

202. Хронограмма составляет число 1197. Это же число поставлено на полях рукописи.

203. Хронограмма составляет число 1193; последние две хронограммы надо поменять местами.

204. Мерв Шахджан (Мерв Дражайший) — эпитет города (ср. выше примеч. 21); в средние века это название прилагалось к Большому Мерву в отличие

от Малого Мерва, или Мерверруда (Мерва-на-реке), см.: Le Strange. The lands of the Eastern Caliphate, с. 398—399.

205. Очевидно, имеется в виду поход войск Тимуршаха под командованием Мадад-хана в Индию в 1787 г.

206. *Ихраджат* — сборы на содержание разных чинов государственного аппарата, см.: Петрушевский. Земледелие, с. 389; *союрсат* — съестные припасы, которыми сельские жители были обязаны снабжать проезжающих чиновников. Подробнее: Бларамберг. Обзорение, с. 41.

207. Мирза Мумии Джаджерми упомянут в хронике Махмуда ал-Хусай-ни *Тарих-и Ахмадшахи*, л. 616б — 617а.

208. Т. е. опустеют. Рубаб — струнный музыкальный инструмент.

209. Хронограмма составляет число 1207. Это же число написано под строкой.

210. В числовом выражении дает сумму 1211.

Хронограмма слова *тарих* также составляет число 1211.

211. = 1212

212. После этой фразы пропуск текста в три-четыре слова.

213. Числовое значение этого выражения — 1217.

Написано *** надо ***. Написание не меняет хронограмму.

214. В обоих случаях — 1221. Эта же сумма цифрами проставлена под обоими выражениями.

215. Букв. “старец, облаченный в зеленое”.

216. Букв. “возделанный роком”.

217. Хронограмма составляет число 1192.

218. В числовом выражении дает сумму 1198.

219. Хронограмма составляет число 1195.

220. Хронограмма составляет число 1212.

- 221.** Употреблено выражение *** , что может означать и “штукатурные работы” от слова *** — “глина”, и “цветоводство” от слова *** — “цветок”.
- 222.** Т. е. безрадостной жизни.
- 223.** Букв. “одетого в одежды милосердия [божьего]”.
- 224.** Придворные должности, как правило, оплачивались претендентом наперед.
- 225** Употреблено слово “нукеры”.
- 226.** По поверью, в период междуцарствия птица феникс парит в воздухе. Кому она сядет на голову, того и возводят на царство.
- 227.** Селение Хиндубан упомянуто Хафиз-и Абру среди селений булука Аланджан (Хафиз-и Абру, с. 19). По словам комментатора издания, оно существует и в наши дни (см. там же, с. 81).
- 228.** Употреблен термин *кулларагаси*. Ганковский уточняет этот термин как “командир гвардейской кавалерии” (Империя Дуррани, с. 124).

229. Конструкция предложения необычна для персидского языка; возможен пропуск текста. В последнем случае вероятен перевод: “А Хусайн Али раздарил и раздал 200 [и] 229 туманов”.

230. Суммы обозначены по специальной системе знаков — *сияк*, используемой на Ближнем Востоке в бухгалтерии (см. также Предисловие, с. 28).

231. Заххак — отрицательный персонаж поэмы Фирдоуси *Шах-наме*. Традиционный образ злобного тирана.

232. *Сиге* — временная жена.

233. *Гулистан*, гл. I, 40; рамазан — месяц великого поста.

234. Харис — один из полководцев халифа Муавии (661—680). Ибн Са'д возглавлял армейский корпус, направленный против имама Хусайна, особо почитаемого персами. Шимр — человек, своей рукой убивший Хусайна. Эти имена в персидской шиитской традиции — символ свирепости и жестокости.

235. События в Кербеле — намек на убийство 10 октября 680 г. в Кербеле имама Хусайна (см. примеч. 234 и 236). Название города *** изображено нашим автором графически в виде двух слов, дабы обыграть их значение: *** “печаль, грусть, горе”; *** “несчастье, бедствие, насилие, притеснение”.

236. Йазид б. Муавийа — второй омейядский халиф (680—683). В шиитской традиции Йазид — символ жестокости в связи с тем, что в начале его правления был убит имам Хусайн. Подробнее: ЕІ, Т. 4, с. 1162—1163.

237. Зар' — мера длины, “локоть”, в пределах 50—100 см (Чехович. Самаркандские документы, с. 404, примеч. 254). Хинц исчисляет зар приблизительно 80 см (Мусульманские меры, с. 64); Давидович, проанализировав применение этого термина в большинстве районов Средней Азии, называет 106 см (Материалы по метрологии, с. 110—116).

238. Селение Карта упомянуто в сочинении Хафиз-и Абру среди принадлежащих к булуку Инджиль (см. Хафиз-иАбру, с. 18).

239. Ахмадшахи — город, начатый строиться при Ахмад-шахе. Ныне Кандагар. Прежний Кандагар был в 1738 г. разрушен Надир-шахом и более на старом месте не восстанавливался.

240. Фируз ад-дин — шестой сын Тимур-шаха. *Зиб-и тарихха* (с. 28) называет восьмерых старших из двадцати четырех сыновей Тимур-шаха: Хумайун, Махмуд, Заман, Аббас, Айуб, Фируз ад-дин, Джахан, Кухан-дил. Ср. Абдул-Керим Бухари, с. 91.

241. Употреблены термины — *тишихидмат* и *сахибкар*.

242. Шахзаман — более употребительно это имя в форме Заман-шах (1793—1801). Это сражение решило на том этапе исход борьбы за власть между Махмудом и Заманом в пользу последнего. Махмуд был вынужден бежать за помощью к Каджарам (см. ниже, л. 76б, текст и перевод; также: Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 39).

243. Такие переходы из одного враждующего лагеря в другой были типичными в периоды феодальных междоусобиц.

244. Употреблено выражение *** .

245. В “табели о рангах” дурранийского двора должность старшего конюшего — одна из наиболее значительных (Ганковский. Империя Дуррани, с. 54). Гератский двор в этом отношении копировал столичный.

246. Букв. “шею”.

247. Истар = 20 г (Хинц. Мусульманские меры, с. 21); в Бухаре = 21,6 г. (Давидович. Материалы по метрологии, с. 82).

248. Букв. “побуждали меня смотреть на дорогу”.

249. О разногласиях Махмуда с Фируз ад-дином см. *Зиб-и тарихха* (с. 133), где Фируз ад-дин предлагает переметнуться к Хумайуну.

250. Имена героев *Шах-наме*. Они олицетворяют мудрость, доблесть и прочие положительные качества.

251. Игра слов: в переносном значении “розовощекие” — в чести, “чернолицые” — опозоренные.

252. Ср. *Зиб-и тарихха*, с. 128.

253. Коран 2₂₁₃.

254. Клыч-хан Тимури — военачальник Заман-шаха. О нем см. ниже, л. 84а (текст и перевод).

255. Ахмад-хан нурзай возглавлял корпус, отправленный Заман-шахом против Хумайуна, см. *Зиб-и тарихха*, с. 143—145.

256. Т. е. в приемную Заман-шаха.

257. Бидил (1644—1721). О нем см.: Иржи Бечка. Таджикская литература, с. 355—359.

258. Коран 5₅₆.

259. *Малийат* в значении подати, пошлины, налог натурой ср. Бларамберг. Обозрение, с. 41.

260. Отравление лечили промыванием желудка.

261. *Зиб-и тарихха* датирует это событие 1797 г.

262. *Кеджаве* — крытые сиденья, располагавшиеся по обеим сторонам вьючного животного.

263. Мир Али — очевидно, Мир Али Шир Наваи (1441—1501). Трудно сказать, кого имеет в виду наш автор под именем Эмира. Быть может, Амир-шахи Себзевари, автора сочинения *Маджалис ан-нафаис*. Диван этого автора см. в коллекции ЛО ИВАН (КИНА № 1517). Возможно, однако, что Мухаммад Риза имеет в виду не поэтов, а каллиграфов.

264. *Нафахат ал-унс* — сочинение, содержащее 1616 биографий ученых, святых, мистиков, принадлежит перу крупнейшего персидского поэта Абдаррахмана Джами (1414—1492).

265. *Абр-и гаухарбар* — сочинение предка нашего автора Аршада Барнабади, см. выше, примеч. 57.

266. Коран 18₆₆.

267. Автор стихотворения хочет сказать, что мир и его население пронизаны фальшью.

268. Помимо традиции называть близких родственников (племянников, внуков) одинаковым именем существовал обычай дарования почетных прозваний придворным. Круг этих прозваний был невелик, поэтому при различных дворах мелькают разные лица с одинаковыми прозваниями. Так, из источников дурранийского круга известны по крайней мере три Каримдада (букв. “жалующий великодушие”): Каримдад Дуррани (см. выше, примеч. 152), Каримдад Бамзаи (см. *Зиб-и тарихха*, с. 20—21, 44—45, 50) и упомянутый нашим автором Каримдад Тимури. В тех случаях, когда родо-племенная принадлежность данного лица автором не отмечена, идентификация оказывается делом чрезвычайно сложным.

269. Наиб — в первый раз в прямом значении — заместитель, наместник.

270. Букв.: “на чьей шее”.

271. Очевидно, здесь имеются в виду события накануне кончины Тимур-шаха, а не в начале его правления. Поэтому сомнительно, чтобы этого человека можно было идентифицировать с Шукурханом, племянником мятежного везира Шах Вали, который был казнен вскоре после прихода к власти Тимур-шаха, см. *Зиб-и тарихха*, с. 30.

272. Мульки — частновладельческие земли.

273. Буквальный перевод первой строки: “В центре твоих глаз — зрачок”. Здесь непереводаемая игра слов, так как слова “зрачок” и “люди” пишутся по-персидски одинаково — *** .

274. Коран 59₂. Надо *** .

275. Кайсар — сын шаха Замана, см.: Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 36 и др.

276. Хакани, точнее, Афзал ад-дин Бадил (Ибрахим) б. Али Хакани Ширвани, персидский поэт, принадлежавший к так называемой

Азербайджанской школе (1121-22—1199);
подробную справку о нем см.: Рипка. История
литературы, с. 200—206.

277. В *Зиб-и тарихха* рассказывается, как за измену
царевичу Хумайуну был застрелен Аллаверди-хан.
Поскольку его родо-племенная принадлежность
автором не указана, не представляется возможным
достоверно идентифицировать его с упомянутым в
нашей рукописи Аллаверди-ханом Шамлу (см. *Зиб-и
тарихха*, с. 141).

278. Каримдад арзбеки, возможно, тот самый
Каримдад-хан Бамзаи, который не только исполнял
обязанности докладчика при Тимур-шахе, во и
командовал значительными военными
контингентами Тимур-шаха в Лахоре и Кашмире,
см.: *Зиб-и тарихха*, с. 44—45.

279. Бурдж-и хак — юго-западная башня Герата, ср.:
Махмуд б. Вали. Море тайн, с. 82.

280. В поэме названы имена целого сонма антигероев
мусульманской традиции, вобравшей, как здесь

видно, и народные представления, и легенды, и религиозные писания, и литературные образы, ср. примеч. 231, 234— 236.

281. Наш автор точно датирует это событие, в общих чертах освещенное в научной литературе, см., например: Риштия. Афганистан в XIX веке, с 39.

282. *Гулистан*, гл. II, 6, с. 102.

283. Рахматулла-хан Садозай, по словам Риштия, был первой фигурой после Заман-шаха. После ослепления Заман-шаха в 1801 г. Рахматулла по приказу Махмуда был казнен, см.: Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 35—37, 41. Значение имени Рахматулла — букв. “милость Аллаха” — обыгрывается в нижеприведенной газели.

284. О карьере Пайанда-хана см.: Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 32—38.

285. Об Афзал-хане см.: *Зиб-и тарихха*, с. 143—145.

286. Это произошло в 1801 г.

287. Коран 2₁₃. Цитируя этот аят, автор опустил первое слово — союз “и”; вместо *** надо: *** .

288. О нем. см. выше, примеч. 254.

289. Малик Касим — сын царевича Фируз ад-дина.

290. Иляты — кочевники.

291. Здесь непереводаемая игра слов: нурийцы — народность, основа этого слова “нур”, что значит “свет”, нарийцы — такого народа нет, но основа этого слова “нар”, что значит “огонь”.

292. Коран 2₇₅.

293. Джадил Дуррани — прародитель племени.

294. Коран 99₈.

295. Игра слов: прозвание Ниджабат-хан — букв. “хан благородства”.

296. Фатхи-хан баракзай, сын Пайанда-хана, виднейшего представителя племенной знати, казненного Заман-шахом незадолго до окончательного поражения. Фатхи-хан помог

Махмуду захватить престол. Об этом периоде его карьеры см.: Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 38—41.

297. Имеется в виду библейский Иосиф. В мусульманской традиции среди прочих эпизодов, связанных с его именем, рассказывается о том, как он послал свою рубашку слепому отцу Якову и тот, издали почувствовав ее запах, прозрел, см. ЕИ. Т. 4, с. 1178—1179.

298. Имя нечестивого царя, основателя садов Ирама,— символ тирана-притеснителя.

299. Букв. “не упустил ни одной возможности”.

300. См. выше, примеч. 234 и 236.

301. О городе Фушендже, центре вилайета, см.: Хафиз-и Абру (с. 42), где Фушендж помещен в шести фарсах (ок. 40 км) к западу от Герата.

302. Зинджан и Шакибан упомянуты Хафиз-и Абру (с. 42), Шекибан упомянут также и Бакулиным (Заметка о путях на Восток, с. 94).

- 303.** О налоге *ихраджат* см. выше, примеч. 206.
- 304.** Джизья — налог, взимаемый в мусульманских странах с иноверцев.
- 305.** *Мухтасиб* — блюститель нравов; основная функция — надзиратель за правильностью базарных мер и весов.
- 306.** Все названные автором пункты расположены в непосредственной близости от Барнабада.
- 307.** Перечислены имена антигероев шиитского пантеона. Ср. выше, примеч. 234 и 236.
- 308.** Числовые значения выделенных в тексте слов *** и названия *** — 486 и 1267, что никак не соответствует искомой дате.
- 309.** Числовые значения выделенных киноварью букв составляют 4221/1806-07. Это же число цифрами обозначено под строкой текста.
- 310.** Одно слово — по смыслу название местности — написано неразборчиво: Йакдашб (?), Бакдашб (?).

311. Коран 59₂. Ср. выше, примеч. 192 и 274.

312. В тексте ошибочно: Барабад.

313. Точнее, Абу Муса Абдаллах б. Кейс ал-Аш'ари (621—662-3 гг. жизни), губернатор Басри и Куфы. В борьбе Али с Муавией не придерживался ни той, ни другой стороны (ср. выше, примеч. 234—236). ЕИ. Т. 1, с. 481.

314. Сийавуш — герой персидского эпоса *Шах-наме* Фирдоуси.

315. Сюжет о неразделенной любви Зулайхи к Йусуфу (библейскому Иосифу Прекрасному) неоднократно использовался в арабской и персидской литературе.

316. Йакуб — библейский Яков, см. выше, примеч. 297.

317. Существуют два селения с таким названием: Турбат-и Джам — примерно на половине пути Герат — Мешхед (ср. выше, примеч. 131) и Турбат-и Хайдери — примерно в 100 км к югу от Мешхеда на

пути в Бирдженд. Здесь речь идет, по-видимому, о первом.

318. Букв. “Смысл этого — запрет держать слово, [данное] безродному”.

319. Коран 14₄₃ (вместо *** надо ***) и 26₂₂₈

320. См. выше, примеч. 199.

321. Род Бармакидов персидского происхождения. Представители этого рода служили везирами при халифах. В персидской традиции Бармакиды символизируют мудрость.

322. Аухад ад-дин Али б. Вахид ад-дин Мухаммед б. Исхак Анвари (1126—1169-70). Краткие сведения о его жизни и творчестве см.: Рипка. История литературы, с. 195.

323. Ср. Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 54, примеч. 1.

324. Хронограмма составляет число 1222.

325. Царевич Малик Хусайн сын царевича Фируз аддина (ср. выше, примеч. 240), см. Риштия.

Афганистан в XIX веке, с. 54 и 69.

326. Пастбище Пир-Нейтаз под названием Чемени-Пири-Нейтаз упомянуто у Бларамберга (Обозрение, с. 281).

327. Коран 12₈₇.

328. Мухаммад Вали-мирза — губернатор Мешхеда, правивший от имени каджарских правителей Ирана, см.: Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 54, примеч. 1.

329. Персидский поэт ходжа Шамсуддин Мухаммад Хафиз — непревзойденный мастер газели. Краткую сводку о жизни (1325—1390) и творчестве см.:

Рипка. История литературы, с. 254—264.

330. Коран 5₅₉.

331. Симург — сказочная птица феникс, ср. выше, примеч. 89.

332. Коран 7_{1Т8}.

333. Сангпаст в форме Санг-бест встречается у Бларамберга (Обозрение, с. 269).

334. Букв. “не осталось никакого следа”.

335. *Бигар у шикар у хавалиджат-и бесйар.*

336. *Хуласат ат-таджариб* — сочинение по медицине амира Беха ад-даула Нурбахши составлено в 907/1501-02 г. в деревне Таруште близ Рея, см.: С. А. Storey. *Persian literature*. Vol. 2, p. 2, с. 230-231.

337. Судя по контексту, эта деревня находилась недалеко от Турбата (наш автор не уточняет, от Турбат-и Хайдери или от Турбат-и Джам, ср. выше, примеч. 317). Виткевич (1837 г.) упоминает селение Сенгун в 4 фарсах от Турбат-и Хайдери (см: Бларамберг. *Обозрение*, с. 335). Также в 4-х фарсах от Турбат-и Хайдери в направлении г. Хафа Бакулин (1870-е годы) упоминает деревню Сангун (*Заметка о путях на Восток*, с. 94). Наш автор дает написание *** — Санган. При этом следует обратить внимание на то, что Барнабад Бакулиным назван в форме Бурнабад. Возможно, написание Бакулина и

Виткевича отражает местное хорасанское произношение.

338. Об обрядовой стороне хаджа см. ЕІ. Т. 2, с. 196—201.

339. Здесь и ниже употреблен термин *танабана* —
*** .

340. Поэма опущена.

341. = 1222. Под строкой цифрами написано 1223. Последнее, видимо, соответствует действительной дате — ср. л. 2а и примеч. 5, где указана вероятная дата начала работы над сочинением (или списком?) — 9 рамазана 1222/10 ноября 1807 года.

342. Букв. “сумасшедшей”.

343. Газургах, букв. прачечная. Местность, где похоронен шейх Абдаллах Ансари (1006—1088) — известный мастер суфийских четверостиший.

344. Коран 23₅₅.

345. Имена героев *Шах-наме*, легендарных царей древнего Ирана.

346. *Мухр-и намаз* — кусок глины, взятый из почвы Кербелы. Ему придавали форму лепешки, которую во время молитвы клали перед собой, прикасаясь к ней лбом при поклонах.

347. Возможно несколько иное понимание текста: “Почему ты оставил благочестие, которое вы почитаете необходимым на пути своего суфийского духовного совершенствования?”

348. В тексте никак не отмечено место, к которому относятся эти стихи, написанные на полях рукописи.

349. Текст на этом обрывается; на последних листах рукописи (л. 107— 111) помещено приложение — переписка автора (12 писем), причем ни авторы, ни адресаты восьми из них не указаны.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдул-Керим Бухари. — Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les

demit res annees du regnes de Nadir Chah (1153),
jusqu'en 1233 de l'Hegire (1740 — 1818), par Mir
Abdoul Kerim Boukfrary. Publ., trad, et aimotee par Ch.
Schefer. T. 1. Texte persan [Boulaq, 1290/1873-74
(литогр.)]; t. 2. Trad. francaise. P., 1876.

Артамонов. Гератская провинция. — Л. К.

Артамонов. По Афганистану. Гератская провинция
(Гератский театр). Опыт военно-статистического
исследования Л. К. Артамонова. Асхабад, 1895.

Арунова. Гератское восстание. — М. Р. Арунова.

Гератское восстание 1716 — 1732 гг. —

Независимый Афганистан. М., 1958, с. 153 — 163.

Ауфи. — Introduction to the Jawami'u'l hikayat wa
lawami'u'-r riwayat of Sadidu'd-din Muhammad al-'Awfi
by Muhammad Nizamu'd-din. L., 1929 (“E. J. W. Gibb
Memorial Series”. New Series. VIII).

Бакулин. Заметка о путях на Восток. — Ф.

Бакулин. Заметка о путях на Восток от Мешхеда в
Афганистан. СПб., 1879 (отд. отт.).

Бартольд. Бушендж. — В. В. Бартольд. Бушендж.
— Сочинения. Т. 3. М., 1965, с. 394 — 395.

Бартольд. Улугбек. — В. В. Бартольд. Улугбек и его
время. — Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964, с. 23 —
196.

Бертельс. Навои и Джами. — Е. Э. Бертельс. Навои
и Джами. — Избранные труды. М., 1965.

Бертельс. Роман об Александре. — Е. Э. Бертельс.
Роман об Александре и его главные версии на
Востоке. М. — Л., 1948.

Бечка. Таджикская литература. — Иржи Бечка.
Таджикская литература с XVI до начала XX века. —
Ян Рипка. История персидской и таджикской
литературы. М., 1970.

Бларамберг. Обзорение. — Статистическое
обозрение Персии, составленное подполковником И.
Ф. Бларамбергом в 1841 году. [Б. м., б. г.].

Болдырев. Зайн ад-дин Васифи. — А. Н. Болдырев.
Зайнаддин Васифи — таджикский писатель XVI в.

(Опыт творческой биографии). Под ред. А. М. Мирзоева. Сталинабад, 1957.

Болдырев. Мемуары. — А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV — XVI вв. Л., 1940 (отд. отт.).

Бухарский вакф XIII в. — Бухарский вакф XIII в. Факсимиле. Изд. текста, пер. с араб. и перс., введ. и коммент. А. К. Арендса, А. Б. Халидова, О. Д. Чехович. М., 1979.

Вахид Табризи. Джем'-и мухтасар. — Вахид Табризи. Джем'-и мухтасар. Трактат о поэтике. Критический текст, пер. и примеч. А. Е. Бертельса. М., 1959.

Ганковский. Империя Дуррани. — Ю. В. Ганковский. Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М., 1958.

Гулистан. — Са'ди. Гулистан. Критический текст, пер., предисл. и примеч. Р. М. Алиева. М., 1959.

Давидович. Материалы по метрологии. — Е. А. Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

Джами. Нафахат ал-унс. — The Nafahatal-ons min hadharat at-qods, or the lives of the soofis. By Mawlana Noor al-Din 'Abd al-Rahman Jami. Ed. by Mawlawis Gholam 'Jisa, 'Abd al-Hamid and Kabir al-Din A'ninad, with a biographical sketch of the author by W. Nassau-Lees. Calcutta, 1859 (Lees' Persian Series).

Зайнал-Абидин Ширвани. Бустан ас-сийаха. — *** Литограф, изд. (КЛК № 114).

Зиб-и тарихха см.: Хусайн Али. Украшение летописей.

Ибн Арабшах. — ***1868-69/***.

Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. — П.П.Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI — XVII вв. М. — Л., 1954.

Искандер-бек Мунши. Тарих-и алам-ара-йи

Аббаси. — Искандер-бек Мудши. Тарих-и алам-ара-йи Аббаси, рук. ИВАН С 444 (574a bis).

Исфизари. — Му'ин ад-дин Исфизари. Китаб раузат ал-джиннат фл аусаф мадйнат Харат, рук. ИВАН С 474 (574 agk).

Кази-Ахмед. Трактат о каллиграфах и

художниках. — Кази-Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках. 1596-97/1005. Введ., пер. и коммент. проф. Б. Н. Заходера. М., 1947.

КЛК. — О. П. Щеглова. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВАН СССР. Ч. 1 — 2. М., 1975.

КИНА. — СК Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д.

Миклухо-Маклай, А. М. Мугияов, М. А.

Салахетдинова. Персидские и таджикские рукописи

Института народов Азии АН СССР (Краткий

алфавитный каталог). Под ред. Н. Д. Миклухо-

Маклая. Ч. 1 — 2. М., 1964.

Коран. — Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.

Кульберг. Закаспийский край. — П. Кульберг. Закаспийский край. Работы Афганской разграничительной комиссии и наша новая граница с Афганистаном. — “Известия Кавказского отдела Имп. Русского географического общества”. Вып. 9. Приложения: Материалы для описания Персии, Азиатской Турции и Закаспийского края. Тифлис, 1887, с. 48 — 89.

Ма'ил Харави. — ***. Mirzas of Barnabad. Biography and literary works of an artist family in Poshang (9-th century H — 13-th century H.) by Mayel Herawy. Kabul, 1969.

Максад ал-икбал. — ***.

Махмуд б. Вали. Море тайн. — Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. (География). Введ., пер., примеч., указ: Б. А. Ахмедова. Таш., 1977.

Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмадшахи. —
Махмуд ал-Хусайни. Та'рих-и Ахмадшахи. Рук.
ИВАН D 93 (576a*).

Миклухо-Маклай. Описание. — Н. Д. Миклухо-
Маклай. Описание таджикских и персидских
рукописей. Вып. 2. Биографические сочинения. М.,
1961.

**Мухаммад Анвар Найар Харави. Йаддаштха-йи
Барнабади,** — Мухаммед Анвар Найар Харави.
Йаддаштха-йи Барнабади. — Журн. “Агуана”. 1962,
vol. 20, № 7, July, с. 23 — 27.

Персидские миниатюры. — Персидские
миниатюры XIV — XVII вв. Вступительная статья О.
Ф. Акимушкина и А. А. Иванова. Под ред. Ю. Е.
Борщевского. М., 1968.

Петров. Поправки и дополнения. — П. И. Петров.
Поправки и дополнения к биографии Мухаммед-
Казима. — “Советское востоковедение”. 1958, № 5, с.
109 — 114.

Петрушевский. Земледелие. — И. П.

Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XIV вв. М. — Л., 1960.

Риза-Кули-хан. Маджма' ал-фусаха. — *****

***** Литограф, изд. (КЛК № 148).

Рипка. История литературы. — История

персидской и таджикской литературы. Под ред. Яна Рипка. Пер. с чешского. М., 1970.

Риштия. Афганистан в XIX веке. — Сейид Касем

Риштия. Афганистан в XIX веке. Пер. с перс. Л. Н. Дорофеевой, М. К. Куркина, Мухаммед Рахим-хана. Ред. и предисл. Ю. В. Ганковского. М., 1958.

Томашек см.: Tomaschek. Zur historischen
Тороgraphic.

Туманович. Семейная хроника. — Н. Н.

Туманович. Семейная хроника рода гератских феодалов XV — начала XIX в. — Ближний и Средний Восток. История, культура, источниковедение. Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского. М., 1968.

Ханыков. Отчет. — Н. В. Ханыков. Отчет начальника Хорасанской экспедиции. — “Вестник Имп. Русского географического общества”. Ч. 26, 1859, с. 39 — 52.

Хафиз-и Абру. — ***1970/ *** [б.м.] ***.

Хинц. Мусульманские меры. — В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.

Хусайн Али. Украшение летописей. — Хусайн Али. Украшение летописей. Пер с перс., введ. и примеч. Г. А. Волошиной, Таш., 1965.

Хусайн Табризи. Раузат ал-джинан. — ***.

Чехович. Самаркандские документы. — Самаркандские документы XV — XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, пер., введ., примеч. и указ. О. Д. Чехович. М., 1974.

Шах-Махмуд Чурас. Хроника. — Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст,

пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимовской.
М., 1976.

EL — The Encyclopaedia of Islam. Vol. 1 — 4. Leiden
— London, 1913 — 1934.

Le Strange. The lands of the Eastern Caliphate. — G.
Le Strange. The lands of the Eastern Caliphate.
Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem
conquest to the time of Timur. Cambridge, 1905.
Lockhart. Nadir Shah. — L. Lockhart. Nadir Shah.
Critical study based mainly upon contemporary sources.
L., 1938.

Minorsky. Tadhkirat al-muluk. — Tadhkirat al-muluk.
A manual of safavid administration (circa 1137/1725).
Persian text in facsimile (B. M. Or. 9496). Transl. and
explained by V. Minorsky. L., 1943.

Perrin. L'Afghanistan. — N. Perrin. L'Afghanistan, ou
description géographique du pays théâtre de la guerre. P.,
1842.

Rabino. Mazandaran and Astarabad. — H. L. Rabino. Mazandaran and Astarabad. L., 1928 (“E. J. W. Gibb memorial Series”. New Series VII).

Storey — C A.Storey. Persian literature. A bibliographical survey. Vol. 1 — 2. L., 1927 — 1953.

Tomaschek. — W. Tomaschek. Zur historischen Topographie von Persien. Strassenzuege der Tabula Peutingerana. - “Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften”. Bd 102. Wien, 1883, c. 145-231.